

ОГОНЁК
№ 32 АВГУСТ 1956
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Испытание нового магистрального тепловоза на опытно-экспериментальном кольце.

Фото С. Фридлянда.

На последней странице обложки: Центральный стадион в Лужниках. Главная арена.

Фото Дм. Бальтерманца.

ОГОНЁК № 32 (1521)

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

34-й год издания

5 АВГУСТА 1956.

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Привет участникам Спартакиады народов СССР!

ВО СЛАВУ СОВЕТСКОГО СПОРТА!

Москва. 5 августа. Центральный стадион имени В. И. Ленина.

Этот адрес и эта дата надолго запомнятся нам, потому что Спартакиада народов СССР, бесспорно, явится новой яркой главой в истории советского спорта, а грандиозный стадион имени В. И. Ленина, где она сегодня открывается, мы еще не раз посетим вместе с вами, любуясь его величественными сооружениями, просторами его полей и залов.

Год готовились к своей Спартакиаде спортсмены Советского Союза, а в это время возводили новый стадион его славные строители. Те и другие выполнили свои обязательства. Спортсмены 15 союзных республик, Москвы, Ленинграда, Карельской АССР хорошо подготовились к борьбе, а строители передают им отличную арену для этой борьбы. 18 сборных команд заполнят сегодня поле главной арены Центрального стадиона с трибунами на 103 тысячи мест. Невдалеке расположены еще два крупных сооружения — плавательный бассейн с трибунами на 13 200 мест и малая арена, вмещающая 16 500 зрителей.

Есть где развернуться спортсменам, есть где продемонстрировать им свое мастерство. В течение двух недель мы будем наблюдать состязания представителей различных видов спорта, любоваться искусством сильной, цветущей молодежи Советской страны. Родина не жалеет ни сил, ни средств для ее физического воспитания; лучшие тренеры передают ей свой опыт; все чаще встречаются наши спортсмены с командами зарубежных стран.

Спартакиада народов СССР будет не только смотром развития массового спорта в нашей стране, но и смотром ее лучших спортивных сил. Победители Спартакиады, самые сильные, самые умелые, войдут в сборную команду Советского Союза и примут участие в XVI Олимпийских играх, которые состоятся осенью этого года в Австралии.

Пожелаем же успеха участникам Спартакиады народов СССР. Новых вам рекордов, новых побед во славу советского спорта!

31 июля трибуны Центрального стадиона заполнили первые зрители. Это были строители Москвы, строители замечательного спортивного сооружения в Лужниках. Они собрались, чтобы отметить День строителя и завершение первой очереди города спорта.

В центральной ложе стадиона: Н. А. Булганин, К. Е. Ворошилов, Г. М. Маленков, В. М. Молотов, М. Г. Первухин, Н. С. Хрущев, Г. К. Жуков, Л. И. Брежнев, Д. Т. Шепилов, Е. А. Фурцева, А. Б. Аристов, Н. И. Беляев, П. Н. Поспелов.

С речью на собрании выступил Первый секретарь Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза тов. Н. С. Хрущев. Он сообщил о том, что Указом Президиума Верховного Совета СССР Центральному Московскому стадиону присвоено имя нашего великого вождя и учителя Владимира Ильича Ленина. Собравшиеся встретили эту весть бурными, продолжительными аплодисментами.

На снимке: первые зрители на трибунах Центрального Московского стадиона имени В. И. Ленина.

Фото А. Бочинина.

Анкета «Огонька»

МЫ НАЧАЛИ ТАК:

Редакция журнала «Огонек» обратилась к нашим известным спортсменам с просьбой ответить на один вопрос: как они начинали заниматься спортом?

Ответы, полученные редакцией, несмотря на всю их лаконичность, очень красноречивы. Они говорят о том, что начало пути у всех одно и то же. Наши чемпионы и рекордсмены начали этот путь на колхозной площадке, заводском стадионе, в школьном и вузовском спортивном зале. И чем больше будет у нас таких площадок, стадионов и залов, чем больше молодежи со школьных лет будет увлекаться спортом, тем больших успехов они добьются.

Александр МАЗУР, чемпион мира.

Зеленая лужайка была моим первым борцовским ковром. В совхозе «Поповка», что в Винницкой области, где я работал до 1935 года трактористом, молодежь очень любила борьбу. «А ну, хлопцы, кто кого?» — услышишь вдруг крик. И вот уже вокруг схватившейся в обнимку пары образовался плотный кружок.

Боролись мы по-народному, без особых правил, запрещалась лишь подножка. Искусству классической борьбы я научился позже, но именно шумные, горячие поединки молодых богатырей в родном украинском селе привили мне на всю жизнь любовь к спорту.

Владимир СТОГОВ, чемпион и рекордсмен СССР, Европы и мира.

Маховик трактора «ХТЗ» весит около 90 килограммов. Однажды работники гаража, где я был шофером, попробовали его поднять. Разгорелось настоящее соревнование. Кое-как взвалить маховик на плечо удалось только мне. Тем дело, однако, и кончилось: я продолжал увлекаться футболом. Но

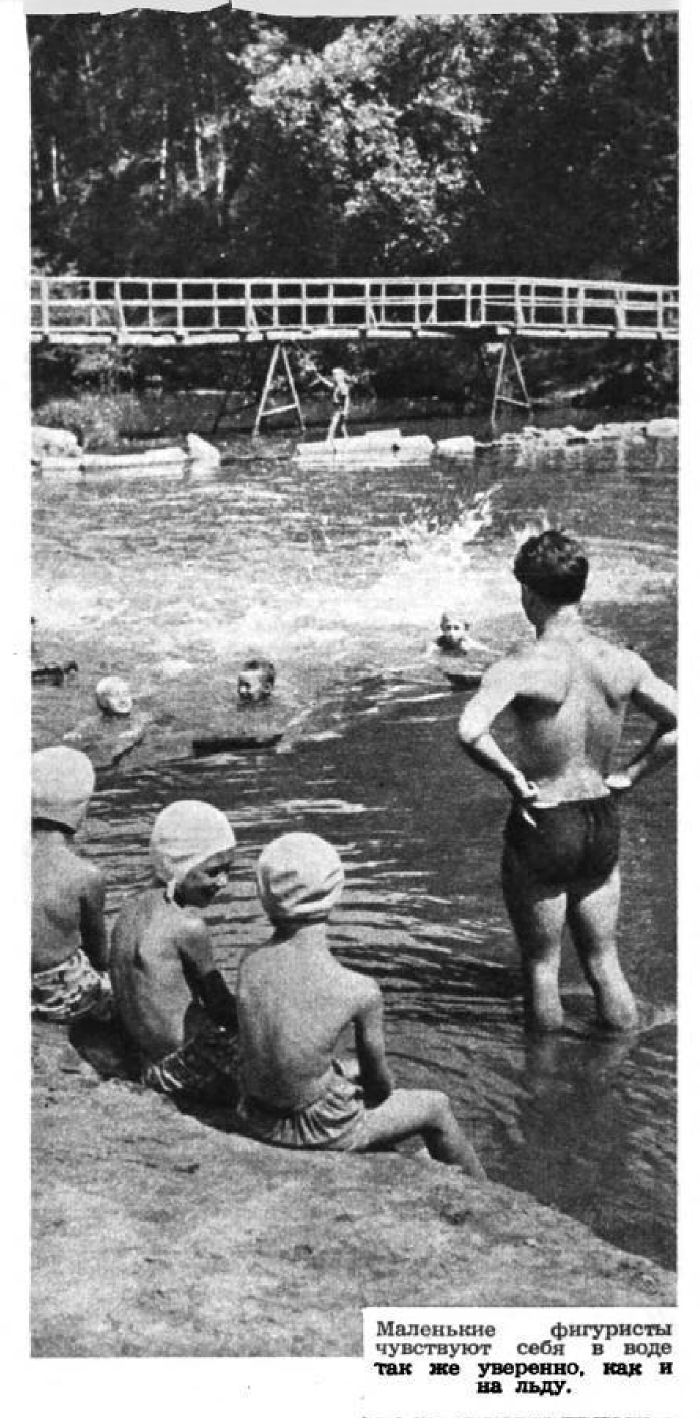
Спорт — это свежесть, задор, дерзание. Кому же побеждать, как не молодежи? Но для того, чтобы добиться высоких результатов уже к восемнадцати — двадцати годам, занятия надо начинать с детства. В детских и юношеских спортивных школах нашей страны занимаются многие тысячи ребят. Они набирают силы для того, чтобы завтра сменить на большой спортивной арене нынешних чемпионов и рекордсменов. В юных спортсменах — наше будущее.

Этот фотоочерк рассказывает о жизни молодых спортсменов стадиона Юных пионеров . Летом они проводят время в своем спортивно-оздоровительном лагере под Подольском. За лето здесь побывает около 360 человек. Юные футболисты, легкоатлеты, акробаты, теннисисты, фигуристы занимаются со своими тренерами, собирают грибы, совершают увлекательные туристские походы, удят рыбу, помогают колхозникам.

Дм. БАЛЬТЕРМАНЦ

Кто раньше спустится с горы?

Маленькие фигуристы чувствуют себя в воде так же уверенно, как и на льду.

У них уже свои болельщики.

↓Футболисты на поле.

в 1952 году, находясь уже на военной службе, я выжал штангу весом в 65 килограммов, хотя сам весил тогда 55 килограммов. Друзья уговорили серьезно заняться гиревым спортом, и я ничуть не жалею. что последовал их совету.

Анатолий БОГДАНОВ, чемпион и рекордсмен мира и XV олимпийских игр.

В тир затащили меня товарищи по ремесленному училищу чуть ли не силком. Стрелять я попробовал из малокалиберной винтовки, но все мимо. Кругом шутки, подтрунивание... Стало обидно. Разозлился. Начал усиленно упражняться, и вот теперь стреляю как будто бы неплохо.

Софья МУРАТОВА, абсолютная чемпионка СССР по гимнастике.

Гимнастикой я начала заниматься в четырнадцать лет. Моя старшая сестра была хорошей гимнасткой, а ее муж, Иван Степанович Журавлев, работал тренером. Забегу вперед и скажу, что мой муж, Валентин Муратов,— тоже гимнаст, абсолютный чемпион мира.

Мой путь в большой спорт был не легким. Немало пришлось приложить усилий, прежде чем я добилась успехов. Первое же серьезное испытание — участие во всероссийских юношеских соревнованиях 1943 года — принесло мне горькое разочарование: я заняла 21-е место. Но какие бы неудачи в жизни ни подстерегали меня, я не сдавалась. Летом 1954 года на олим-

пийском стадионе в Риме разыгрывалось первенство мира по гимнастике. С высоких оценок начала я соревнование... и на разминке вывихнула руку. Обидно было очень, однако, поправившись, я сразу же начала готовиться к первенству страны, и в декабре мне вручили золотую медаль абсолютной чемпионки.

Теперь сильнейшим гимнасткам страны предстоят новые встречи на Спартакиаде народов СССР. Состав участников этих соревнований мог бы украсить мировой чемпионат. Тем более почетной для каждой из нас будет победа.

Муратова

Ростислав ЧИЖИКОВ, чемпион и рекордсмен СССР, член команды-победительницы «Велогонки мира».

Городской транспорт в годы войны работал у нас в Иркутске неважно. Велосипед заменил мне трамвай и автобус. Часто приходилось делать километров по сорок в день. Такие поездки послужили хорошей подготовкой к первому спортивному выступлению. В мае 1946 года я участвовал в 15-километровой кольцевой гонке по городу, которую выиграл. Мне было тогда семнадцать лет.

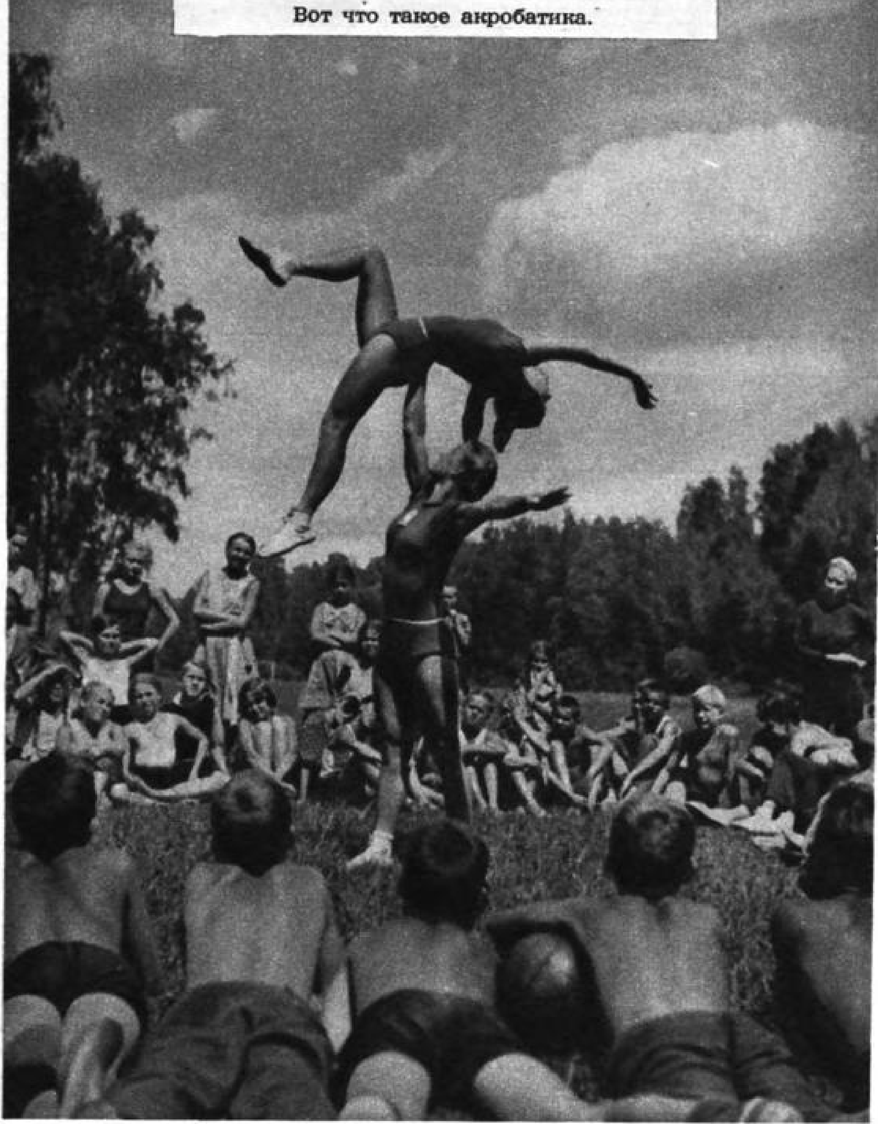
Геннадий ШАТКОВ, чемпион Европы по боксу.

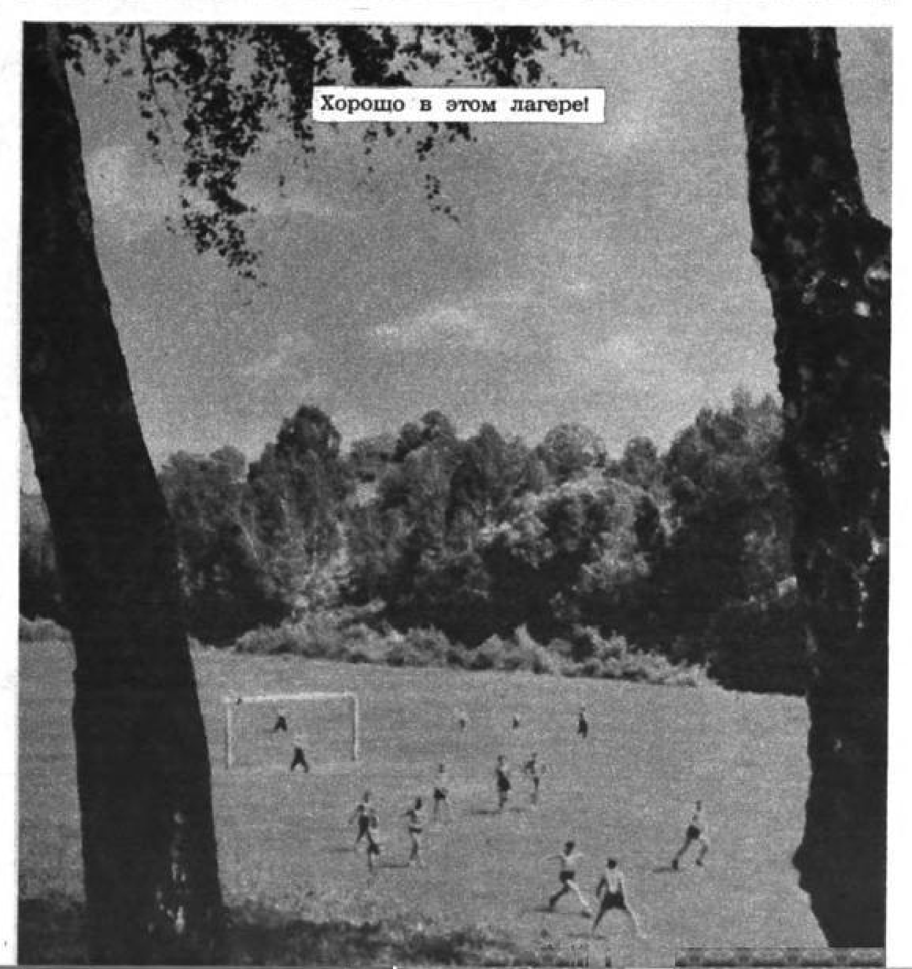
Это было восемь лет назад. Я тогда учился в школе. Как-то принес я домой анкету, в конце которой требовалась подпись родителей. Знакомство моей матери с этой анкетой закончилось тем, что она перечеркнула ее и строго сказала:

Наташа Кохановская — хорошая теннисистка, но стреляет сегодня в первый раз.

Вот что такое акробатика.

Хорошо в этом лагере!

— Еще чего недоставало — боксом заниматься!

Но я был твердо убежден, что бокс — моя стихия, и начал тайком посещать секцию бокса Ленинградского дворца пионеров. Впрочем, вскоре тайное стало явным: первый же синяк выдал меня. Дома узнали о моем увлечении и в конце концов смирились...

В 1955 году я одержал свою самую большую победу — стал чемпионом Европы во втором среднем весе. Всю весну и лето готовился к Спартакиаде народов СССР и к государственным экзаменам в Ленинградском университете. Я закончил юридический факультет.

Нина ОТКАЛЕНКО, рекордсменка Европы и мира.

Летом 1950 года спортивный коллектив Дружковского завода горного оборудования послал меня на областную спартакиаду общества «Шахтер» в качестве велосипедистки. Неожиданно заболела одна из наших легкоатлеток, и мне пришлось ее заменить в беге на 800 метров. И вдруг я выигрываю эту дистанцию! Оказалось, что не велогонки, а именно бег — мое настоящее спортивное призвание.

Лидия АЛЕКСЕЕВА, капитан сборной баскетбольной команды СССР.

Много воды утекло с того дня, когда я впервые вошла в школьный спортивный зал, увидела мяч, взлетевший в воздух, стремительный бег баскетболисток. Меня увлекла прекрасная, полная динамики и задора игра, и спустя полгода я уже заняла место в сборной команде школы. Вопреки всем установившимся традициям я, младшая сестра, привела в зал старшую сестру, Валентину, и вот теперь Валентина Копылова и я продолжаем играть вместе в команде Московского авиационного института, в сборных командах Москвы и Советского Союза.

Поддерживать спортивную форму, упорно тренироваться довольно трудно: мне приходится заниматься и домашним хозяйством, а это очень хлопотливое дело. Но от баскетбольного мяча я оторваться не могу. Сборная команда страны еще раз завоевала почетный титул чемпиона Европы.

Вспоминая и загадывая

Лев КАССИЛЬ

Нынешний 1956 год — не только високосный, но и, если так можно выразиться, высокоспортивный... Он стоит большого напряжения нашим спортсменам и доставляет немало хлопот нашему брату-болельщику.

Международная орбита спортивного мира в этом году пролегла вначале по безукоризненной ледовой дорожке озера Мизурина и альпийской лыжне в Доломитах у Кортина д'Ампеццо, чтобы замкнуть свой круг на поле и беговой дорожке олимпийского стадиона в Мельбурне. Отблески олимпийского огня, вспыхнувшего в начале нынешнего года в Доломитовых Альпах, теперь готового с новым благородным и дружелюбным жаром загореться в далекой Австралии, озаряют дату «1956». А для советских спортсменов год этот особо значителен. После блистательных побед, одержанных нашими хоккеистами, лыжниками и конькобежцами на зимних олимпийских играх в Италии, по пути на олимпийский стадион Австралийского континента, спортсменам нашим предстоит выдержать серьезнейший экзамен перед тысячами и тысячами сотоварищей по спорту и отечественных болельщиков: сегодня, 5 августа, когда вся страна отмечает Всесоюзный день физкультурника, над излучиной Москвы-реки, у Ленинских гор, над трибунами нового, крупнейшего в стране стадиона взовьется флаг Спартакиады народов СССР.

28 лет назад был спущен флаг первой нашей спартакиады и с тех пор не поднимался. Есть сегодня что вспомнить и спортсменам и болельщикам... Мы не забыли Москвы 1928 года, когда, казалось, вся столица превратилась в огромный спортивный лагерь. На полях, дорожках, рингах, стадионах мы увидели чемпионов и рекордсменов того времени; в парках столицы проводились массовые спортивные празднества; на Красной площади в первом физкультурном параде шагали колонны физкультурников, прибывших с Поволжья, из Сибири, с Кавказа, Украины и из Туркмении... А на Москве-реке был настоящий огнеход. В карнавальной флотилии плыли сотни лодок, пароходиков, шлюпок, моторок, двигались целые эскадры оркестров. С лодок били огненные гейзеры фейерверка...

Мы вспоминаем сегодня эти яркие дни, дни нашей молодости и пору горячей юности нашего советского спорта, уже тогда подававшего много добрых надежд. Старые, опытные почитатели спорта, болельщики перебирают сейчас в памяти эту, уже почти тридцатилетней давности пору, называют имена участников первой спартакиады, озирают путь, проделанный между той, первой, и сегодняшней спартакиадами. В старых, слежавшихся комплектах газет того времени я нахожу на страницах, слегка уже жухлых, очерки, написанные о первой спартакиаде, и вспоминаю, что для меня, как и для многих других журналистов и писателей наших, выход с этими очерками на страницы центральных газет был дебютом не менее волнительным и ответственным, чем выступления на московских стадионах для приезжих спортсменов, любовно описанных тогда нами.

Сегодня, направляясь в Лужники, чтобы занять место на трибунах нового, еще невиданного у нас по размерам спортивного советского Колизея, мы вспоминаем наших старых и славных друзей, с которыми хаживали вместе и на спортивные площадки «СКЗ» — спортивного клуба Замоскворечья, или, как говорили московские болельщики, «Стрекозы», и на «ЗКС» — Замоскворецкого клуба спорта, и на стадион в одном из лучевых просеков в Сокольниках, и на стадион сельскохозяйственной выставки у Крымского моста, и туда, где сейчас белеют портики стадиона Юных пионеров, и, наконец, любовались огромной бетонной подковой трибун, которая легла в зелень Петровского парка у порога столицы, а, как известно, подкова у порога укрепляется на счастье...

Мы вспоминаем сегодня тех, кто был первой любовью нашего, тогда еще не много повидавшего спортивного зрителя, тех, чьи первые успехи на гаревой дорожке, на зеленом поле, на рингах и помостах тяжелоатлетов предвещали великолепный расцвет отечественного спорта. Их скромные победы прокладывали дорогу тем достижениям, которые ныне вписаны в таблицы мировых рекордов, где уже теперь стоит в графах немало красных флажков, напоминающих, что достижение принадлежит советскому спортсмену.

Знаменитые бегуны Николай Денисов и Алексей Максунов. Замечательные метатели Анатолий Решетников и Дмитрий Марков. Непобедимый лыжник Дмитрий Васильев. Прославленный скороход Яков Мельников. Штангист Александр Бухаров. Пловец Владимир Китаев. Борис Громов — популярный спринтер, впоследствии спортивный журналист-челюскинец. Любимица московских стадионов Галина Турова. Широкогрудые неутомимые атлеты, побратски делившие славу своих побед на беговых дорожках, — братья Знаменские — Серафим и Георгий. Энергичный, сосредоточенный и собранный Озолин, чей рекорд в прыжке с шестом долгое время никем не был побит. И, наконец, целая плеяда прославленных мастеров кожаного мяча. Бронебойный Бутусов, изво-

Фото А. Новикова.

СПОРТ

Леонид ХАУСТОВ

Он — всё: и горечь пораженья,
И окрыляющий успех,
И сил последних напряженье,
И вперемежку свист и смех.

Он — счет решающих мгновений
И мера выдержки всегда.
Он — мастерство и вдохновенье
Полей спортивного труда.

Свои победы торжествуя,
В покое он не хочет быть,
Ведь и рекорды существуют,
Чтоб было можно их побить!

* * *

Когда ты вслед рывку атлета
Невольно двигаешь плечом,
Когда, прикрыв глаза от света,
Ты вскочишь, бегом увлечен,—

Тогда и возникает чудо:
Как морем ветер голубой,
Всепобеждающая удаль
Овладевает и тобой.

Смотрю взволнованно и гордо,
Как за флажок летит копье:
Ведь в славе нового рекорда
Есть вдохновенье и мое!

ротливый и прыткий «Пека» — Дементьев; всеобщий фаворит, высокотехничный рыжеголовый Селин; многолетний страж ворот сборной Николай Соколов. Стремительный Канунников, неудержимый Ильин, расчетливый, всегда корректный Исаков, умный центр нападения, прозванный «профессором». Знаменитые братья Старостины, каждый из которых прославил по крайней мере одну линию сборной команды страны: Николай — нападение, Андрей — полузащиту, Александр — защиту. И, наконец, непревзойденный Григорий Федотов, появление которого на наших футбольных полях стало как бы началом рождения новой плеяды мастеров советского футбола, заявивших во всеуслышание о своей международной силе на зарубежных стадионах.

Пусть уже давно сегодняшние наши бегуны и прыгуны перемахнули через черту тех показателей, которыми когда-то так радовали и воодушевляли нас многие из перечисленных выше атлетов. В этом нет ничего обидного для наших старых друзей, чьи имена останутся на почетном месте в летописи советского спорта. Совершенно естественно, что при том внимании, каким окружены у нас спорт и физическая культура, при массовом распространении спорта год от года результаты улучшаются. Срезаются секунды и доли их там, где результат выражается единицами времени. Нарастают метры и сантиметры в тех областях спорта, где показателем является преодоленное пространство. Навинчиваются на штанги новые килограммы, когда речь идет о борьбе человеческих мышц с силами земного тяготения.

Однако знаю я, что на новых трибунах в Лужниках непременно кто-нибудь из пожилых моих соседей, заматерелых болельщиков, следя за состязаниями участников Спартакиады, досадливо махнет рукой и со вздохом начнет сокрушаться, пускаясь в воспоминания:

— Ну, разве так играют! Вот в наше время в Новогирееве, я помню, стоял в воротах один гольман. Так можете себе представить, как его форварда ни шуровали, он словно стенка — не пробьешь. Только на бычков своих покрикивает, чтоб тасовались. Вот был кипер — это да! Класс!

Ну что ж, мне бы не хотелось портить моему соседу его сладких воспоминаний о собственной юности, но справедливость требует внести в них некоторые поправки. Нет, дорогой сосед, давайте поглядим друг другу честно в глаза и признаемся, что в «наше время» лучше были не спортсмены, а сами мы с вами были лучшими, более пылкими зрителями. Все нам тогда по молодости лет было в новинку, все нравилось, лишь бы били покрепче да подальше, да вели бы мяч позаковыристей!.. Спору нет, и тогда были у нас талантливые, выдающиеся мастера, обладавшие великолепной техникой. Но ведь сегодня спорт, в том числе и футбол, стал куда сложнее в тактическом отношении. Сегодня уже имей хоть семь пядей во лбу и столько же на траве, все равно не пройдешь ты один от ворот до ворот! И, конечно, футбол, как и все другие виды спорта, требует сейчас значительно большего и личного мастерства и тактического понимания стоящих перед спортсменом задач. И встречи с сильнейшими зарубежными мастерами на футбольных, волейбольных и баскетбольных полях убедительно доказывают, что спортивный класс советских игроков неизмеримо вырос по сравнению «с нашим временем».

Конечно, мы всегда с благодарностью будем вспоминать те зрелища, которые подарил нам стадион «Динамо». Он вырос на наших глазах, мы были болельщиками самой стройки его еще до того, как заняли места на трибунах амфитеатра. Мы хорошо помним его еще с мотовелотреком, с подковообразными трибунами, не сомкнувшимися там, где сейчас шумит во время матчей горластая вольница Восточной трибуны...

Мы и сейчас не собираемся расставаться с ним и не раз еще вернемся сюда, к этой прославленной арене, на которой прошла молодость советского спорта. Но сегодня взоры тысяч болельщиков устремлены к юго-западной стороне столицы, туда, где сомкнул в гигантский овал свои вместительные трибуны новый стадион, ворота которого 5 августа откроются для 103 тысяч зрителей.

И хочется думать, что этот августовский день 1956 года будет не только датой открытия стадиона и Спартакиады, но и первым днем новой, славной эры в нашем спорте.

Я завожу разговор об этом в канун Спартакиады с Николаем Георгиевичем Озолиным, в прошлом сильнейшим нашим «шестовиком», то есть рекордсменом в прыжке с шестом, а ныне директором научно-исследовательского института физической культуры. Завязывается откровенная беседа между прославленным мастером и старым болельщиком. Мы предаемся воспоминаниям и, предвкушая то, что увидим в Лужниках, пробуем загадать коечто на будущее... У нас выросли замечательные бегуны, тяжелоатлеты, прыгуны, гимнасты, имена которых известны всему спортивному миру. Мы прикидываем возможности мирового рекордсмена по метанию молота Михаила Кривоносова, взвешиваем мысленно результаты, которые способен показать один из сильнейших стайеров мира, москвич Владимир Куц. Озолин с отеческой заботливостью в голосе говорит о своем ученике Леониде Щербакове, который совсем недавно в тройном прыжке показал результат, лишь на 10 сантиметров уступающий мировому рекорду бразильского негра да Сильва. Вот теперь надо разложить эти десять сантиметров на три «прибавочки», которыми Щербаков должен увеличить каждую из трех частей прыжка, чтобы выйти победителем в Австралии в единоборстве с мировым рекордсменом...

Да, у нас немало талантливых, многообещающих спортсменов. Но сегодня не время успокаиваться, благостно похваливать молодых спортсменов, подающих неплохие надежды, и отворачиваться от тех помех и недочетов, которые следовало бы устранить в системе подготовки мастеров и воспитания сотен тысяч молодых физкультурников.

— Все дело решает система подготовки, — убежденно повторяет Озолин. — Мы накопили уже немало опыта, но часто его не используем. В Венгрии, например, как и в других странах народной демократии, широко применяют разработанные нами методы тренировок. А мы сами часто пренебрегаем этими методами, внедряем их чрезвычайно медленно, туго. Мы знаем больше того, что делаем. У нас иногда утешают себя тем, что, мол, непременно скажется массовый размах физкультурных занятий. Раз, мол, в это дело вовлечены миллионы, значит, и число выдающихся спортсменов будет больше, чем где бы то ни было. Ну, во-первых, — продолжает Озолин, — это положение можно применять при подобного рода расчетах лишь в известной мере. Конечно, мы имеем благодарнейший материал и широкий выбор. Вон в Бразилии в тройном прыжке результат за 15 метров показывает только один да Сильва, мировой рекордсмен, а у нас сейчас не менее двух десятков человек преодолевают 15 метров. Однако это не значит, что тем самым рекорд мира обеспечен именно нам. Массовость помогает выявлять таланты, а дальше дело решают уже метод, система совершенствования. Вот Ихарош, великолепный венгерский бегун, побил Куца не объемом, а методом тренировки... Он тренировался на более высоких скоростях, то есть вел более совершенную подготовку.

И этот метод тренировки сказался...

Или возьмите такой вид спорта, как хорошо знакомый мне прыжок с шестом.

У нас, да и в странах Западной Европы всегда применялись ямы с песком, которые смягчают удар при приземлении прыгуна. А вот в Америке делают насыпь из мелкой стружки. На нее можно падать даже плашмя — не ушибешься. И тем самым смягчается приземление, устраняются возможные травмы, оберегаются мышцы.

Почему бы и нам не попробовать.

Мы вспоминаем затем о системе пропаганды и информации, с которой познакомились на больших зарубежных стадионах. Там зритель, даже мало осведомленный о спорте, чувствует себя в курсе событий, разыгрывающихся на беговых дорожках, на секторах, где происходит метание диска и молота. На демонстрационных щитах немедленно появляются цифры, сообщающие о показанных результатах.

Система информации продумана очень тщательно, и это помогает приобщить к спорту людей, которые недавно были еще к нему равнодушны.

И мы говорим о том, какие средства выразительной и общедоступной информации будут применяться на новом стадионе имени В. И. Ленина. И загадываем множество приятных и интересных событий, которыми, мы надеемся, порадует нас завтрашний спортивный день.

Мы имеем все основания возлагать на него большие надежды. 28 лет отделяют нас от первой Всесоюзной спартакиады. Многое из того, что мы загадывали, следя за выступлениями спортсменов на стадионах первой спартакиады, сейчас уже сбылось. Советская страна стала передовой спортивной державой.

И мы имеем право смело надеяться на то, что состязания Спартакиады советских народов будут новой вехой в истории нашего спорта.

УРОЖА

УБРАТЬ

На просторах Сибири и Казахстана во всю ширь развернулась уборка великолепного урожая. Корреспондент «Огонька» беседовал по телефону с некоторыми партийными работниками Казахстана и Сибири, директорами совхозов и МТС. Вот что они рассказали читателям журнала.

Шаги исполина

Мы попросили Андрея Константиновича Морозова, заведующего сельскохозяйственным отделом ЦК Коммунистической партии Казахстана, назвать совхоз, который первым возник на целинных землях.

Последовал неожиданный ответ:

— Я не знаю и не в состоянии знать потому, что организация совхозов развивалась с фантастической быстротой. Однажды весною 1954 года в Казахстан приехали 79 человек с полномочиями директоров будущих совхозов. В степях еще лежал снег, когда они раскинули палатки и наметили усадьбы, а сейчас в республике действуют 337 совхозов, которые убирают хлеба на площади 10 319 тысяч гектаров.

Освоение целины резко подняло производство зерна в нашей республике. Известно, что колхозы и совхозы Казахстана в этом году обязались поставить и продать государству по крайней мере миллиард пудов зерна. По сравнению с прошлым годом это на 900 миллионов пудов больше.

Конечно, такой необычайно стремительный шаг вперед потребовал огромной поддержки, и она оказана Казахстану. На уборку урожая приехали и еще едут добровольцы из Москвы, Ленинграда, Киева, Ташкента — словом,

Такого количества хлеба, которое мы будем иметь в этом году, наша страна еще никогда не имела.

← Товарищ Н. С. Хрущев на полях совхоза имени дважды Героя Советского Союза И. Ф. Павлова, Кустанайской области.

Фото А. Устинова.

Й ВЫРАЩЕН БОГАТЫЙ

ЕГО ВО-ВРЕМЯ, БЕЗ ПОТЕРЬ

450 тысяч человек из разных республик. Интересно, что на призыв комсомола отозвались не только юноши и девушки. Едут люди пожилые, даже целыми семьями, готовые не только поработать в страдную пору, но и остаться для постоянной работы. Кроме того, огромную помощь нам оказали более 11 тысяч комбайнеров Украины, приехавшие вместе со своими комбайнами. Хлеба созревают бурно, и эти весьма опытные люди оказывают нашим хлеборобам неоценимую услугу, особенно потому, что они хорошо владеют техникой раздельной уборки. Кроме того, в Казахстан посланы 8 тысяч квалифицированных комбайнеров, но без машин. Комбайны они получают на месте.

— В чем труженики сельского хозяйства Казахстана испытывают сейчас особую необходимость?

— Обильный урожай остро поставил перед нами вопрос об автомобильном транспорте. Не хватает грузовых автомобилей. Правительство обязало различные ведомства перебросить на время в республику 43 тысячи автомобилей вместе с шоферами. Однако пока прибыли только 20 тысяч шоферов с их машинами. А время не терпит!

Оказывается, можно!

Во время поездки по степям Казахстана Никита Сергеевич Хрущев побывал в совхозе «Хмельницкий» (Павлодарская область). На землях совхоза зрел богатый урожай, радующий сердце. Хорошее впечатление произвела и усадьба совхоза, обсаженная молодыми кленами и ясенями.

Никиту Сергеевича окружили матери-работницы, бывшие ленинградки. Они пожаловались на то, что нет хороших яслей, а в магазине нет детской обуви, приданого для новорожденных, даже игрушек.

В дружеской беседе рабочие говорили о том, что редко в совхоз приезжают руководящие работники района, области, республики. Высказывалось неудовлетворение состоянием культурного обслуживания работников совхозов.

Товарищ Хрущев попросил министра совхозов СССР Ивана Александровича Бенедиктова остаться в совхозе и обстоятельно разобраться в бытовых делах.

Министр остался.

— И вот теперь,— сообщает директор совхоза Павел Евстратович Москаленко,— в совхозный магазин привезли из Павлодара полный грузовой автомобиль детской обуви и летней — для взрослых. Оказывается, этими товарами были забиты склады Павлодара...

В совхозе сгорела хлебопекарня, а ремонт ее затянулся: не хватало строительных материалов. Но теперь нашлись материалы, пекарню восстановили и даже удвоили выпечку, поставив дополнительную печь.

Простой выход нашли для снабжения мясом через магазин. Кооперативу предоставили триста овец и пастбище для их содержания. Каждые сутки забивают несколько овец для продажи мяса семейным. Холостые рабочие питаются в столовой. Совхоз имеет стадо в сто коров. Плохонькие, беспородные степные коровы, но худо-бедно каждая дает 3—5 литров молока в сутки. Словом, молока вполне хватило бы для общественного питания и продажи населению. Однако я, директор, не имел права распоряжаться молоком. Министерство обязало меня отвозить молоко на далекое расстояние в счет государственных поставок. Нарушить это распоряжение министерства означало бы совершить государственное преступление.

Теперь этот приказ отменен.

В Рубцовской МТС на Алтае

Большие перемены произошли на Алтае: посевные площади в сравнении с 1953 годом возросли вдвое. Алтай убирает свыше 7 миллионов гектаров различных культур и среди них 4 660 тысяч гектаров алтайской яровой пшеницы.

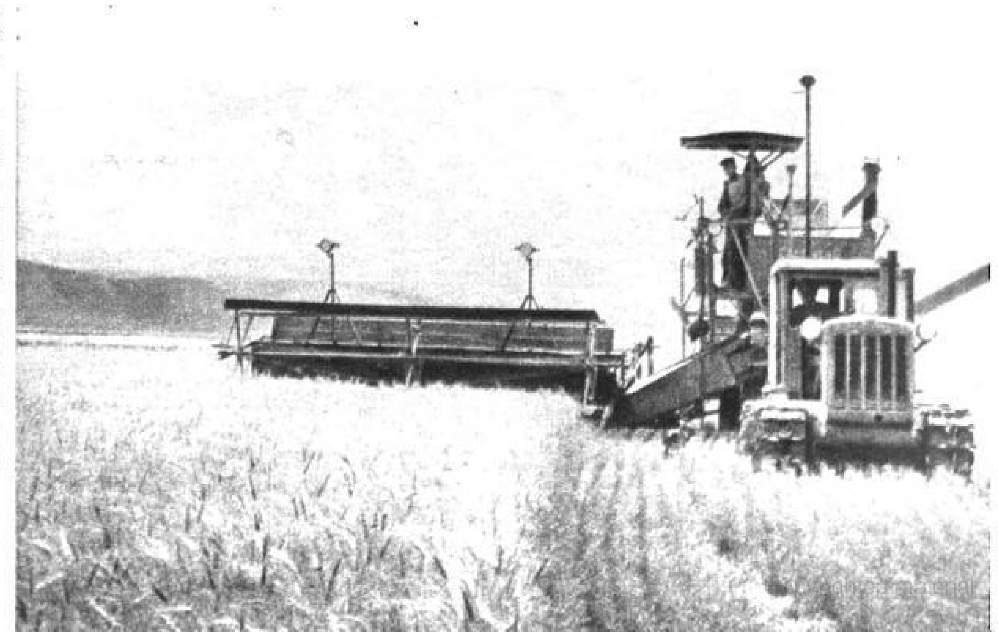
Есть на Алтае город Рубцовск, где находится первый в Сибири тракторный завод. Мы позвонили в Рубцовскую МТС, пригласили к телефону директора Юрия Дмитриевича Винокурова. Рубцовская МТС интересна тем, что руководящие должности здесь заняты заводскими инженерами. И стиль работы в МТС заводской. Тон задает Винокуров, сам по образованию инженер, работавший прежде на тракторном заводе технологом.

— Рубцовская МТС должна нынче убрать зерна 27 тысяч гектаров. Из них не менее 13 тысяч — раздельно. Но для Алтая дело это — совершенно новое,— говорит Юрий Дмитриевич.— Мы, конечно, не стали ожидать, когда приедут нас учить. Мы привыкли, что за опытом надо самим ездить. Лучше один раз увидеть, чем тысячу раз услышать. И заблаговременно, пока зрел на Алтае хлеб, мы послали своих инженеров и комбайнеров на Кубань. Там они поработали вместе с кубанскими мастерами раздельной уборки. Научились ровно класть валки скошенного хлеба, без потерь подбирать и обмолачивать колосья.

Теперь уже и к нам едут изучать технологию раздельной уборки. Способ этот для Сибири, по-моему, еще более выгодный, чем на Юге, где он возник.

В Аксенгерском зерносовхозе, Алма-Атинской области, идет уборка хлебов, выращенных на целинных землях.

Фото И. Будневича и Н. Степанова (ТАСС).

Под шелковым куполом

Дружеская беседа парашютистов США и СССР перед началом соревнований.

Фото А. Бочинина.

29 июля в Москве начался третий мировой чемпионат по парашютному спорту. В соревнованиях принимают участие спортсмены Болгарии, Венгрии, Израиля, Польши, Румынии, Советского Союза, Соединенных Штатов Америки, Франции, Чехословакии и Югославии.

В программу состязания входят прыжки на точность приземления с высоты 600 метров, с высоты 1 500 метров с задержкой раскрытия парашюта 20 секунд, с высоты 2 000 метров на точность задержки раскрытия парашюта 30 секунд, с выполнением разворотов в горизонтальном положении и групповой прыжок на точность приземления с высоты 1 000 метров.

После того, как чемпион мира 1954 года советский спортсмен Иван Федчишин поднял на мачту флаг СССР, борьба сильнейших парашютистов началась.

Чемпионат волейболистов

Спартакиада народов СССР началась соревнованиями волейболистов. 23 июля 18 мужских и 18 женских сборных команд союзных республик, Москвы, Ленинграда и Карельской Автономной Республики начали напряженную борьбу за звания чемпионов Спартакиады и Советского Союза.

На снимке: момент игры волейболистов Москвы и Туркмении.

Фото А. Анатольева.

Золотая медаль Раисы Тевелевой

Друзья по десятому классу, педагоги и даже врачи уговаривали Раю Тевелеву не сдавать экзаменов на аттестат зрелости. Рае было решено выдать аттестат без экзаменов: училась она на отлично.

— Оберегают от волнений... А почему мне не сдавать экзамены? Что я, меньше других знаю? — разводила руками Рая.— Я ведь не трусиха!..

Семь лет назад тяжелая болезнь приковала десятилетнюю девочку к постели. Врачам удалось спасти ей жизнь, но в течение нескольких лет она оставалась недвижимой — лежала в гипсе. Болезнь осложнилась потерей зрения. Усилиями врачей к Рае постепенно возвращалась способность двигаться, но зрение так и не вернулось.

В таком состоянии Рая Тевелева продолжала учиться в школе. К началу болезни она закончила только два класса. Немного окрепнув, девочка решила догнать своих сверстников, от которых отстала на два года. Прежде всего она овладела методом чтения и письма для слепых по Брайлю. Много мужества, настойчивости, силы воли потребовалось девочке, чтобы добиться успеха. Помог ей коллектив школы № 18, где она училась. В небольшой квартире Тевелевых в поселке Челябинского тракторного завода почти весь день было оживленно. Приходили преподаватели, одноклассники, делились школьными новостями, помогали готовить уроки.

Вскоре Рая стала комсомолкой. Бюро райкома комсомола заседало на квартире Тевелевых.

В старших классах учиться стало труднее. Надо было читать много художественной литературы, а литературных произведений, напечатанных для слепых и соответствующих школьной программе, мало. Почти весь класс по очереди приходил к Рае, чтобы прочитать ей вслух «Войну и мир».

Наступили решающие дни — экзамены на аттестат зрелости. Первый экзамен — сочинение по литературе. Как и всякая письменная работа, он представлял для Раи большие трудности, требовал значительного напряжения. Текст она переписывала в тетрадь с помощью особого металлического транспаранта, выводя в клетках букву за буквой.

Преподаватель литературы Ольга Николаевна Смага считает сочинение Раи на тему "Творцы новой жизни в изображении Шолохова" лучшим в школе.

...Когда директор школы Ганна Ефимовна Погудина объявила, что Рае Тевелевой выдается аттестат зрелости с отличием и золотая медаль, все поднялись со своих мест и долго аплодировали.

Рая Тевелева теперь в преддверии большой и сложной самостоятельной жизни.

А. ГРИГОРЬЕВ

Фото А. Ходова.

«Огоньку» отвечают

О «Бухгалтерии» в педагогике»

Министерство просвещения РСФСР считает, что авторы письма «Бухгалтерия» в педагогике», опубликованного в журнале «Огонек» № 22 за 1956 год, поднимают ряд серьезных вопросов, заслуживающих большого внимания, и правильно критикуют имеющиеся недостатки в постановке учета успеваемости учащихся и в оценке работы учителя и школы.

Действительно, до сих пор в практике работы школ имеют место либерализм в оценке знаний учащихся и «вытягивание» отдельных из них на медали, что, «как ржавчина, разъедает педагогический коллектив школы», воспитывает халатное отношение учащихся к своим обязанностям и мешает подготовке их к жизни и к продолжению образования в вузах. Нередко проявление либерализма, очковтирательства в оценке знаний учащихся есть результат еще не изжитой «процентомании» и давления на учителей сверху в целях приукрашивания результатов их работы.

Министерство просвещения неоднократно указывало на недопустимость такой негодной практики, но наличие ее говорит о том, что необходимые меры по ее искоренению самим министерством и его местными органами не были приняты.

Больше того, отдельные недостаточно продуманные документы Министерства просвещения создают благоприятные условия для «процентомании». Так, в указаниях Министерства просвещения РСФСР от 5 октября 1955 года о порядке представления материалов на кандидатов к присвоению звания заслуженного учителя школы РСФСР действительно не точно определяется значение показателей успеваемости учащихся при общей оценке работы учителя и школы, вследствие чего получается, что основным критерием этой оценки являются проценты успеваемости.

Само собой разумеется, показатели успеваемости являются важным критерием оценки работы учителя и школы и игнорировать их нельзя, так как за «мертвыми» цифрами стоят живые люди. И если в школе имеется много неуспевающих учащихся, то это должно вызывать законную тревогу школы и отдела народного образования как за судьбу неуспевающих, так и за работу учителя и школы. Но нельзя допускать, чтобы проценты успеваемости, нередко бесконтрольно устанавливаемые самой школой, являлись единственным критерием при оценке ее работы.

Министерство просвещения пересмотрит свои указания от 5 октября 1955 года и внесет в них необходимые уточнения.

Вместе с тем отделам народного образования будет дано указание предупреждать и пресекать порочную практику либерализма и «вытягивания» учащихся на медали и принять меры к полному искоренению «процентомании», влекущей за собою огульное охаивание добросовестно работающих, знающих свое дело, требовательных учителей и незаслуженное восхваление учителей и школ, добивающихся «высокой» успеваемости учащихся ценой либерализма или различных бухгалтерских манипуляций.

Министр просвещения РСФСР
Е. АФАНАСЕНКО

Поэзия истории

Наше представление о старой Москве зачастую с детства складывается по картинам и акварелям Аполлинария Михайловича Васнецова. По ним узнаешь и запоминаешь архитектуру древнего Кремля, улиц и площадей старой Москвы, с интересом разглядываешь, как изменялась столица от столетия к столетию.

Любовь к Москве, желание отразить в живописи древнюю культуру русского народа заставили талантливого художника всерьез заняться историей любимого города. Тщательно собирал он сведения о древней архитектуре Москвы, о жизни и быте горожан. Поэтому творения Васнецова историчны и, кроме художественного, представляют значительный документальный интерес. Не случайно в названиях многих произведений определяется место и даже время действия: «У Мясницких ворот Белого города в XVII веке», «Московский Кремль при Иване Калите (XIV век)», «Красная площадь второй половины XVII века».

В картине «Старая Москва», которая украшает собрание Ярославского художественного музея, написан Кремль, отстроенный к XVII веку в камне и ставший от этого более нарядным и декоративным. Около него теснятся узорчатые деревянные постройки. Внимание ребятишек и взрослых привлекают скоморохи: играя и приплясывая, они зазывают публику на представление.

Архитектурные пейзажи А. Васнецова, насыщенные жанровыми сценами, лишены сухости, зачастую характерной для этого вида живописи. В «Старой Москве» А. Васнецов живо воссоздает и древнюю архитектуру Москвы и повседневный быт с его характерными деталями.

Целая эпоха встает перед нами на полотне «Красная площадь второй половины XVII века». Красная площадь, свидетельница многих исторических событий, не раз привлекала А. Васнецова. Интересный архитектурный ансамбль площади, которая как раз во второй половине XVII века получила название «Красной», то есть красивой, буквально дышит историей. Мы видим собор Василия Блаженного, построенный в память взятия Казани замечательными русскими зодчими Бармой и Постником Яковлевым; Кремлевскую стену, возведенную в три ряда вдоль Москворецкой стороны; тут же оборонительный ров — канал, заполненный водой реки Неглинки. На ступеньках здания Земского приказа дьяк читает указ. Ведут под стражей арестованного. Здесь же осуществлялось публичное наказание — «ставили на правеж». А в торговых рядах, которые растянулись чуть ли не по всей Красной площади, идет своя жизнь.

Аполлинарий Васнецов немалую часть своего творчества посвятил и русскому пейзажу. Он много путешествовал по России. Особенно привлекала его грандиозная красота Сибири и Урала.

Н. СВЕТЛОВА

А. М. Васнецов (1856—1933). КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVII ВЕКА.

Музей истории и реконструкции города Москвы.

А. М. Васнецов. СТАРАЯ МОСКВА.

Ярославский областной художественный музей.

А. М. Васнецов. СУМЕРКИ.

Киевский музей русской живописи.

СЛУЧАЙНЫЙ СОСЕД

Рассказ

Юрий ТРИФОНОВ

Рисунки О. ВЕРЕЙСКОГО.

Одиночных номеров не было, и Малахов взял место в номере на двоих.

Чья-то пижама висела на стенке одной кровати, а на подоконнике среди газетных свертков, на которых синели пятна жира, лежали засохшие куски хлеба, сырная корка, какая-то сальная снедь. В комнате было свежо от распахнутой форточки, и все же в воздухе отчетливо чувствовался запах табака. Малахов терпеть не мог курильщиков. Открыв гардероб, он бросил на нижнюю полку свой чемоданчик и, брезгливо, одним пальцем, отодвинув в сторону висевшее на плечиках чужое пальто, снял свое и повесил рядом. После этого он спустился в первый этаж в ресторан.

Он проголодался в дороге, жадно ел и все время думал о завтрашнем разговоре с Бурицким. И чем больше он думал, тем сильнее убеждался в том, как он мало способен на такие дела.

В двенадцатом часу ночи Малахов расплатился с официантом и, стараясь не глядеть по сторонам, быстро пошел между столиков к выходу. Он боялся, что кто-нибудь из сидевших за столиками узнает его и окликнет. Но он беспрепятственно достиг стеклянной двустворчатой двери.

В спальне горела маленькая ночная лампа, стоявшая на тумбочке между кроватями. Сосед Малахова — владелец пижамы и сырной корки — спал, натянув одеяло до подбородка. На тумбочке лежали очки и недокуренная папироса. Малахов равнодушно скользнул взглядом по лицу спящего: бледное небритое лицо с большими веками и полуоткрытым ртом, в котором желтели редкие зубы. Усталое лицо курильщика. «Какой-нибудь инженер, замученный командировкой»,— подумал Малахов.

Он долго не засыпал. «Возьмешь его голыми руками,— говорил Карпов на прощание.—Ему податься будет некуда. И без заявления не приезжай».

Как же, возьмешь его! Ничего не известно. Не известно, что он за парень, этот Бурицкий.

Утром Малахов проснулся и увидел, что его сосед уже встал. Постель была аккуратно застлана. Малахов в брюках и майке пошел в ванную. Перед этим он посмотрел в окно: небо было угрюмое, в серых тучах, без единого просвета и предвещало дождь. Кажется, ночью уже дождило. Во дворе стояли лужи, земля была темная, и только асфальт успел просохнуть.

Инженер — так мысленно окрестил Малахов соседа — сидел в гостиной и брился. Он был небольшого роста, широкоплечий, с крупной, черноволосой, слегка лысеющей головой. На вид ему было лет тридцать с небольшим.

— Доброе утро,— сказал он предупредительно, повернувшись к Малахову намыленной щекой.

— Доброе утро,— ответил Малахов.

Когда Малахов вышел из ванной, инженер был уже одет и курил, сидя на диване. Он предложил пойти позавтракать в буфет. Малахов оделся, и они вышли. В вестибюле, когда они проходили в буфет, Малахов увидел афишу о сегодняшнем матче. Большими красными буквами было написано: «ФУТБОЛ. ПЕРЕХОДНАЯ ИГРА» — и маленькими: «На право участия в первенстве СССР по классу «Б». Начало игры было назначено на три часа.

За завтраком инженер жаловался на то, какая в городе скука. По воскресеньям не знаешь, как убить время. В кино крутят старые фильмы, театр слабенький, а эстрада и вовсе никуда. Не играет ли товарищ в шахматы? Жаль. Можно бы скоротать вечерок...

Затем инженер рассказал Малахову, что он москвич и работает в нефтяной промышленности. Кажется, он и в самом деле был инженером.

— А у вас, простите, какая профессия? — спросил инженер, и Малахов уловил его пристальный, ожидающий взгляд. Малахов сказал, что имеет отношение к спорту.

— Ваша фамилия не Малахов?— быстро спросил инженер.

— Малахов.

— А я все думаю: на кого вы похожи? Конечно, Малахов! — воскликнул инженер радостно изменившимся голосом.— Рад с вами познакомиться, товарищ Малахов! Я старый болельщик. Моя фамилия — Бабкин. Я помню, как вы появились впервые в Москве. В каком же это году? Дай бог памяти...

Инженер разволновался. У него даже покраснели уши. Он начал вспоминать какие-то эпизоды футбольной истории, спрашивал о судьбе старых игроков, соратников Малахова, о которых Малахов успел забыть, и с энтузиазмом перечислял подвиги самого Малахова.

— А помните, как вы отбили одиннадцатиметровый от Щербакова? Забыли? Ну, как же! Это был знаменитый случай. Во втором круге, в сорок седьмом году...

Болельщик восторженно тараторил, а Малахову приходили на память дни молодости и славы, переполненные трибуны, толпы людей, окружавшие автобус у выхода со стадиона, вспышки магния, овации, статьи в газетах. Все это было лет восемь назад, но казалось сейчас невероятной, сказочной стариной, потому что все это ушло без возврата и не повторится уже никогда.

— Но знаете, что в вас ценили больше всего? — говорил инженер, глядя на Малахова блестящими глазами.— Нет, не реакцию, не хладнокровие ваше и даже не то, что вы взяли как-то два пенальти подряд. А то, что Вася Малахов,— простите, что я называю вас по-болельщицки,— то, что Вася Малахов не поддался соблазнам. Сколько, помню, было слухов в начале каждого сезона: «Малахов в московском «Динамо»! Малахов в Ленинграде!». А потом приезжает в Москву ваша команда, и смотрим, опять стоит в воротах длинный такой дядя в рыжей фуфайке — Вася Малахов... А тянули, небось, в Москву?

— Не без того,— сказал Малахов, улыбаясь.

— Конечно! Такой вратарь — для любой команды находка. А сейчас вы чем занимаетесь? Тренируете, наверное?

Малахов кивнул. Они вышли из буфета. Малахов уже оттаял к инженеру, теперь он казался ему милым и симпатичным человеком, и разговор с ним приятно щекотал самолюбие.

В вестибюле инженер попрощался, сказав, что у него дело в городе. Каждое воскресенье по утрам он разговаривает с женой по телефону. Кстати, сегодня здесь футбол. Последняя игра сезона. Не пойдет ли Малахов за компанию? Зрелище убогое, но все же лучше, чем ничего.

Малахов неопределенно пожал плечами:

— Не знаю, как будет со временем...

— В таком случае до вечера! — сказал инженер.

Малахов пошел к себе. В холле третьего этажа на диване сидел приземистый, толстый человек в офицерском плаще и в кепке. Он сразу поднялся при виде Малахова.

— О, кого я вижу! Здравствуй, Семен! — сказал Малахов, изобразив на лице радостное изумление.

Семен Свирин был давнишним приятелем Малахова. Когда-то они вместе начинали в Ульяновске, потом Свирин переехал сюда, играл несколько лет в местном «Динамо», был начальником команды, а в последние годы отошел от спорта: работал в угрозыске. Но любовь к футболу осталась у Семена на всю жизнь. Он страстно «болел» за свою родную команду и мучительно переживал ее неудачи в минувшем сезоне, которые привели ее на последнее место в классе «Б». Сегодняшняя игра динамовцев с победительницей первенства РСФСР, молодой командой Белогорска, должна была решить, какая из этих двух команд будет выступать в классе «Б» в следующем году. Эта игра была нерадостной для динамовцев и для всех болельщиков города. Мало того, что они испили чашу позора, оказавшись на последнем месте,— теперь вообще предстояло бороться за право

присутствия в классе «Б». И с кем бороться? С какой-то заштатной, малоизвестной командой, случайно вынырнувшей на поверхность «большого футбола»...

— Как ты узнал, что я приехал? — спросил Малахов, когда они зашли в номер.

— Ребята сказали, видели тебя в ресторане. Зачем приехал-то?

— Я проездом. В Москву еду.— Малахов небрежно махнул рукой куда-то, как ему казалось, в сторону Москвы.— Заодно игру посмотрю.

Семен поглядел на Малахова внимательно и сощурил один глаз.

— Вася, не финти,— сказал он.— Я знаю, зачем ты приехал. Только у нас тебе ничего не обломится, а у них вообще некого брать.

Малахов усмехнулся.

— Почему же некого? — спросил он после паузы.

Скрывать от Семена было глупо, к тому же Семен мог чем-нибудь помочь. Когда эта мысль пришла в голову, Малахов уже не жалел, что встретил Семена.

— Да кого у них брать? Я их знаю, видел. Зола, а не команда. Зола, зола! — с неожиданной пылкостью проговорил Семен, и лицо его побагровело.

— А Бурицкого, например?

— Зола! — отмахнулся Семен.— Центральный защитник, что ли? Хотя... Этот ничего.— Помолчав, он повторил: — Этот ничего. Бурицкий его фамилия?

Семен снял плащ, кинул его на диван и заходил по комнате. «Как он растолстел, черт! — подумал Малахов.— А был когда-то худенький, легкий, как стриж. Настоящий краёк».

— Они в этой гостинице живут,— сказал Семен.— Поговорил бы с ним сейчас — и все дела.

— Сейчас неловко,—сказал Малахов.— Неловко до игры.

— Чего неловко? Неловко знаешь чего бывает? Могу я поговорить, если хочешь.

Малахов на мгновение заколебался.

— Нет, сейчас не надо,— сказал он.

— Эх ты, нюня! Давай я пойду к дежурной, она его вызовет потихому. Меня тут все знают. Она мне сделает по-тихому. Ну?

Он горел желанием немедленно принять участие в деле, и Малахов понимал причины этой горячности.

— Чего ты волнуешься, Сеня? Все равно ваши выиграют.

— А кто говорит? Двух вопросов быть не может! — заносчиво ответил Семен.— И я, между прочим, не волнуюсь.

Было половина второго. Они решили немного пройтись по городу. Семен еще утром сообщил динамовскому тренеру Коле Латсону, что Малахов в городе, и Латсон обещал в два часа подъехать на машине к гостинице, чтобы вместе отправиться на стадион.

На улице было попрежнему хмуро и ветрено. Но дождя не было. Семен завел Малахова в какую-то столовую, где у Семена была знакомая заведующая. Пиво там, как правило, не подавалось, но Семен заказал четыре бутылки, и ему принесли. Они сели в отдельной маленькой клетушке, обвешанной холстяными шторами. Это называлось «кабинет». Официант, который приносил пиво и закуску, обращался к Семену с необыкновенной почтительностью. Семена тут все знали. Вот что значит работать в угрозыске!

Они просидели в столовой около часа. Семен не мог говорить ни о чем, кроме сегодняшней игры. Он был словно помешанный, так ему хотелось, чтобы динамовцы выиграли. Даже скучно было с ним разговаривать.

Когда они подошли к гостинице, легковая машина уже ждала у подъезда. На тротуаре, рядом с машиной, стояли громоздкий, в потертом кожаном пальто Коля Латсон и начальник команды Сергеенко, маленький, румяный, в щегольском макинтоше и в серой кепочке из букле, такой же, как у Малахова. Малахов поздоровался с ними. Сели в машину.

— Зачем пожаловал, Василий Игнатьич? — спросил Латсон.

Малахов пробормотал что-то насчет Москвы, но ни Латсон, ни Сергеенко не проявили проницательности Семена. Мысли их были заняты предстоящей игрой. Исход этой игры был чреват для обоих роковыми последствиями. В случае вылета команды из класса «Б» Сергеенко лишался приличной должности, а Коле Латсону, считавшему себя крупным футбольным деятелем, не оставалось бы ничего другого, как взять чемоданы и ехать в Москву подыскивать новую работу.

Малахов понимал состояние динамовских руководителей. Поэтому он не обижался на то, что Латсон всю дорогу молчал, а Сергеенко только вздыхал иногда и жалобным голосом обращался к Малахову:

— Скажи, Вася, ну чего они лезут в класс «Б»? Какой смысл? Смешно, ей-богу... Знай свой шесток, ей-богу...

— Может, они еще отдадут игру,— сочувственно предположил Малахов. На самом деле он был уверен, что белогорцы ни за что не отдадут игры и будут рубиться до последнего.

— Может, и отдадут... Да вряд ли,— уныло вздохнул Сергеенко.

— Ничего они не отдадут,— сказал Латсон, сидевший впереди рядом с шофером.— Черта с два!

Через четверть часа машина въехала в ворота стадиона и остановилась на асфальтовой площадке рядом с автобусом.

На скамейках кое-где сидели зрители. Большинство зрителей толпилось возле ларьков, торговавших пивом и горячими пирожками. Погода портилась. С Волги сильно задувал ветер, было холодно, и у всех были подняты воротники пальто, озябшие лица выглядели хмуро и удрученно. Казалось, люди пришли сюда не для развлечения, а по обязанности. Футбольный сезон кончился две недели назад. А эта игра с ее мрачным осенним небом и холодом была наказанием за позор последнего места.

Динамовцы уже приехали. Они стояли в кружке, поставив свои чемоданчики на землю, и ждали начальства. Все были в серых кепочках из букле. На некотором расстоянии их окружало кольцо болельщиков с мальчишками в первом ряду. Мальчишки и взрослые, лузгая семечки, молча глазели на футболистов и слушали, о чем те говорили. Футболисты узнали Малахова и поздоровались с ним. Многие зрители тоже узнали Малахова, и вокруг него сразу образовалось кольцо мальчишек. Он с гордостью отметил про себя, что его попрежнему хорошо помнят и сейчас, на стадионе, он самая значительная фигура.

Вскоре подъехал второй автобус. Белогорцы вышли из машины и тоже стали кружком в отдалении от динамовцев. Малахов издали увидел их молодого тренера Румянцева, с которым был немного знаком,— рослого блондинистого парня из тех, кого кличут «седыми». Его скуластое, чуть раскосое лицо казалось одновременно простоватым и хитреньким. Разговаривать с ним не хотелось, но так как он уже заметил Малахова и издали дружески кивнул, пришлось подойти и поздороваться.

— Приехали на деревенщину поглядеть, Василий Игнатьевич? — весело спросил Румянцев и, разинув рот, хохотнул беззвучно. У него и раньше был этот дурашливый, беззвучный хохоток.

— Я мимоездом в Москву,— сказал Малахов.— А почему деревенщину?

— Да Латсон грозился: мы, говорит, эту деревенщину — нас, то есть,— научим в футбол играть!

— Не знаю, не слыхал. Мяч круглый вообще-то...— Малахова угнетала необходимость притворяться и играть роль почетного и добродушного зрителя, этакого свадебного генерала.— Во всяком случае, я вас поздравляю! — сказал Малахов.— Молодцы, чего там...

— Стараемся. По-деревенски,— сказал Румянцев и снова хохотнул.

Белогорские ребята ухмылялись и во все глаза смотрели на Малахова. Он был для них знаменитостью. Большинство из них наивно полагало, что Малахов специально приехал посмотреть их игру.

Малахов мельком взглянул на Бурицкого; он видел его однажды в Мичуринске и сейчас сразу узнал. Курчавый плечистый юноша с таким же откровенным любопытством, как остальные, смотрел на него круглыми синими глазами. Малахов равнодушно отвел взгляд в сторону. Он уже договорился с Семеном, чтобы тот после игры незаметно пригласил Бурицкого в номер.

Игру не начинали потому, что не было судьи. Судью пригласили из Куйбышева, но за два часа до матча стало известно, что из-за нелетной погоды куйбышевский самолет застрял где-то на полдороге. Пришлось срочно пригласить местного судью Цитовича. Цитович был крупный инженер, человек занятой и немолодых лет, и уговорить его удалось не сразу. Наконец с опозданием на полчаса он приехал.

Малахов слонялся по вестибюлю, встречал знакомых, разговаривал то с тем, то с другим. В вестибюле набилось много посторонней публики, как обычно во время больших состязаний: тут были спортсмены, корреспонденты, фотографы, солидные мужчины с дамами и девицы пикантного вида, знакомые футболистов и какие-то неопределенные личности, неизвестно как проникшие через контроль. И все они топтались на цементном полу, шаркали, жужжали, дымили папиросами и болтали о всякой всячине.

А команды томились в ожидании вызова, каждая в своей раздевалке.

Откуда-то появился Семен и поманил Малахова пальцем. Они отошли в сторону.

— Порядок. Поговорил,— сказал Семен вполголоса.— Придет ровно в восемь.

— Ну, как он вообще?

— Да ничего. Одним словом, готовь пол-литра и закуску, и все дела.

Малахов помолчал. Он понял, что Семен действовал грубо и слишком откровенно и, может быть, даже делал это нарочно, и Бурицкий, если он парень самолюбивый, может обидеться и не придти.

— Ведь я просил после игры,— пробормотал Малахов досадливо.

— А какая разница? Что в лоб, что по лбу...

Из судейской комнаты вышел Цитович, держа мяч подмышкой. Он был маленького роста, лысый, с выпирающим животом и казался смешным в коротких черных штанах и в черной рубашке с короткими рукавами.

Нахмуренный, ни на кого не глядя, Цитович спустился по лестнице к выходу. За ним шли его помощники, одетые в обычные костюмы. Грохоча бутсами, гуськом прошли футболисты. Динамовцы были в белоснежных футболках и голубых, идеально отглаженных трусах. Они выглядели очень парадно и спортивно и улыбались знакомым девушкам, стоявшим на ступенях лестницы. Особенно браво выглядел динамовский вратарь, высокий, стройный грузин с очень волосатыми ногами. Белогорцы были в обыкновенных черных трусах и в синих, заметно вылинявших футболках разного оттенка, с неровно нарисованными на спине номерами.

Малахов нашел глазами Бурицкого и успел рассмотреть, что у него крепкие, массивные ноги, настоящие ноги защитника, и угловатые плечи. «Злой малый»,— подумал Малахов, отметив угловатые плечи.

Первые полчаса он совсем не следил за игрой и смотрел только на Бурицкого. Парень ему нравился. Бурицкий играл надежно, умело дирижировал двумя соратниками и в нужный момент всегда оказывался на месте. Динамовскую «девятку» он закрыл наглухо. Такого защитника как раз не хватало Малахову. Уж очень он надежный. И злой. Нет, этого парня никак нельзя упускать.

Тайм близился к концу, а счет все еще не был открыт. Динамовцы пытались на первых минутах ошеломить своих неопытных противников и предложили штурмовой темп. Белогорск выстоял. Больше всех досталось Бурицкому. Он поспевал всюду, отбивал мяч и через голову и в прыжке («Ого! Прыгучесть отличная!»), и смело откидывал своему вратарю, и, главное, прекрасно выбирал место. «Уж очень он хочет выиграть»,— подумал Малахов с тревогой.

Семен, сидевший рядом с Малаховым, все сорок пять минут дрожал точно в ознобе. И дрожащим шепотом поносил Цитовича:

— Черт кривоногий... Даром что свой, не может уж помочь. Вполне мог пенальти назначить... Интеллигентщина!..

А Малахов никак не мог заставить себя болеть за динамовцев. Для дела было лучше, чтобы выиграли они, но Малахову нравились молодые ребята в синих линялых майках. Они работали на совесть. Они все уже были взмокшие и грязные от грязного, непросохшего после ночного дождя поля. И больше всех ему нравился Бурицкий. Как он резко играл!

И как старательно! И какой он злой, просто чудо!

Пошел дождь. Зрители начали покидать трибуны, но настоящие болельщики упорно сидели, накрывшись газетами. Обе команды уже грубили вовсю. Цитович то и дело свистел. За семь минут до конца Бурицкий скосил подопечную ему «девятку» где-то в районе штрафной площадки, и Цитович немедленно назначил одиннадцатиметровый. Началась обычная в этих случаях канитель и свара. Все столпились возле ворот. Динамовцы приплясывали от радости, белогорцы яростно протестовали, Бурицкий хватался за голову. Оба капитана что-то наперебой объясняли судье, отталкивая друг друга, и все махали руками, и минуту — другую ничего нельзя было понять. Но Малахов все понимал прекрасно. Он видел тысячи подобных сцен и знал, что, сколько бы ни было криков, споров и театрального махания руками, все это кончится одним — голом.

И вот игроки раздвинулись, освобождая пространство, и бедный белогорский вратарь, поплевав на перчатки, стал в позицию. Толпы мальчишек бросились на поле, чтобы посмотреть пенальти вблизи...

Когда капитан динамовцев забил гол, Малахов поднялся и пошел в помещение. Он сказал Семену, что здорово промок, но в действительности он неожиданно для себя расстроился, и смотреть дальше не хотелось. Семен остался до конца. Через несколько минут в вестибюль вошли замызганные грязью, мокрые, измученные футболисты. Хотя динамовцы выиграли, вид у них был далеко не победительный. «Нет, ребята, не жильцы вы! — с внезапным злорадством подумал Малахов, глядя на еле ковыляющих динамовцев.— Здесь выиграли случайно, а на своем поле белогорцы вас разделают. Костей не соберете».

Белогорские футболисты быстро протопали в свою раздевалку, не обращая внимания на насмешливые реплики динамовских болельщиков, толпившихся в вестибюле, и только Бурицкий огрызался, вертя головой направо и налево, и тряс кулаком...

Обратно ехали в той же машине.

Хотя настроение у динамовских руководителей было не слишком праздничное, они все же собирались вместе с Семеном поехать куда-то, отметить победу. Звали и Малахова, но он сказал, что приедет позже. Его высадили возле гостиницы. Малахов разделся внизу и, не подымаясь в номер, прошел в ресторан.

Он сразу увидел Румянцева. И тот заметил Малахова и улыбнулся ему, и Малахову ничего не оставалось делать, как подойти и сесть за его столик. Рядом с Румянцевым сидел его помощник, тоже совсем молодой человек, со значком первого разряда на пиджаке.

— Как впечатление, Василий Игнатьевич? — спокойно спросил Румянцев, но по его возбужденно косящим глазам Малахов понял его истинное самочувствие.

— Что же, проиграли глупо. Но в Белогорске вы их накажете, я думаю...

— И думать нечего! — запальчиво перебил Румянцев.

— У нас их видно не будет! Видно не будет, понимаете?! — торопливо проговорил его помощник.

Румянцев привстал со стула.

— Не верите, Василий Игнатьевич? А вот приезжайте нарочно!

— Да мы их, как хотим, сделаем. Гарантирую. Ничего у них нет! — скороговоркой палил помощник.— Ни паса нет, ни ударов, никакого понятия игры...

Оба тренера вперебивку, азартно и зло поносили динамовцев, хотя в действительности, наверное, они вовсе так и не думали. Просто в них кипела обида, и нужно было излить ее, и тут как раз подвернулся Малахов и принял на себя весь этот взрыв бахвальства, угроз и запоздалой воинственности. Малахов знал, как необходимо бывает «отвести душу» после поражения. Поэтому он терпеливо слушал, кивал и лишь изредка вставлял свои замечания.

Наконец, когда оба выговорились, Румянцев спросил:

— А кто из ребят вам больше понравился, Василий Игнатьевич?

Малахов чуть было не сказал «Бурицкий», но во-время удержался и назвал кого-то из нападающих и вратаря.

— А центральный защитник не понравился, что ли? — спросил Румянцев недоверчиво.

— Он тоже ничего,— кивнул Малахов.

Он нагнулся к тарелке и сразу поперхнулся горячим супным паром. Откашлявшись, начал быстро и сосредоточенно есть.

— А мы считаем Бурицкого лучшим. Номер один,— сказал Румянцев.

— Сегодня он играл, как никогда,— сказал помощник.— Просто классно. Просто исключительно сегодня играл.

Наклонившись к Малахову, Румянцев сказал вполголоса:

— Вон он сидит, через два стола.

— Я его помню,— сказал Малахов.

Он посмотрел и увидел Бурицкого, сидевшего к нему спиной. Бурицкий сидел, не поворачивая головы. В его напряженно вытянутой прямой спине было что-то фальшивое. Наверное, он знал, что сзади сидит Малахов.

Румянцев и его помощник уже пообедали, но не вставали из-за стола. Им очень нравилось разговаривать с Малаховым, и, главное, они были убеждены в том, что он всецело на их стороне. Они делились с ним своими заботами, советовались по разным серьезным и пустяковым делам, выпытывали у него футбольные сплетни.

Наконец они простились и ушли. Футболисты ушли еще раньше. Выпив стакан крепкого чая с пирожным и расплатившись, Малахов посидел некоторое время один за пустым столиком. Без четверти восемь он поднялся. Он вспомнил совет Семена и зашел в буфет. Малахов водки не пил и из всех вин предпочитал полусладкое шампанское, но этого вина в буфете не оказалось, и Малахов купил портвейн «Три семерки» и попросил завернуть несколько бутербродов.

Подымаясь в лифте, Малахов с беспокойством вспомнил об инженере. Ему не хотелось, чтобы инженер присутствовал при его разговоре с Бурицким. «Придется зайти в спальню,— подумал он.— В крайнем случае, можно в ванной перекинуться».

В номере было темно, и у Малахова отлегло от сердца. Он зажег настольную лампу в гостиной, снял пиджак и лег на диван, положив ноги на валик. Внезапно он почувствовал всю сокрушительную усталость этого длинного дня. Может быть, из-за усталости так испортилось вдруг настроение? Ведь все шло как нельзя лучше: он ловко сумел назначить Бурицкому свидание, и Бурицкий обещал придти, и Белогорск проиграл. И почти никто не догадывается, зачем он здесь. Все прекрасно. Оказывается, не такой уж он неспособный в этих делах.

Раздался негромкий стук в дверь. Малахов взглянул на часы: было ровно восемь.

— Здравствуйте, Василий Игнатьевич,— сказал Бурицкий, скромно и почтительно стоя на два шага от двери.

«Имя-отчество разузнал,— мелькнуло у Малахова.— Хороший признак».

— А-а! Здоров, здоров! — громко сказал он.— Заходи, брат...

Малахов распахнул дверь и жестом пригласил Бурицкого в комнату. Сели к столу. Бурицкий был свеже выбрит, его курчавые волосы влажно блестели, кожа на лице лоснилась, и от него шел мощный запах тройного одеколона. У него был вид жениха, пришедшего с воскресным визитом.

— Что, Володя, расстроился? — спросил Малахов, улыбаясь.

— Ясно, Василий Игнатьевич. Отдали игру по дурочке,— по-детски обиженно проговорил Бурицкий.— Главное, я его за полметра от штрафной снес...

— Считаешь, неправильный был пенальти?

— Ясно, неправильный.

— Ну, ничего. В Белогорске вы их накажете.

Бурицкий кивнул, но как-то не очень уверенно. Его круглые яркосиние глаза смотрели на Малахова выжидательно. Малахов вынул из тумбочки бутылку портвейна и поставил на стол.

— Не откажешься?

— Спасибо. Я вообще не пью,— сказал Бурицкий, краснея.

— Ну-ну! Я понимаю, спортсмену пить не положено. Но это ведь дамский напиток, можно по баночке.

Бурицкий взял бутылку жилистой смуглой рукой, повертел, разглядывая этикетку, и осторожно поставил на место.

— Честное слово, не пью, Василий Игнатьевич.

— Понятно, понятно...

Малахов налил два стакана и выложил на тарелку бутерброды.

— За знакомство,— сказал он.

Они чокнулись. Бурицкий сделал два глотка, аккуратно согнутым запястьем вытер уголки рта и поставил стакан.

«Правда, не пьет. Ну и парень! — подумал Малахов.— Ах, как он мне нравится!»

Надо было приступать к делу. Но Малахов никак не мог заставить себя произнести первые слова. Странное чувство — не то чтобы какая-то неловкость или щепетильность, а что-то совсем другое — мешало ему начать.

И он завел разговор о состязании, говорил, что ему понравилось в игре Бурицкого и что нет, и как надо относиться к проигрышам, и как тренироваться, и у каких футболистов учиться, и что делать зимой. Бурицкий слушал очень внимательно, и чувствовалось, что он необычайно польщен тем, что Малахов, ветеран футбо-

ла, так долго, серьезно и доброжелательно с ним разговаривает. Наверное, он был уверен, что для этой отеческой беседы Малахов и пригласил его. И, наверное, ужасно гордился собой: вот, мол, как я играю, сам Малахов меня отличил от всех!

И чем явственней Малахов понимал это, тем труднее было ему перейти к деловой части. У него просто язык не поворачивался предложить Бурицкому такое дело. И он бессмысленно тянул время, томясь собственной нерешительностью.

Он стал расспрашивать Бурицкого о его жизни, о его семье и работе. Узнал, что Бурицкий работает механиком на автобазе, что у него мать, жена и к весне родится ребенок. Ни с того, ни с сего Малахов начал рассказывать о своих двух девочках-близнецах, которые учились уже во втором классе. Он вспомнил о тяжелом времени, когда они родились: сразу после войны. Он вернулся из армии, приехал с женой в родной город. На месте города были пепелища и свалка камней на огромном пространстве. Они жили в подвале бывшего рыбного магазина. Жена звала в Ленинград, и у него была возможность попасть в зенитовский «дубль», но он почему-то не поехал. Сейчас трудно вспомнить, почему. Ведь тогда не было даже команды, не было никого из ребят. Кое-кто вернулся позже, стали приходить молодые, и команда понемногу склеилась. Потом были громкие годы, внезапная известность, поездки в Москву, и первые неудачи, и первые признаки того неотвратимого бедствия, которое называется «возрастом». И ночи без сна, полные горького отчаяния, и зависть. И самое страшное то, чего, казалось, нельзя пережить: последняя игра. Но и это прошло. И началось новое. Жизнь в Москве, школярство, ученические заботы...

Малахову хотелось рассказать о главном: вот пронеслась эта шумная, пестрая жизнь и вспоминается с удивлением. И что от нее осталось в душе? Нет, не грохот трибун, не букеты болельщиков и не мгновения радости, горечи, глупого счастья! Все это перемешалось и исчезло почти без следа. Осталось любимое дело — весенний запах травы, каучуковый стук мяча — и любимые мальчишки, которым он когда-то завидовал и которые никогда не узнают об этой зависти. И друзья, и враги (они тоже остались), и случайные незнакомцы, встречи в гостиницах, тепло и свет этих встреч — зарницы доброй славы, потихоньку угасающей.

Вот об этом добром и прочном, что не подвержено времени, что осталось после всего призрачного коловращения, трескотни и фейерверков, и хотел бы сказать Малахов. Но он не умел говорить о таких сложных вещах. Поэтому он только вздохнул тяжело, отхлебнул вина и неожиданно для себя сказал:

— Мне как раз нужен центральный защитник. Устроим на хороший завод, возможности у нас есть. Как ты на это дело? Хочешь в класс «Б»?

Слова были заготовлены заранее и поэтому вырвались легко, помимо воли. Бурицкий начал краснеть, потом сказал тихо:

— Вообще не против, конечно... А с жилплощадью как?

Малахов сейчас же вспомнил, что слова насчет жилплощади — «дадим комнату» — были предусмотрены, но он почему-то забыл их произнести. Но его так поразил ответ Бурицкого, что он несколько мгновений молчал и смотрел на гостя. А тот смотрел на него.

Потом Малахов сказал:

— Дадим комнату. Дадим обязательно...

Он словно очнулся. Быстро прошел в спальню, вынул из тумбочки лист белой бумаги, разорвал его надвое и положил на стол перед Бурицким. И вынул свою авторучку.

— Заявление писать? В двух экземплярах? — спросил Бурицкий шепотом.

— Да, да. Сейчас... Погоди.

Малахов поднял указательный палец, потом потер рукой лоб и, важно нахмурясь, уставился в лист бумаги. У него был вид человека, погрузившегося в серьезные размышления. На самом деле все мысли его разбежались, в голове был полный сумбур, и он уткнулся взглядом в бумагу лишь для того, чтобы не смотреть в глаза Бурицкому.

— Ты вот что: заявление потом напишешь. А сейчас пиши свои координаты.— Малахов щелкнул по бумаге пальцем.— Адрес, имя, отчество, год рождения...

— Понятно, Василий Игнатьевич.

— Я ведь вопрос единолично не решаю. Как формально решим с руководством общества, так сейчас же тебе телеграфирую. В порядке что-нибудь двух — трех дней. Понятно?

Бурицкий кивнул. Он взял ручку, начал было писать, но остановился и положил ручку на стол.

— Меня все же интересует, Василий Игнатьевич,— начал он робким голосом,— ряд вопросов... Какие, например, условия... Лично для меня, вообще...

— Так. Еще что?

— Какие вообще перспективы вашей команды... Ряд вопросов, вообще...

— Я тебя понимаю,— сказал Малахов, кивнув.— Хорошо. Ты сейчас пиши, после поговорим.

Бурицкий заскрипел пером. Малахов сел на диван и смотрел на курчавую голову Бурицкого, низко опущенную к столу. Как баран, кудрявый. Завивается он, что ли?

Малахов почувствовал раздражение против самого себя. Ну и балда же он! Молол, молол языком, всю жизнь свою рассказал, а этот и не слушал, небось, все насчет условий соображал...

— А какие перспективы у твоей команды, тебя не интересует? — спросил Малахов.

— Что? — Бурицкий настороженно поднял голову.

— Вдруг ребята выиграют одну игру, вторую и сами в класс «Б» попадут?

— Да вряд ли, Василий Игнатьевич...

— Почему вряд ли?

— Да вряд ли без меня-то...— повторил Бурицкий, застенчиво улыбнувшись.

Хлопнула входная дверь. Кто-то зашаркал в прихожей, вытирая ботинки, и через минуту появился инженер в мокром пальто.

— Добрый вечер, товарищи. Ого, здесь пируют?

Малахов обрадовался его приходу и сейчас же предложил инженеру вина. Тот начал отказываться, Малахов настаивал, и это препирательство длилось довольно долго, пока наконец инженер не сказал, что выпьет лишь в том случае, если товарищи попробуют его сыр...

— Утром еду в район на неделю. Погода как раз командировочная, не правда ли? — весело говорил инженер, потирая озябшие руки.— А как вам игра? Мне понравились белогорцы: ребята молодые, напористые. Проиграли они обидно. Но, я думаю, они здешних мастеров вытолкают, ей-богу, вытолкают.

— Я то же думаю,— сказал Малахов.

— На будущий год они себя покажут, вот увидите. Если только их не растащат. Свободная вещь! — Инженер многозначительно поднял брови. Как все болельщики, он любил философствовать и делать прогнозы.— У нас ведь как бывает: появилась молодая команда, глядишь, слетается к ней воронье, чем бы поживиться. Самим-то воспитывать хлопотно, а тут готовенькое. И грабят на корню.

— Верно, верно,— сказал Малахов, стараясь улыбнуться поестественней.

С аппетитом жуя ломтик сыра, инженер продолжал:

— А я бы таких хищников, таких тренеров-мародеров буквально позорил на весь Советский Союз. Буквально судил бы судом общественности...

— Видите ли, тренер тоже не всегда виноват,— сказал Малахов.— Тренер — лицо подчиненное. Над ним председатель общества стоит.

— Ах, бросьте, пожалуйста! Они рука об руку действуют. Что вы мне рассказываете?

Бурицкий спокойно слушал разговор, глядя своими синими искренними глазами то на Малахова, то на инженера. Когда Малахов улыбался, он улыбался тоже.

— Я вам другое скажу,— сказал инженер.— Кто легко от своих отказывается, тот в любой команде ненадежный человек. Вот чего опасаться надо. И как этого не понимают?

— Понимают... Почему не понимают! — пробормотал Малахов.

— Нет, нет, товарищ Малахов! Вообще, у нас трезвонят о массовом спорте...— Он вдруг замолчал. Посмотрел на Малахова, потом на Бурицкого, поправил очки, и лицо его приняло выражение несчастное и сконфуженное. Невнятной скороговоркой закончил он свою мысль: — Но еще, так сказать, очень много недостатков...

Воспользовавшись паузой, Бурицкий встал и сказал тихо:

— Я пойду, Василий Игнатьевич.

Малахов вышел вслед за ним в коридор.

— Значит, так, Володя. Жди телеграммы,— деловито сказал Малахов. Он испытывал облегчение оттого, что Бурицкий уходит.— Как только дело решится, я тебе сообщу. Будь здоров, дорогой.

Он пожал Бурицкому руку, и тот на цыпочках, подняв свои угловатые плечи, быстро-быстро пошел по коридору.

Инженер плескался в ванной.

Малахов ждал, пока он выйдет, чтобы вымыться самому. Ему нестерпимо хотелось спать. Он сидел на диване и зевал.

Наконец инженер вышел. Вытирая лицо полотенцем, поспешно и как-то боком он проскочил мимо Малахова в спальню. Когда через несколько минут в спальню пришел Малахов, его сосед уже спал.

И в эту ночь Малахов долго не засыпал. Он слушал шум дождя, ночной многослойный шум: он различал ровный, всеобъемлющий шум воды, шуршащей по воздуху, и тихий гул где-то наверху, на крыше, и чуть слышные всплески под водосточной трубой на земле, и дробную стукотню по подоконнику. Последний дождь перед холодами и снегом. До нового сезона несколько месяцев, но они пролетят, как всегда, незаметно. И — готово, пора на сборы. И опять с центральным защитником беда, придется Петьку Коростылева ставить, а на его место Никитина пробовать...

Малахов копался в этих будничных, беспокойных мыслях, и они, как обычно, не давали уснуть. О Бурицком он и не думал.

Проснулся Малахов поздно. Инженер торопливо собирался, кое-как складывал вещи в лежавший на полу в гостиной чемодан. Они поздоровались и обменялись несколькими фразами насчет дождя. Инженер сказал, что уедет через полчаса. Малахову хотелось поговорить с ним. Он проснулся с этим желанием: поговорить с ним. Но инженер был слишком занят сборами, суетился, нервничал, курил папиросу за папиросой, и ему некогда было даже взглянуть на Малахова.

— Я провожу вас на вокзал, хотите? — сказал Малахов.— Все равно мне нечего делать.

— Что вы, что вы! С какой стати? — сказал инженер испуганно.

— Просто так. Если вы не возражаете. Я только спущусь вниз и дам телеграмму.

Он накинул пиджак и вышел.

Телеграф помещался на первом этаже рядом с комнатой администратора. Малахов написал на бланке домашний адрес Карпова. Времени обдумывать не было, и он написал первое, что пришло в голову: «Сожалению неудача тчк товарищ не подходит по стилю тчк Малахов». Все это заняло минут десять, не больше.

Не дожидаясь лифта, он резво взбежал на третий этаж. Инженера уже не было в номере. Только легкий запах дыма напоминал о его недавнем присутствии.

УЧАСТНИЦЫ ДВУХ СПАРТАКИАД

Галина Турова с дочерью. Июнь, 1956 год.

В 1928 году красноярская школьница Галя Турова впервые в своей жизни села в поезд. Вместе с другими спортсменами Сибири она ехала в Москву.

На столичном недавно построенном стадионе «Динамо» собралось более семи тысяч участников первой Всесоюзной спартакиады. Прибыли и гости из-за границы. Таких грандиозных по своим масштабам соревнований в то время еще не знала история нашего спорта.

Скажем сразу, выступление Туровой на Всесоюзной спартакиаде осталось незамеченным. Не пришлось ей получить приза, увидеть свою фотографию в газете; имена других спортсменов были тогда у всех на устах — Марии Шамановой, Антонины Биляды, Тимофея Корниенко, Николая Денисова...

Бегать так же быстро, прыгать так же далеко, как они,— вот о чем мечтала молодая сибирячка; и Галя Турова едет в Ленинград учиться в Институте физкультуры... Шесть раз улучшала Турова рекорд СССР в барьерном беге, а ее результат в прыжках в длину — 5 метров 80 сантиметров — никто не мог перекрыть на протяжении пятнадцати лет...

В 1935 году у Галины Филипповны Туровой родилась дочь, которую назвали Ириной. Ирина Турова, как говорили, «пошла по стопам своей матери». В 14 лет девочка проявила уже незаурядные спринтерские способности. В 1949 году состоялось соревнование, следы которого нельзя отыскать ни в протоколах, ни в справочниках. На одной из тренировок дочь выиграла забег у матери, ученица победила своего тренера. После этого Галина Турова навсегда покинула спортивную арену, теперь она готовит лучших спринтеров страны, и среди воспитанниц Галины Филипповны — Вера Крепкина и Ольга Кошелева, ставшие главными соперницами ее дочери.

Ирина Турова в 1950 году выиграла бег на 100 метров на всесоюзных юношеских соревнованиях, еще через четыре года установила новый рекорд СССР, пробежав 100 метров за 11,6 секунды, и, наконец, на стадионе «Нейфельд» в Берне получила золотую медаль чемпиона Европы. В 1955 году Ирина Турова вышла замуж. Теперь ее фамилия Бочкарева, ее сыну Андрею исполнился уже год.

Нам остается добавить лишь следующее: нынешней зимой Ирина Бочкарева снова начала тренироваться, успешно выступала на спартакиаде Москвы и завоевала право участвовать в Спартакиаде народов СССР.

Е. РУБИН

Галина и Ирина Туровы. 1938 год. Снимок был опубликован в «Огоньке» № 38 за 1950 год.

Андрей и Ирина Бочкаревы. Июнь, 1956 год. Фото Н. Козловского.

В пути

Константин ВАНШЕНКИН

* * *

Вижу, как стоишь ты на пороге,
Вижу свет любимого лица...
День прошел, а я еще в дороге,
Два прошло, а я еще в дороге,
Три прошло, а я еще в дороге —
Даже не доехал до конца.
Полевые кончились просторы,
Село солнце в мареве степном,
И неповоротливые горы
В толстых складках встали
за окном.
Не забудь, хорошая, подай же
Весточку в далекие края.
От тебя все дальше я и дальше,
Лишь звенит и стонет колея.
Паровоза яростно стремленье,
Но вдоль той железной колеи
В противоположном направленье
Мчатся, рвутся помыслы мои.
...Ничего за окнами не вижу.
Ночь. Сквозит тумана полоса.
Мчится поезд вдаль...
А ты все ближе
С каждым поворотом колеса.

В ТУМАНЕ

Туман разрастался, клубясь,
Тропинка пропала.
Листвы безупречная вязь
Едва проступала.
Был мир, как ночной океан,
Закрыт пеленою.
И солнце сквозь этот туман
Казалось луною.

Я помнил, что слева росла
Наклонно осина.
Я помнил, что слева была
Гнилая трясина.

Я шел в отдаленный колхоз —
Но это не важно,—
Гудел вдалеке паровоз
Печально... протяжно...
Чего он! Ему хорошо
Катиться по рельсам.
К тому же прожектор еще
Включен перед рейсом.

Туман, как настоенный сок,
Кипел ядовитый.
И вдруг долетел голосок
Такой деловитый.

Мне кто-то навстречу шагал
По дымной лощине.
И что-то под нос напевал,
Как должно мужчине.
Шел, силы своей не тая,
Шел, полный участья.
Давно не испытывал я
Подобного счастья.

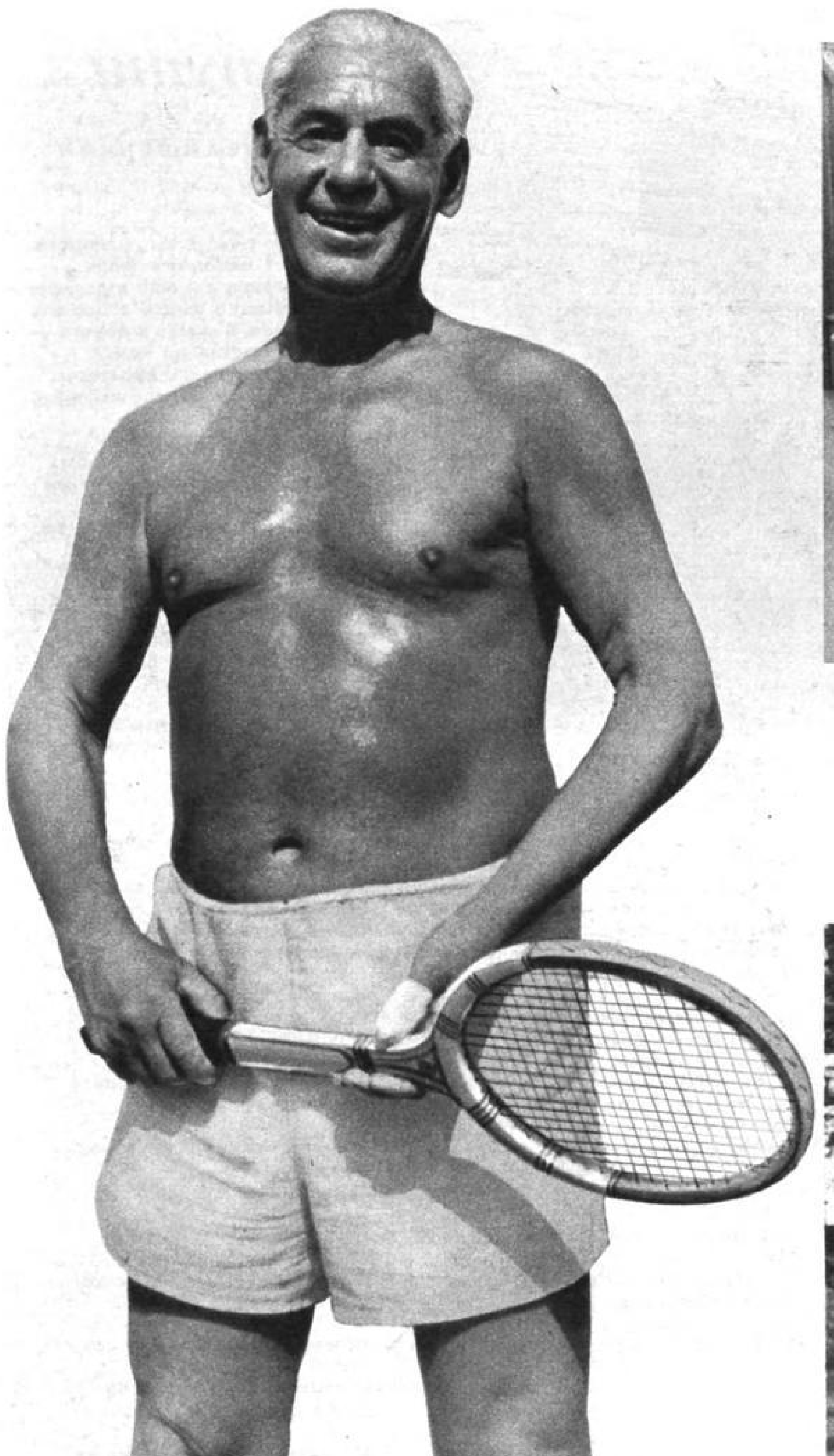
Но было в чащобе лесной
Мне голоса мало,
И мальчик возник предо мной
Из гущи тумана.

Солидную мину храня,
Спокоен и светел,
Прошел он, как будто меня
На улице встретил.
Как будто не лес, а лесок,
Так, роща простая.
Проплыл, прозвенел голосок,
Слабея и тая.

...В тумане глухие места.
Обидно немного.
Как все же трудна и проста
Любая дорога!

Мальчишка торопится в класс,
Горбушка в кармане...

Вы вспомните этот рассказ,
Блуждая в тумане.

Для начала познакомьтесь со спортом хотя бы через забор...

Дерзайте. И пусть вас не смущают...

...ни расстояния,

...ни высота,

...ни длина.

Увлекайтесь спортом!

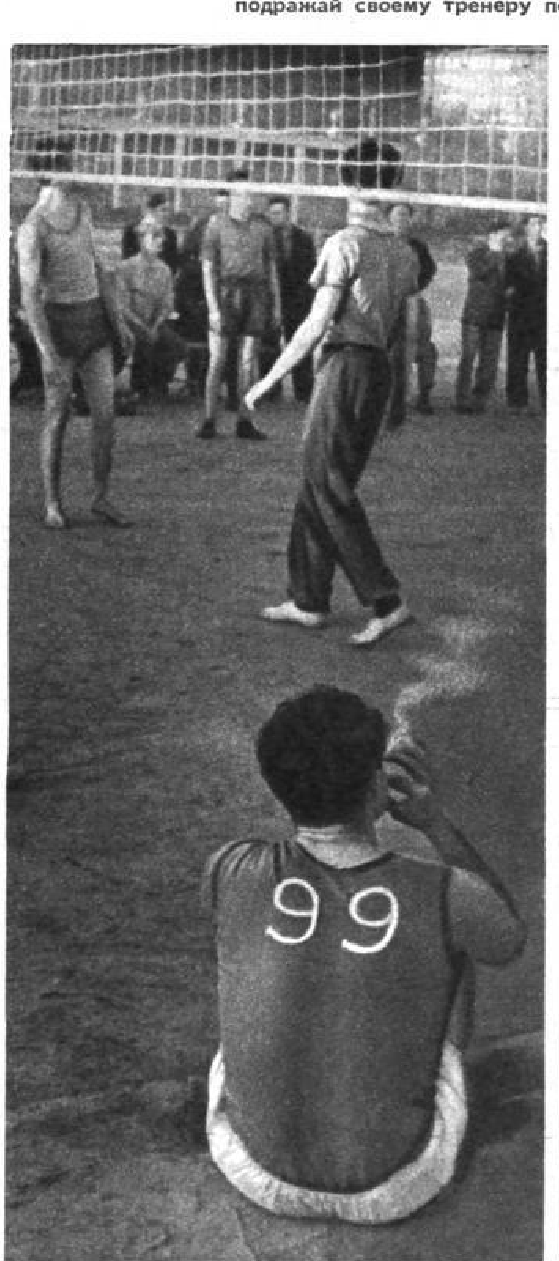
Советы начинающим

В. ПОЛЫНИН.

— Увлекайтесь спортом! Поверьте опыту Александра Викторовича Правдина, капитана команды теннисистов Москвы, победительницы Всесоюзной спартакиады 1928 года. Сорок шесть лет назад взял он впервые ракетку в руки, и вот таков Правдин сегодня.

Умей вести себя по-спортивному:

подражай своему тренеру по существу, а не по форме.

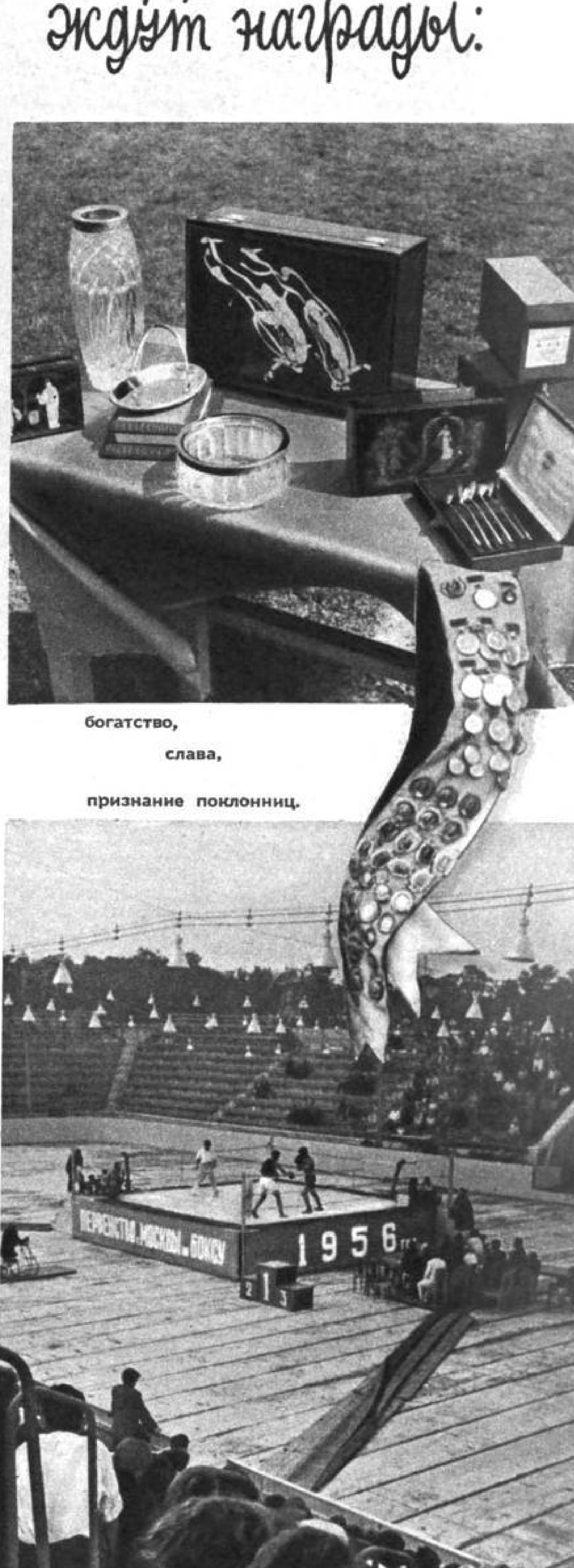

99-й номер на спортивной майке волейболиста — такая же нелепость, как курение на спортивной площадке.

во всем соблюдай меру. Увлекайся, но не до гусиной кожи.

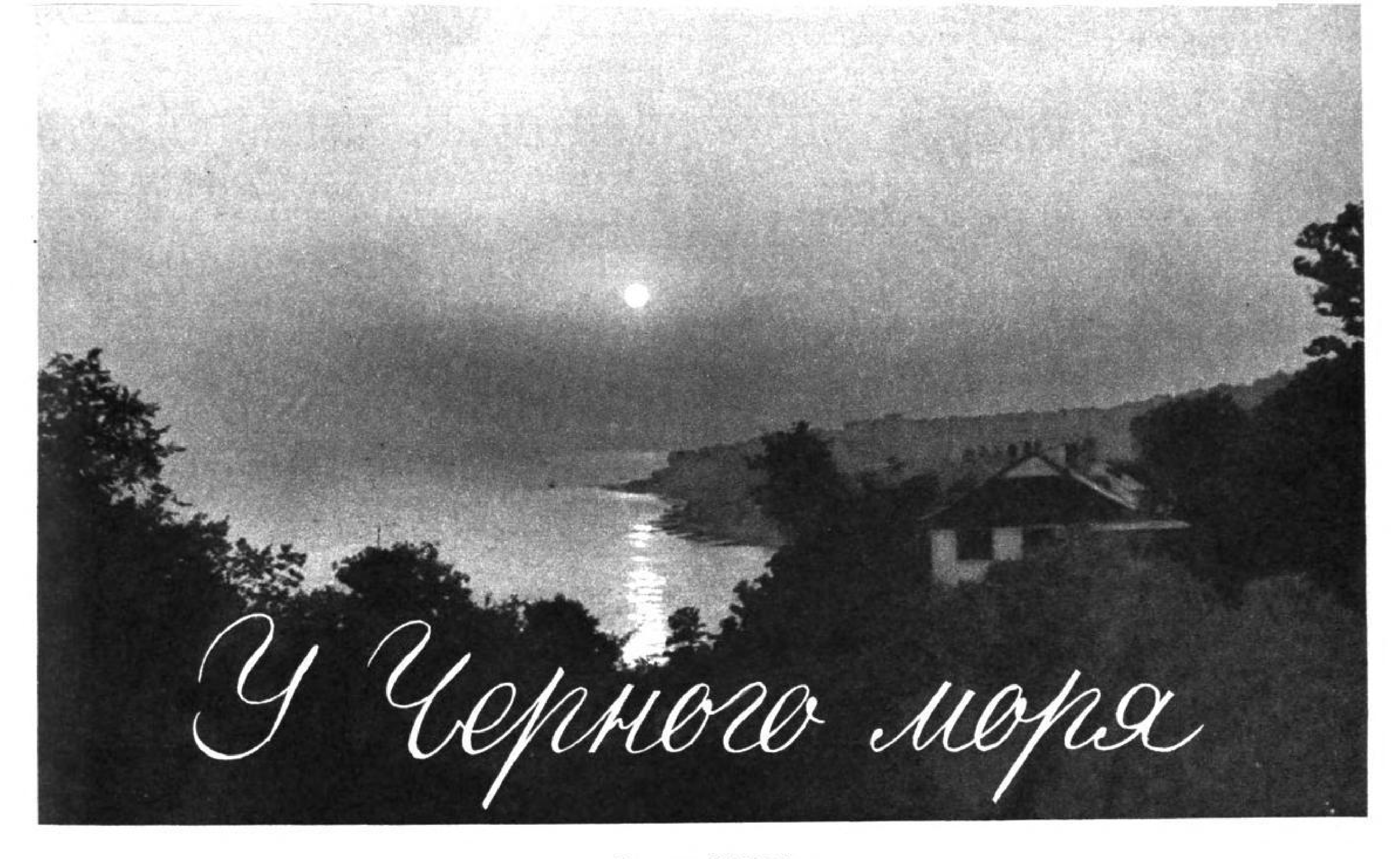
Занимайтесь спортом! И вас ждут награды:

богатство,

слава,

признание поклонниц.

Владимир КОТОВ

Хоста

С явной гордостью во взоре
среди малых гор залег
у огромнейшего моря
чуть заметный городок.
Ароматы
бродят пряно,
санатории белеют,
и въезжает
поезд
прямо
на центральную аллею.
Море плавится и пенится,
сладок вкус его, не горек,—
потому,
как дом,
здесь ценятся
и сарай
и подоконник.
Гордо светят санатории
в стороне от этих жалоб,
санатории,
которые
приумножить
не мешало б.
Смотрит
тетя
из-под зонтика
на прилавки,
как лиса.
А вокруг
гудит
экзотика,
лезет всем
во все глаза.
И шагами,
чуть не бальными,
выгнув шляпные поля,
ходят
тетушки
под пальмами,
телесами шевеля.
И, конечно же,
прелестницы,
коль дорога привела,
снимутся
у каждой лестницы
и у каждого ствола.

«Щелкаются»
до потения,
чтоб хвалиться средь зимы:
вот какие, мол,
растения,
и какие,
кстати,
мы!
Что поделать с деликатными!
Мать-природа не спаслась
и, заляпанная
кадрами,
по открыткам
расползлась.
Много нам страной дано,
много выращено,
но
отдыхаем и болеем мы
не всегда в подобной неге.
Кто гуляет здесь аллеями,
кто он,
санаторник некий!
Вон того я видел в копоти
у котельного огня,
а того в чертежной комнате
у высокого окна.
А вон тот —
начальник тяги,
чуть лысеющий шахтер,
а вон ту
везли собаки
в школу, в тундровый простор.
А вот этих
видел только
в закоулках Облторга.
И еще я видел оных
у витрин комиссионных.
Можно оных увидать
там, где тишь да благодать,
а поближе приглядишься:
«Дайте взять,
сумеем дать!»
Ходят,
жарятся
и кормятся
утром,
в полдень
и в потемки.

Эй,
товарищи месткомовцы!
Где
вы держите
путевки!
Шар земной,
конечно,
крутится.
Жизнь идет
своим путем.
Но сначала —
тем, кто трудится,
тем, кто крутится,—
потом!
Море.
Пальмы.
Груши.
Воздух.
Гости сотен волостей...
Хоста,
Хоста,
Хоста,
Хоста,
выбирала б ты гостей...

Море

С чего мы начнем!
Был знаком я с рекою.
Теперь же с тобою обняться хочу.
Меня ты волною,
тебя я рукою —
друг друга ударим-ка мы
по плечу.
Я брошусь в волну твою
напропалую
и, в кудри твои запустив пятерню,
в соленые губы тебя поцелую,
под ласки отдамся,
в объятья нырну.

Хочу я,
в дали синеватой теряясь,
врезаясь,
вгибаясь в тебя все верней,
о волны, о воды твои натираясь,
энергии крепкой набраться твоей.
Хочу напитаться, хочу я набраться,
чтоб драться
уверенней и веселей,
твоего черноморского кислорода,
иодистых запахов,
горьких солей.

Чтоб нежность твоя отлилась
в мои губы,
а в пульс — твой спокойный
и веский прибой,
а в душу —
твой говор, и мягкий
и грубый,
твой бурный, упорный характер
прямой.
И шторм твой косматый,
и вздох голубиный,
и страшное «против»,
и нежное «за»,
охват горизонтный,
и взгляд твой глубинный
хочу я взять в сердце, в повадку,
в глаза!
Так пусть наша дружба
вот здесь зародится.
Пусть знает любимая мною
страна:
вернувшись,
отдам ей всю силу
сполна.
Поверь же,
мне есть где тобой
разрядиться.

«А все же...»

Распустила крылья
роскошь.
Пальмы. Цитрус и банан...
Где ты, белая березка,
даль ромашковых полян!

Знойный юг мне дорог тоже.
Заглядишься на зарю...

Есть в душе у нас «А все же...»,
Вот о том и говорю.

Физкультурный парад на стадионе «Динамо». Фото А. Бочинина.

На велотреке.
Фото А. Бочинина.

Бег с препятствиями.
Фото С. Фридлянда.

Тренировка яхтсменок на Клязьминском водохранилище.
Фото Е. Умнова.

ФЛАГ ЕГИПТА

Е. РЯБЧИКОВ,
специальный корреспондент
«Огонька»

Фото автора.

Египетские флаги развеваются над бывшим английским военно-морским клубом в Порт-Саиде.

Все раскалено. Дышать нечем. Солнце страшно в своем огненном неистовстве. Даже синее море названо здесь Красным: песчаные бури, налетающие с далеких выжженных берегов, окрашивают воду и небо в красный цвет.

Из моря постепенно выдвигаются угрюмые и мрачные очертания Африки и Азии. Они сближаются, теснят и сжимают Красное море и превращают его в Суэцкий залив. Буро-желтый гористый африканский берег подходит к кораблю слева. Справа приближается плоская песчаная низменность Азии с дымчатыми синайскими горами. Суэцкий залив становится совсем узким и исчезает. Конец морю — впереди земля.

Но в земле есть расселина. Ее еще не видно, но она ощущается. В расселину входят то белые, то синие, то желтые, то черные корабли. Так же степенно выплывают из пустыни танкеры, кокетливо сверкающие зеркальными окнами пассажирские лайнеры, длинные серые миноносцы, старинные фелюги. Песчаный перешеек рассечен каналом. Он берет начало у Суэца — вот здесь, рядом — и тянется к Средиземному морю.

На рейде залитого солнцем каменного Суэца множество кораблей. И на мачте каждого судна, отдающего якорь, по морскому обычаю, взвивается флаг страны, в воды которой оно вошло, — зеленый флаг с белым полумесяцем и тремя крупными белыми звездами. Это флаг Египта.

Ветры пустынь и моря весело развевают зеленые флаги.

Лишь три процента всей площади страны одеты в зелень — там, где раскинулись долины животворного Нила, и вот здесь, у канала. К берегам Нила припали двадцать миллионов египтян — почти все население.

Зеленый цвет египетского флага выразил вековую мечту народа о преображенной, возделанной земле, щедро напоенной водой, о цветущих садах и созревающем хлопке, о юности и счастье.

Зеленые флаги развеваются на мачтах кораблей. Я видел в Суэце и Порт-Саиде смуглолицых египтян, одетых в кремовые и темные длинные галабеи, с восторгом наблюдавших за подъемом их национального флага на проходящих через канал английских, американских, французских, турецких и иных судах. Зеленый флаг реет и на флагштоке у входа в канал. И такое же полотнище развевается на другом конце водной трассы — в Порт-Саиде, на высокой береговой мачте и над дворцом, бывшим английским военно-морским клубом.

— Я часами гляжу на наш флаг, — говорит красивый чернолицый юноша в красной феске — тарбуше и неизменной галабее, похожей на халат. — Я теперь чувствую, что канал — наш, канал мой! — Юноша со свойственной арабам горячностью жестикулирует, глаза его вспыхивают. — Мои предки копали этот канал. А канал был чужим. Доходы — в чужой карман. Работа — для чужих. Города — для пришельцев. Я не мог ходить вот по этой аллее: она принадлежала компании. Я не имел права заходить в клуб, ездить по дороге вдоль канала — все чужое, все не для египтян. А теперь? Над каналом — наш флаг. И смотрите! — Сверкнув глазами, юноша решительно направляется к тенистой аллее, идет по ней и возвращается с видом победителя, показывая на улыбающихся, явно довольных его выходкой египтян-полицейских.

На трассе Суэцкого канала с особой ясностью постигаешь и новь пробудившейся страны, и ее древнюю историю, и ее будущее.

У Суэцкого канала — тысячелетняя трагическая судьба. Еще четыре тысячи лет назад египтяне мечтали о рукотворном водном пути через пустыню. Давным-давно начали они прокладывать канал от Средиземного моря к Красному, используя один из рукавов многоводного Нила. Водный путь был сооружен. Тысячу лет плыли по нему фелюги и галеры, триремы и просто долбленые лодчонки феллахов. Но мало прорыть канал — его нужно было защитить от песков Аравийской пустыни и таких же колючих и горячих песков пустынь Азии. Пышущие жаром, раскаленные сыпучие холмы надвигались на узкую полоску воды. Но страшнее суровой природы оказалась грозная воля одного из завоевателей Египта, халифа Мансуры, — он приказал забросить канал, отдать его на растерзание пустыням.

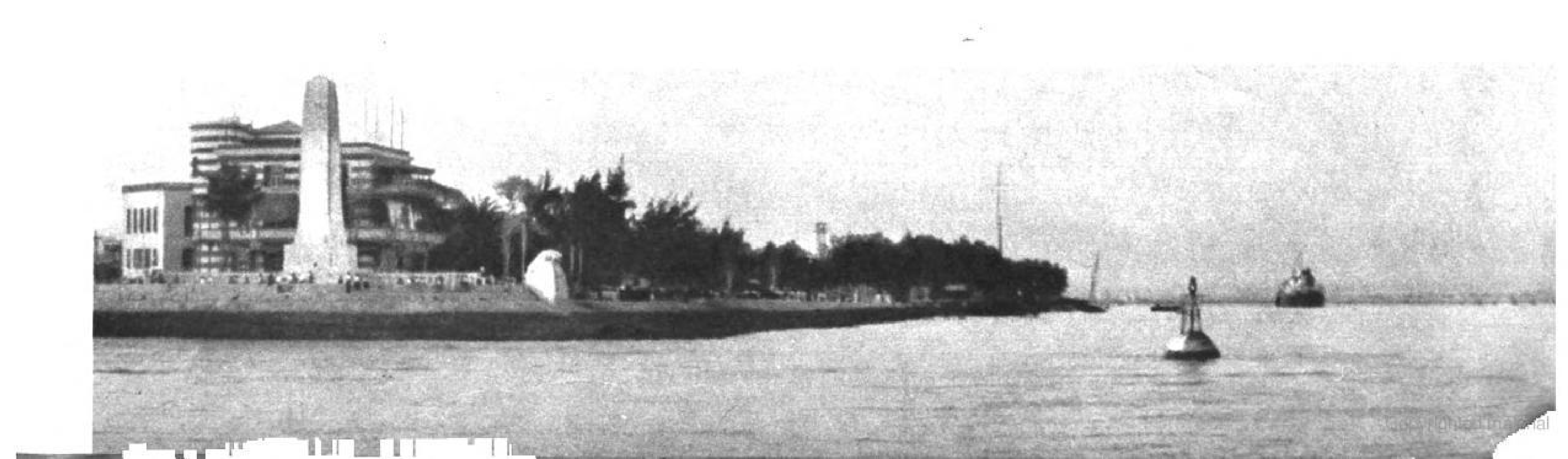
Канал исчез. И снова, как и тысячу лет назад, два моря разъединили пески.

Прошла еще тысяча лет. Молодой западный капитализм властно требовал удобных, кратчайших дорог для своих кораблей, груженных захваченным добром в Африке, Индии, Австралии. О Суэцком канале, сокращающем путь из Азии в Европу, заговорили мореплаватели и ученые, военные и дельцы. Дельцы видели в канале источник наживы, военные — плацдарм для боевых кораблей и артиллерийских соединений.

Под обжигающим солнцем в пустыню вышли феллахи. Мотыги разрывали песок. Кости египтян ложились на дно канала: погибло 120 000 рабочих.

Международная компания Суэцкого канала бесплатно получила землю, государственные каменоломни. Египет поставлял десятки тысяч феллахов — бесплатную рабочую силу. Все тяготы, все муки,

Суэцкий канал.

расходы — все было возложено на египтян. И даже день 17 ноября 1869 года — день пышного открытия канала — лег тяжелым бременем на Египет: за его счет были построены роскошные дворцы и виллы, целый флот яхт для гостей. Итог: в 400 миллионов франков обошелся канал Египту.

Еще до рекламных торжеств в день открытия канала с трассы были изгнаны все египтяне. Им разрешали затем быть лишь швартовщиками кораблей, бурлаками и грузчиками. Никто не видел египтян в конторах и конторках, в мастерских и на складах всемогущей компании. Только французы и англичане. Кто угодно, только не египтяне.

В 1880 году общий доход компании определился суммой почти в 42 миллиона франков, в 1937 году — в полтора миллиарда, а в 1950 году — в 28 миллиардов. И все эти колоссальные деньги уходили из Египта. Они перекочевывали в банковские сейфы Парижа, Лондона и Нью-Йорка.

Еще недавно каждый, кто побывал на канале, видел пустыню, превращенную в сплошной военный лагерь. Сто тысяч солдат и офицеров занимали казармы, по-

лигоны, стрельбища, аэродромы, танкодромы. Высокие ограды колючей проволоки преграждали доступ в зоны войсковых соединений. «Вход строго воспрещен!», «Стой!», «Нет проезда» — кричали повсюду плакаты и таблички.

И вот сейчас мы едем вдоль канала, мимо оград из колючей проволоки, видим пустые темные казармы, брошенные полигоны и аэродромы. На зарастающих колючками плацах толпятся египтяне. Горит костер, кто-то буйно и весело танцует. Это народ празднует победу: после долгой и упорной борьбы египетского народа за национальное возрождение иноземные войска покинули канал. Эта сцена — молодые египтяне танцуют в «запретной зоне» — как нельзя лучше передает сегодняшний день Египта.

Я посмотрел на костер. Огонь лизал обгоревшие бумаги военных канцелярий, остатки амуниции. Из толпы отделился молодой египтянин. На его темном возбужденном лице сверкали белки глаз и ровные крепкие зубы.

— Русские? — переспросил он.— Это хорошо! Друг! Смотри, мы танцуем. Мы празднуем победу,— торопливо говорил он. — Ушли хаки. Хорошо!

Прохладным вечером, после знойного дня, я сидел во французском клубе и случайно услыхал разговор респектабельных деловых людей и модно одетых дам о неизбежном «падении канала», о его «близкой разрухе», если он со временем перейдет в руки египтян. Они говорили, что в прошлом году от моря до моря прошло более 14 000 кораблей, перевезено по каналу 107,5 миллиона тонн груза...

Конечно, подобные масштабы потребовали отличной организации, мастерства и опыта. Но значит ли это, что лишь колонизаторская компания может управлять каналом?

У египтян великий опыт предков, воздвигавших города, прокладывавших каналы и дороги в пустыне. Этот народ еще явит миру чудесные творения.

Мне запомнилась сцена в конторе компании в Суэце. Я вошел поздним вечером в пустое помещение, которое покинули клерки; в дальнем углу при свете ламп сидел за столом темнолицый юноша и усердно переписывал какую-то деловую бумагу. Сколько серьезности, терпения и решительности было в каждом движении пера будущего хозяина канала!

Темнолицый юноша упорно постигал премудрость деловой переписки. Его рукой водило сознание: нужно учиться, учиться всему — писать деловые бумаги, принимать грузы, проводить корабли.

* * *

27 июля радио принесло весть — Египетская республика приняла решение о национализации компании Суэцкого канала. На митинге в Александрии президент Египта Гамаль Абдель Насер сказал: «Этот канал — собственность Египта... Канал был сооружен ценой наших жизней, нашей крови, на наших костях и черепах. Компания Суэцкого канала — это компания-узурпатор. Она отняла у нас наши права. Теперь мы их возвращаем себе».

Сбылась давнишняя мечта египетского народа.

...В Порт-Саиде я видел новые школы, созданные республикой, и толпы учащихся — пытливых, жадных до знаний ребят. Их глаза, полные огня и страсти, убеждали в одном: они, как и их отцы и братья, будут отлично управлять каналом, они же построят Асуанскую плотину, оденут страну в зелень.

Наш корабль, пройдя Суэцкий канал, плыл вдоль Порт-Саида. В воде отражались каменные дома и величественный дворец, еще недавно принадлежавший иноземцам. На фоне жаркого неба над дворцом, над домами, на мачтах судов развевались зеленые флаги нового Египта.

Зеленый цвет — цвет жизни.

ОНИ—

Н. ХРАБРОВА

Фото С. Розенфельда.

Дома в выходной день. Справа налево: Борис, Эльфриде и Аго Мююр.

Темной августовской ночью Борис Мююр опустился на парашюте в заросли кустарника где-то в родном уезде Вырумаа, в оккупированной фашистами Эстонии — для связи с партизанским отрядом. Приземление было вполне благополучным, но установить связь оказалось трудным делом. Какой-то проходимец выдал его немцам... Ничем не вытравишь из памяти плена, фашистского концлагеря и того, что было потом...

По окончании войны их «освободили» и поселили в лагерь для перемещенных лиц, или, как говорили, в лагерь для бездомных. Борис Мююр никогда не забудет стонов измученных, голодных людей, которых лишили дома, национальности, даже имени, — его заменил номер. Из этих лагерей владельцы плантаций, поместий и фабрик разных частей света получали белых рабов. Отсюда же неизвестные джентльмены с хорошей военной выправкой вербовали «специалистов военного дела», чтобы превратить их в шпионов и предателей.

Но не всех удавалось деморализовать. Мююр твердо решил ехать только на родину.

Чиновники в различных западногерманских учреждениях сочувственно покачивали головой:

— Домой хочешь? Вы сентиментальный и наивный народ — эстонцы. Мы навели справки: твою жену и сына красные повесили сразу после войны за то, что ты здесь. И тебе на виселицу захотелось? Нет, мы отвечаем за тебя и не дадим тебе выехать добровольно на гибель.

И снова тянулись ночи, полные тяжелых дум.

Наконец удалось получить работу шофера. Однажды Мююр ехал на машине вдоль демаркационной линии. В нескольких шагах Восточная Германия. Сейчас или никогда!.. Он отвел машину в сторону и через некоторое время уже шел по территории Восточной Германии. Ему помогли добраться до Берлина, до советского посольства, которое направило его в Гродно. Оттуда он написал письма домой и вскоре получил ответы от жены и сына.

Мююр плакал от счастья. Тому, что они повешены, он, конечно, не верил. Все эти годы его волновало другое: ведь жена вместе с ним была на фронте — уцелела ли она, дошла ли до дому? И что сталось с сыном Аго? Перед войной ему было три года.

И вот Борис Мююр дома. Дома! В собственной таллинской квартире вместе с женой и сыном. Кто знал горе, тот по-настоящему умеет ценить счастье. Ему ли, Борису Мююру, не оценить своего счастья!

И когда он вспоминает оставшихся там, за рубежом, сердце его сжимается от жалости к ним. Если бы они услышали, он сказал бы им:

«Друзья мои, оставшиеся бездомными в чужом краю! Верите ли вы мне, — я дома. Сразу по возвращении я получил работу. Зарабатываю более тысячи рублей в месяц. Жена моя работает на фабрике «Тарбеклаас». Наш сын — он теперь ростом с меня, отличный спортсмен — заканчивает училище и поступает на судоремонтный завод монтажником. Я всегда вспоминаю вас, ваши трудные дни и беспокойные ночи. Возвращайтесь домой! Только на родине вы найдете покой и счастье!»

Паулине Паат было восемнадцать лет, когда она решила: не будет ей жизни тут, в маленькой рыбацкой деревушке Пуртсе, на берегу холодного моря. Что ей, молодой и смелой, мешает поискать счастья в чужих краях? И она выбрала самую далекую, самую неведомую страну — Австралию. Работа нашлась быстро. И, продолжая спор со старыми строгими рыбачками оттуда, из Пуртсе, — вот вам и слабая, вот вам и женщина, — она писала им самоуверенные письма, посылала фотографии: она, Паулине, под широкими веерами пальмовых листьев.

Однажды в воскресенье она пошла в ботанический сад. О, сколько там было цветов, деревьев с неизвестными ей названиями, и как все это пестро, нарядно, празднично, красиво! Это ощущение она, быть может, и унесла бы из сада. Да вот на северной стороне, зажатая в угол могучими кедрами, вдруг сверкнула прямо в глаза белым стволом березка... Тонкая, с нежными бледными листьями — такая, как там, у родной рыбацкой хижины в Пуртсе. И такой тоской сжалось сердце девушки, что она прислонилась к березке и, захлебываясь от слез, забыв о том, что на нее смотрят, зашептала: «Вот и ты тут среди этих пальм — одна, совсем одна, как и я...»

Много раз потом Паулине приходила к березке и думала о доме. Да, она тогда уже знала: потерявший родину плачет всю жизнь.

ДОМА

Она побывала не только в Австралии — жила и в других странах, узнала, что такое безработица. Наконец судьба занесла ее в Лондон. Как и всем лондонцам, ей было очень трудно во время войны. Молодость прошла, и ей часто думалось: как же все-таки бестолково, неправильно она жила... Теперь на родине ее земляки строят новую жизнь.

Кончилась война. В Лондоне появились «земляки» особого сорта: они клеветали на советскую власть в Эстонии. Это были «Ди Пи» — перемещенные лица. Ей было стыдно перед знакомыми лондонцами, потому что некоторые, вероятно, и ее принимали за «перемещенное лицо». Семь тысяч подписей под Стокгольмским Воззванием, семь тысяч голосов за мир, собранных Паулине Паат, сделали ее имя известным. Затем она стала продавать газеты и распространять листовки прогрессивных лондонских организаций. И, как это всегда было свойственно ее характеру, шла на самое трудное — носила листовки к этим самым «Ди Пи», правильно рассчитывая, что многие из них все же хотят знать правду.

А годы шли. Опыт прожитой жизни, разум и сердце говорили ей: лучше поздно, чем никогда. Надо домой!

И вот пятидесятилетняя женщина снова в родных краях. Как самую лестную характеристику, она привезла с собой газеты «перемещенных», где ее называют «красным пропагандистом», «ставленником Москвы».

Паулине Паат решила поселиться в Таллине. Дни теперь полны для нее особых забот: она достраивает дом, который купила, и маленький земельный участок вокруг него возделывает под сад и огород. Она часто бывает в райсовете Центрального района Таллина по делам, связанным с приобретением дома, ходит в магазины за покупками, подбирает строительные материалы, обои, краски. Словом, забот у нее много, но эти заботы могут только радовать сердце человека, столько времени скитавшегося по чужим землям.

Паулине Паат в Таллине.

Много лет не жил в Латвии Бернхард Глазниекс, уроженец Риги. У него хорошая профессия: 45 лет назад он стал типографским репродукционным фотографом. Глазниекс побывал в Германии, Турции, оттуда вернулся в Латвию. Но во время минувшей войны немцы, отступая, увезли его вместе с оборудованием типографии — сначала в Гданьск, потом в Нижнюю Саксонию. После разгрома гитлеровской армии Нижняя Саксония вошла в английскую зону оккупации, Бернхард Глазниекс стал «перемещенным лицом», обреченным на полуголодное существование в лагере. Хотелось вырваться отсюда любым способом. И когда Глазниекс узнал, что английский журналист Колвин ищет для своих родителей двух слуг, он вместе с женой Марией согласился на эту работу.

Итак, Англия. Старинное поместье отца Колвина, где вместо пяти, как говорил наниматель, им предстоит убирать и приводить в порядок... 22 совершенно запущенных, с потолка до полу покрытых паутиной комнаты. Этому дому семьсот лет, последний ремонт был здесь сто лет назад, а последняя уборка — перед войной. И масса ковров, с которых при каждом шаге поднимаются столбы пыли.

Дом приведен в порядок. Бернхард и Мария Глазниекс добросовестно выполняют свои обязанности. А хозяева время от времени предъявляют разные неожиданные требования — вроде того, чтобы они сами оплатили дорогу из Германии в Англию. Это значит — несколько месяцев работать бесплатно. Когда Глазниекс сказал, что в таком случае он будет искать другую работу, ему ответили:

— В Англии людям в возрасте сорока пяти лет трудно найти работу.

И действительно, поездки в Лондон и попытки найти другое занятие кончались неудачами. В Лондоне до сих пор подвизается некий Зариньш — бывший посол буржуазной Латвии в Англии. Доходов у Зариньша мало, и он придумал себе бизнес: берет с перемещенных латышей по фунту стерлингов и дает им «латвийский паспорт», который, разумеется, никто не признает. Но кому же из бездомных не хочется иметь хоть какой-нибудь паспорт? И лавочка Зариньша процветает. Есть и другой вид бизнеса у Зариньша: он занимается запугиванием «перемещенных лиц». Сколько раз Бернхарду Глазниексу хотелось пойти в советское посольство и попросить визу на въезд в СССР! Но какие-то молодчики из завербованных Зариньшем запугивали: мол, на их глазах в советском посольстве... арестовывали и чуть ли не пытали «перемещенных»! И все же, набравшись храбрости, Глазниекс пошел туда. Приехав домой и рассказывая о своей поездке жене, он с трудом сдерживал слезы: советские люди встретили его приветливо и спокойно.

— Почему мы верили клевете? — в отчаянии говорил он. — Ведь мы могли давно уехать!

И вот в кармане виза на въезд в СССР и бесплатный билет до Лиепаи.

Бернхард и Мария Глазниекс.

Уже несколько лет Глазниекс в Риге и работает репродукционным фотографом Рижской образцовой типографии. Он один из лучших мастеров печатного дела в Риге. Заработок у Бернхарда Глазниекса таков, что в доме у него достаток и есть возможность отдыхать на юге. Так он и делает. Мы застали его за сборами в один из санаториев Кисловодска, куда он едет по профсоюзной путевке.

В Вильнюс приехала группа литовцев из Уругвая — девятнадцать человек. Они бережно вывели из вагона самую старшую — семидесятилетнюю Юзефу Лекавичене — и остановились на перроне, потрясенные встречей с родиной после тридцати лет разлуки. Долго они готовились к этой встрече, и все равно ни один из них не мог справиться с волнением...

Их обнимали и поздравляли незнакомые, но такие родные и близкие советские люди.

Среди приехавших были сапожник Пранас Монцевичюс, водопроводчик Адомас Криштопайтис, рабочий бойни Петрас Лапинскас, столяр Казис Герюнас, рабочий лесничества Матас Даугела, садовник Стасис Разбадаускас, сортировщик шерсти Пранас Рузгас, портные Василий Гребенков и Иозас Лекавичюс, наборщик Антанас Зокас. Большинство говорило по-русски: в Монтевидео они дружили с русскими, переселившимися туда давно.

В гостинице «Немунас» с прибывшими встретилась Францишка Вайбуцкене, их общая приятельница, которая вместе с мужем приехала сюда три года назад из Уругвая и теперь пришла, чтобы увести всех к себе на воскресный обед.

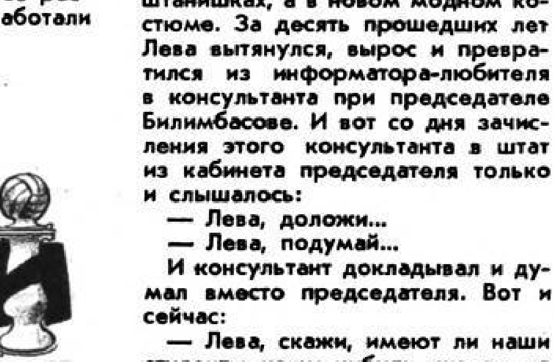
Вернувшиеся из Уругвая литовцы посещали предприятия Вильнюса, чтобы выбрать себе работу по вкусу. Портной Иозас Лекавичюс (справа) в пошивочном цехе фабрики «Лелия».

Сем. НАРИНЬЯНИ

Рисунки К. РОТОВА.

Вопреки субординации

«Дом, в котором находится районный комитет физкультуры, расположен на сильно пересеченной местности, и попасть в него можно было только с помощью кросса, преодолев два мусорных ящика, три лестницы без ступенек и темный коридор с щербатым полом.

Тот, кто благополучно преодолевал все эти препятствия, упирался в разбитую дверь с довольно загадочной надписью:

К . . . . ет
Пр . . . .
Б . . . . ва

Для того, чтобы расшифровать эту надпись, не нужно было приглашать ученых-лингвистов. Следовало только вооружиться тряпкой, промыть табличку горячей водой, и каждому становилось ясно, что перед ним:

Кабинет
Председателя
Билимбасова.

Человек, которому нужно было войти в «к...ет пр... Б...ва», должен был, кроме тряпки, захватить с собой хорошую метелку, чтобы расчистить себе дорогу среди пыли и вороха всякого хлама к столу самого председателя.

Нужно было иметь незаурядные способности, чтобы довести в общем неплохое помещение комитета физкультуры до такого жалкого состояния. Но мы не станем устраивать субботников в чужом кабинете, а лучше расскажем о том разговоре, который произошел у нашего корреспондента с товарищем Билимбасовым.

— Насчет спортивной работы не беспокойтесь. Это дело стоит у нас в районе на высоком уровне,— с первых же слов постарался заверить корреспондента председатель Билимбасов.

— А физкультурники у вас есть?

— Как же, имеются.

— И много?

Билимбасов высунулся в окно и крикнул куда-то вниз:

— Лева, сколько у нас физкультурников?

Снизу ответили.

— Четыреста пять,— отрапортовал Билимбасов.

— А сколько значкистов?

— Семьсот пятьдесят,— наотмашь отрезал председатель и добавил: — И все второй ступени.

— Как же так произошло? Значкистов у вас почти в два раза больше, чем физкультурников?

— Не верите? — Билимбасов снова свесился в окно.

— Лева,— крикнул он,— сколько у нас значкистов?

Лева ответил.

— Я ошибся,— сказал председатель, оборачиваясь в сторону нашего корреспондента.— Лева говорит, значкистов у нас в районе всего сто семьдесят пять.

— Вы что, новый человек в комитете?

— Да нет,— ответил Билимбасов.— В этом помещении я работаю уже третий год. Просто у меня память плоха на цифры.

Но память у Билимбасова была плоха не только на цифры.

— А футболисты у вас есть?

— Как же, знаменитые люди. Пятью ударами десять шаров кладут в лузы.

— В какие лузы?

— Лева,— крикнул Билимбасов,— куда футболисты кладут шары?

Снизу ответили и на этот вопрос.

— Ах да,— поправился Билимбасов.— Не в лузы, а в ворота.

— А кто этот Лева? — заинтересовался корреспондент.— Ваш заместитель?

— Какой заместитель! Так, соседский мальчик.

— Почему же Лева знает о спортивной жизни больше председателя?

— Как почему? Бегает по стадионам — и знает.

— А вы разве не бываете на стадионах?

Билимбасов обиделся:

— Что я, мальчик, что ли?»

Этот анекдотичный случай был в свое время описан на страницах молодежной газеты, и через две недели на тех же страницах в разделе «По следам наших выступлений» было напечатано решение республиканского комитета по делам физкультуры и спорта: «Факты подтвердились. Билимбасов с работы снят».

У спортотдела республиканского комитета поначалу были весьма решительные намерения: направить негодного работника в распоряжение коммунхоза. Может быть, этот самый Билимбасов будет более полезным человеком на посту заведующего баней или кладовщика прачечной? Но отдел кадров запротестовал. Как-де так: председателя — и вдруг в кладовщики? Это, мол, не по субординации. По субординации провалившихся председателей должно посылать только на учебу. Для этого при республиканском комитете заведены даже краткосрочные руководящие курсы.

И так как в отделе кадров республиканского комитета работали более настойчивые люди, чем в спортотделе, то Билимбасов лишен был возможности испытать свои силы на поприще банно-прачечного дела и надолго остался деятелем физкультдвижения.

И вот, путешествуя в начале этого года по южным районам страны, нашему корреспонденту вновь после десятилетнего перерыва довелось увидеть Билимбасова на почетном председательском стуле, только теперь уже не в районном комитете физкультуры, а в областном.

— Жив, значит, курилка! Ну, и как, довольны вы своим председателем? — спросил корреспондент.

— О, да!

Первый секретарь обкома комсомола был в восторге от Билимбасова.

— Еще бы! Благодаря Билимбасову,— говорил он,— наша область все последние годы прекрасно выступает на соревнованиях.

— У вас много хороших спортсменов?

— В том-то и дело, что нет. Спортсмены у нас неважные, а вот места они занимают в соревнованиях первые.

И в самом деле. Кабинет первого секретаря обкома комсомола был наполнен призовыми кубками. Два были от спортобщества «Трудовые резервы», три — от «Молнии», четыре — от «Колхозника», пять — от «Металлурга».

— Простите, разве у вас в области есть металлургические заводы?

— Нет.

— Откуда же у вас взялись спортсмены-металлурги?

— Как откуда? А база утильлома «Вторчермета»?

— Да, но ведь на сборке утиля работают главным образом старички. Как же они сумели завоевать столько призов по легкой атлетике?

— О, вы не знаете нашего Билимбасова. Он сильно преуспел за последние годы. Сходите к нему, поговорите.

И наш корреспондент пошел. В тот день кабинет председателя областного комитета был заполнен толпой студентов-спортсменов. Студентам нужно было выезжать на республиканские соревнования педагогических институтов, а их поездку внезапно отменили. Студенты прибежали к председателю.

— В чем дело?

А председатель, как и десять лет назад, свесился в окно и крикнул:

— Лева!

И Лева ответил. Только уже не со двора. На этот раз Лева чинно постучался в дверь кабинета.

— Можно?

Это был все тот же соседский мальчик, но уже не в коротеньких штанишках, а в новом модном костюме. За десять прошедших лет Лева вытянулся, вырос и превратился из информатора-любителя в консультанта при председателе Билимбасове. И вот со дня зачисления этого консультанта в штат из кабинета председателя только и слышалось:

— Лева, доложи...

— Лева, подумай...

И консультант докладывал и думал вместо председателя. Вот и сейчас:

— Лева, скажи, имеют ли наши студенты какие-нибудь шансы на предстоящих соревнованиях?

И Лева сказал:

— Нет, не имеют.

— Почему? — спросила Лялечка Козельская с филологического отделения.

— Потому что все вы третьеразрядники, а из других областей приедут студенты с показателями второго и первого разрядов.

— Но у нас уже куплены железнодорожные билеты.

— Я учел это обстоятельство,— сказал Билимбасов, а Лева добавил:

— Ваши билеты не пропадут. Вместо вас областной комитет посылает на вузовские соревнования команду «Локомотива». У железнодорожников есть три второразрядника и один перворазрядник.

— Но у железнодорожников нет ни одного студента.

— Это неважно. По нашей просьбе ректорат обеспечил всех железнодорожников форменными студенческими билетами,— сказал Билимбасов.

— Миша Веткин станет на время соревнования студентом-биологом, Юра Волков — студентом-географом, Вася Тертишный — студентом-филологом. А у этого Васи вместо высшего образования — незаконченное низшее. Вместо слова «сквозь» этот филолог говорил «скрозь». Вместо «скользко» — «склизко». Любимым выражением Васи было таинственное и непонятное «ё-моё».

— Липа, а не филолог! — возмущались студенты.

— Неважно,— отвечали им работники областного комитета,— зато Вася бегает стометровку быстрее одиннадцати секунд.

И в то время, как липовые студенты ехали с чемоданами на вокзал, настоящие продолжали шуметь и протестовать в кабинете Билимбасова.

— Мы старались, тренировались, и все зря.

— Нет, не зря,— сказал Лева,— товарищ Билимбасов посылает вашу команду на соревнование общества «Колхозник». Это общество молодое. Классифицированных спортсменов у них нет, так что вы со своим третьим разрядом наверняка заберете у доярок и животноводов все их призы.

— Ой! — испуганно вскрикнула Лялечка Козельская.— Я ни разу в жизни не была в деревне и не знаю, что делают животноводы.

— Ну, это как раз понятно. Животноводы кормят животных и убирают за ними гуано,— сказала вторая Лялечка с географического отделения. Эта Лялечка тоже никогда не бывала в деревне, и все ее знания о сельском хозяйстве были почерпнуты из детских радиопередач.

Но не всегда железнодорожники так просто соглашались быть филологами, а филологи — выступать на беговой дорожке под видом доярок и животноводов. Спортсмены часто устраивали Билимбасову скандалы.

— Это жульничество!

— Нет, не жульничество,— говорил Билимбасов, а Лева пояснял:

— Жульничество — это когда спортсмены одной области выступают за спортсменов другой. А мы составляем команды только из своих. А это уже не жульничество, а умелое маневрирование наличными силами.

Работа с Билимбасовым не прошла даром для его консультанта. Милый соседский мальчик за прошедшие десять лет перестал быть милым. Он послушно делал то, что хотелось председателю. А тот требовал одного:

— Выигрывайте у слабых и не связывайтесь с сильными.

И областной комитет никогда не посылал своих спортсменов на междуведомственные соревнования.

— Там «Буревестник», «Наука», «Динамо», «Спартак»... Нашим с ними не сладить.

— Но ведь ваши могут поучиться и у «Буревестника» и у «Динамо».

— А кубки?

Билимбасову нужны были кубки, чтобы числиться на хорошем счету и в обкоме комсомола и в облисполкоме. Именно поэтому-то он и заставлял Васю Тертишного бегать в августе за студентов-филологов, а в мае Билимбасов брил этого филолога и посылал его с билетом ученика 9-го класса на соревнование спортсменов-школьников. И если бритый подбородок этого ученика смущал работников министерства просвещения, Билимбасов говорил:

— О, это вы напрасно. А ну, Вася, скажи тете-начальнице, сколько тебе лет?

— Забыл, ё-моё,— ответил Вася.

У тети-начальницы память оказалась лучше. Она вспомнила, что прошлой весной на соревновании общества «Металлург» она уже видела молодого человека. Но только тогда он был не школьником, а сборщиком утильлома. Тетя-начальница подняла шум, и бородатый школьник был с позором изгнан со стадиона.

Казалось, вместе с Васей должен был быть призван к ответу и председатель областного комитета физкультуры. Но у председателя нашлись защитники.

— Билимбасова не стоит наказывать, он много сделал, чтобы поднять спортивную работу в нашей области,— сказал первый секретарь обкома комсомола.

И сказал искренне, так как этот секретарь, к сожалению, ничего не понимал в спорте.

А Билимбасов не поднял, а угробил спортивную работу. Именно поэтому мы и не увидим этого председателя сегодня в Лужниках на торжественном марше участников Спартакиады народов СССР. Перед нашими глазами пройдет весь Советский Союз. Москва, Ленинград, Киев, Баку, Минск, Ростов, Свердловск, Харьков, Ташкент... Мы увидим тысячи легкоатлетов, борцов, пловцов, стрелков, футболистов. Бок о бок со спортсменами пройдут их старшие товарищи: тренеры, воспитатели. И среди многих тысяч спортсменов — участников парада — не будет ни одного билимбасовского воспитанника, не будет никого, кто вспомнил бы добрым словом этого человека. Вася Тертишный? Так и этот быстроногий, но слабохарактерный Вася уехал два года назад с юга на север, только бы подальше от Билимбасова. Вася Тертишный будет выступать сегодня, но не от города, в котором родился и который так не по-отечески отнесся к его спортивным способностям. Вася выйдет на старт вместе со своими новыми друзьями, которые учили его, помогли стать мастером.

То, что Билимбасов не будет участником парада, очень хорошо. Но вот беда, нам придется увидеть этого деятеля на трибуне нового стадиона в качестве гостя, рядом с честными спортивными работниками, с теми, которые не ловчат в спорте, а растят и воспитывают спортсменов. Ох, если бы Билимбасов поучился у этих своих соседей, перенял у них хоть толику доброго, хорошего! А то ведь нет. Он будет смотреть на беговую дорожку и комбинировать, как бы ему снова обмануть Васю Тертишного. Ведь на призы этого Васи он мог бы еще года два сидеть в кресле председателя.

— А что, если мы пообещаем Тертишному отдельную комнату? — спрашивает он Леву.— Поедет он к нам обратно?

— Вряд ли! Вася теперь комсомолец, учится в техникуме.

— Ё-моё. Тогда надо пообещать ему две комнаты...

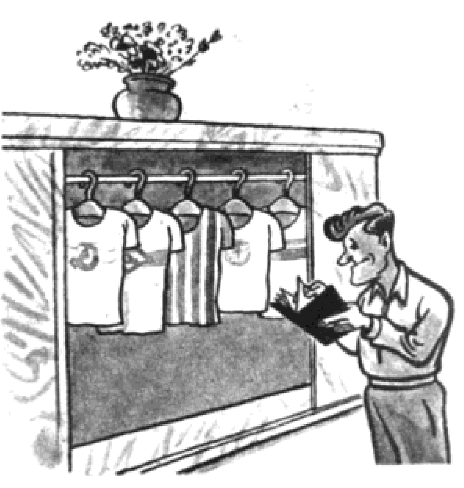
Наша печать посвящает Билимбасову уже второй фельетон. А что, если и по этому, второму Билимбасова снова снимут и снова пошлют на учебу?

А может, на этот раз нарушить субординацию и направить Билимбасова прямо в кладовщики?

— А вы из какой группы?
— Я из Комитета физкультуры...
Рисунок В. Тихановича. Минск.

— За какое общество мне сегодня выступать?

Еще один безбилетный!

Рисунки Н. ОГАНОВА. Баку.

Два улова...

Рисунок Ю. **АНДРЕЕВА.**

НАСЛЕДСТВО ХУДОЖНИКА

Борис ПОЛЕВОЙ

Помнится, однажды Вера Игнатьевна Мухина позвонила мне и попросила заехать, обещая показать нечто интересное. Все знали, что взыскательный скульптор этот попусту словами не бросается и что слово «интересное» у нее много значит. Поехал. Застал ее в мастерской в рабочей одежде, всю выпачканную в гипсе... В глазах ее светилось то счастливое возбуждение, какое ярче всяких слов говорит, что художник целиком погружен в работу, что ни о чем, кроме работы, думать он в эту минуту не в состоянии и очень счастлив.

Она повела в мастерскую и показала новую модель головы Горького — головы к тому самому памятнику, что украшает теперь площадь перед Белорусским вокзалом.

— Ну как? Правда, живой? А? Как смотрит!..

Горький действительно «смотрел» чудесно. В повороте головы, во всем внутреннем устремлении вперед, в этих мохнатых бровях, в скрытой улыбке, которая лишь угадывалась под нависающими солдатскими усами, была чудесно запечатлена живая человечнейшая мудрость.

Видя, что работа произвела впечатление, Вера Игнатьевна сказала:

— Иван Дмитриевич Шадр был изумительный художник! Удивительный! Я очень, очень счастлива, что нам удалось ценою стольких усилий «довести» его Горького... Но как бы сделал это он сам! Как жаль, что он не успел завершить этот памятник!

И она, задумчиво посматривая на скульптуру, только что пережившую свое второе рождение, начала рассказывать об Иване Дмитриевиче, умершем в расцвете творческих сил. А я смотрел на нее и думал: как хорошо, что такой славный мастер, как Мухина, находящийся в расцвете своего таланта, нашла в себе мужество на время отодвинуть в сторону собственные планы, отставить свои многочисленные эскизы, оторваться от своего «молодого» Горького, от своего Чайковского, чтобы вместе с коллегами в течение многих месяцев трудиться над воплощением незавершенной работы умершего товарища!

Собственно, в благородном поступке этом ничего нового не было. История русского искусства знает подобные случаи. И все-таки необыкновенно приятно было видеть, как большой советский художник радуется, что удалось довести до блестящего завершения замысел своего товарища. В этой радости как бы раскрывалась глубина большой души необыкновенного мастера, его хозяйское отношение к родному советскому искусству, как к подлинно народному достоянию.

Все это припомнилось сейчас при просмотре четырех чудесных декоративных работ самой В. И. Мухиной, сделанных ею в эскизах еще в 1938 году по заданию архитектора А. В. Щусева для украшения нового моста через Москву-реку. Мухина очень любила эти работы, но замысел ее по ряду причин остался незавершенным. Скульптуры «Земля», «Море», «Плодородие» — романтические, великолепные по своей динамике и пропорциям вещи — остались после смерти мастера в скульптурных эскизах, и лишь одну из них, «Хлеб», автор сумел довести до конца и воспроизвести «в полторы натуры».

Я помню, с каким энтузиазмом Вера Игнатьевна рассказывала об этих работах. Глаза горели. Она смотрела в пространство и, кажется, ясно видела перед собой и простор московской набережной, и зубцы древних кремлевских стен, и благородный изгиб моста, и скульптуры, украшающие его.

— Мне кажется, что они органически впишутся в пейзаж: темная вода, голубое небо, радостный силуэт набережной, по мосту течет масса людей...— мечтала Мухина.

После смерти Мухиной в постановлении Совета Министров СССР об увековечении памяти художника предлагалось воспроизвести в надлежащем размере и подготовить к осмотру все четыре произведения. И вот коллектив скульпторов, давно уже сотрудничавший с Верой Игнатьевной и не раз выступавший с ней в соавторстве,— З. Г. Иванова, Н. Г. Зеленская и А. М. Сергеев, уже без ее участия завершившие памятник Чайковскому,— взялся за осуществление другой неоконченной работы старшего товарища.

Скульптуры «Земля», «Море», «Плодородие», выполненные по эскизам В. И. Мухиной, чрезвычайно близки по духу, по стилю, по темпераменту к четвертой скульптуре — «Хлеб», которую сам автор довел до конца. Это великолепные образцы декоративного ваяния — искусства, к сожалению, развитого у нас еще недостаточно широко и не удовлетворяющего потребностей страны. Как и все, что вышло из рук Мухиной, скульптуры эти проникнуты поэтической романтикой, жизнерадостностью. Воздушность, легкость сочетаются в них со стремительным движением.

И вот прекрасная мечта скульптора, запечатленная им в эскизах, уже воплощена в жизнь. Теперь уже не надо обладать творческой прозорливостью художника, чтобы представить, как действительно будет здорово, когда эти скульптуры украсят один из московских мостов. Все в них необычно. Море дано в прекрасном образе юноши, держащем пойманную рыбу. Изобилие земли воплощено в фигуре молодой женщины с развевающимся за спиной шарфом. В руках у нее корзина с

ЗЕМЛЯ.

МОРЕ.

плодами. Наиболее совершенная в этой группе скульптур — «Хлеб»: две прекрасные юные девушки держат на плечах желтый сноп. И, наконец, «Плодородие», пожалуй, самая лирическая: юноша и девушка у корзины с виноградом и фруктами.

Я понимаю, сколь бедно и даже смешно подобное изложение скульптурного сюжета. Поэтому я уповаю на искусство фотомастеров, которые, может быть, сумеют передать поэтическую прелесть этих скульптур. Представляя их теперь на одном из московских мостов, на фоне неба и воды, как мечтала увидеть Вера Игнатьевна, испытываешь и большую радость за эту новую и незаурядную победу искусства, и благодарность к правительству, решившему после смерти художника довести ее работу до конца, и чувство искренней признательности талантливым друзьям мастера, воплотившим эскизы в великолепные скульптуры.

Собственно, этими словами и надлежало бы окончить статью о новых скульптурах, созданных коллективом мастеров по эскизам В. И. Мухиной. Но хочется продолжить разговор о наследстве, завещанном талантливым мастером своему народу. Ее наследство не исчерпывается скульптурами, о которых уже было сказано. Вера Игнатьевна была художником-патриотом, живо откликавшимся на все, чем живет ее народ, но замыслы ее монументальных работ не всегда совпадали с возможностями их осуществления. Она создала, пожалуй, самое значительное у нас, да, пожалуй, и во всем современном мире произведение: группу «Рабочий и колхозница», группу, ставшую как бы вторым гербом Советского Союза. В этом произведении ей удалось прекрасно передать не только идейный смысл, но и ощущение здоровья, силы, молодости, целеустремленности и жизнерадостности, столь свойственных советскому народу.

После войны, под впечатлением великой победы советского народа, вдохновленная этой победой, Вера Игнатьевна создает чудесный проект памятника героям Севастополя. Она задумала его в виде величественного маяка, стоящего в море при входе в бухту. Он представляет собой как бы башню-крепость, увенчанную скульптурной группой героев, отражающих нападение со всех сторон. По своему силуэту памятник издали напоминает башню броненосца с горизонтальными реями. На кладке фундамента — надписи с именами героических кораблей, частей и особо отличившихся воинов.

К башне можно подъехать и на лодке и на катере. У входа начинается винтовая лестница, ведущая наверх, в кольцевой зал, из которого можно пройти на террасу, обрамляющую постамент. С этого парапета, откуда открывается чудесный вид на город, можно было бы принимать морские парады. Таков был замысел Мухиной. Как истинный поэт, она всегда видела свой замысел уже осуществленным и очень хорошо говорила о нем:

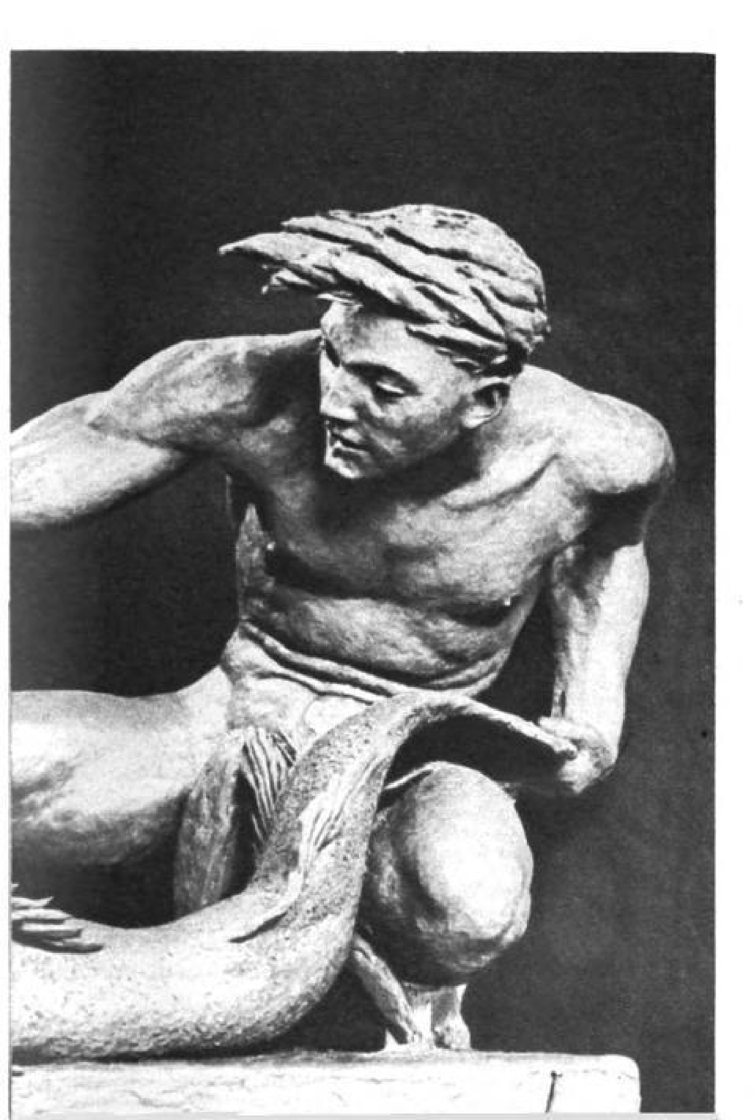
— Едете на корабле. Воздух чист, прозрачен. И вот на горизонте начинают вырисовываться желтоватые утесы Севастополя. Но что там, у утесов? Мачта и реи! Видимо, военный корабль? Вы подъезжаете ближе и различаете, что это не корабль, а огромная каменная башня, которая будто поднялась со дна моря, — маяк, но совсем необычный. Группа боевых моряков как бы ощетинилась в своем отпоре врагу: то, что издали можно было принять за концы рей, — винтовки. Матросы в боевой готовности. Командир спокойно отдает приказ флажками, реющими над колышущимся морем...

Да, это был прекрасный, поэтический замысел, и очень хотелось бы его осуществлением увековечить память героев Севастополя.

И, наконец, еще над одним про-

ХЛЕБ. Фрагмент.

ПЛОДОРОДИЕ.

ектом Вера Игнатьевна работала с особым упорством, не одно десятилетие, снова и снова упрямо возвращаясь к нему. Это памятник Ленину. Помнится, не было беседы, когда она в той или другой форме не вернулась бы к мысли, что Москве пора наконец иметь настоящий памятник Ленину...

— Он должен быть очень прост, этот памятник. Небольшой по масштабам. Прост и велик, как Ленин, — говорила она. — Очень лаконичен и скуп в оформлении: портрету Владимира Ильича совсем не нужна «купеческая рама». И Ленин должен быть не один, он никогда не был один, он всегда был с массой. Но нельзя рисовать народ, как это делают у нас иные скульпторы, которые вокруг фигур руководителей вырисовывают столько голов, что вся композиция начинает напоминать бутерброд, покрытый икрой. Мне кажется, что должно быть две фигуры — Ленин и Рабочий. Ленин и Рабочий класс. Ленин показывает Рабочему его победный путь...

И Мухина создала проект двухфигурного памятника, где Ленин изображен стоящим на пьедестале вместе с молодым рабочим. Левую свою руку он положил на плечо рабочего, а правой широким жестом, как бы указывая ему путь, раскрывает перед ним весь мир. Эта работа была представлена на конкурс, состоявшийся в Музее Ленина в 1950 году, и получила наиболее благоприятную оценку жюри и наиболее теплые отзывы посетителей.

Мухина называла свои незавершенные работы «мечты на полке». Среди них самой заветной ее мечтой был этот проект памятника В. И. Ленину...

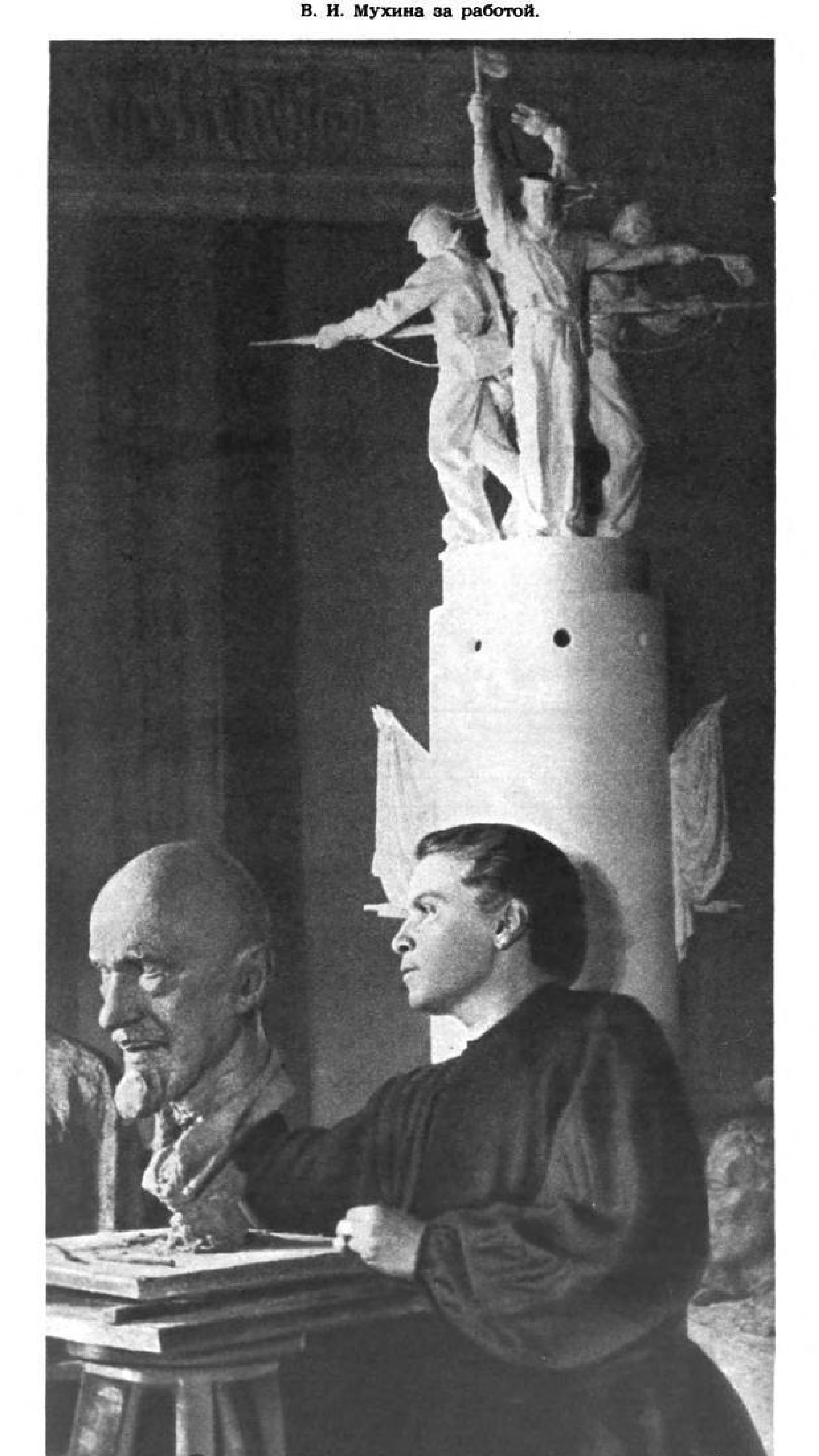
— Вот увидеть бы его на одной из московских площадей, и можно спокойно умереть, — сказала она мне уже в больнице, незадолго до смерти...

Страна у нас такая, где всегда сбываются смелые мечты тружеников. Может быть, стоило бы среди других проектов ленинских памятников с особым вниманием обсудить и этот проект В. И. Мухиной.

Харен Дас. ДОЙКА.

В. И. Мухина за работой.

Искусство Индии

Недавно в Москве, а затем в Ленинграде демонстрировалась выставка индийского изобразительного искусства — старого и современного. Небольшая по числу экспонированных произведений, она внесла много нового в те представления о художественной культуре Индии, о творчестве современных ее художников, которые сложились у нас после великолепных выставок индийского искусства, проведенных ранее.

На последней выставке мы увидели ценные образцы древнего искусства Индии — скульптуру из Гандхары, близкую по своим гуманистическим тенденциям ранней греческой классике, копии знаменитых стенописей Аджанты, тончайшие миниатюры-сказки раджпутской школы. Это искусство неповторимого своеобразия, высокой духовной красоты и благородства. И, восхищаясь им, мы отмечаем, что многие и многие современные индийские мастера обращаются в своем творчестве к этим художественным основам, что древнее искусство Индии оплодотворяет собой индийское искусство сегодняшнего дня, борющееся за возрождение прекрасных национальных традиций, за национальную форму и тематику.

Посетители выставки познакомились с работами корифеев нового индийского искусства: покойного Абаниндраната Тагора, художника многогранного и богатого дарования, основоположника так называемой школы «Бенгальского возрождения»; маститого мастера Нандалала Боса, творческому и педагогическому таланту которого обязаны в Индии сотни молодых художников; Сарада Укила и Гаганендраната Тагора — сподвижников Абаниндраната Тагора, возрождающих в своем творчестве национальные художественные традиции; Кшитиндраната Мажумдара — певца радостной красоты родной природы, родного народа. На выставке были показаны две работы Рабиндраната Тагора: великий поэт Индии был также и художником.

Два живописца особенно полюбились нашему зрителю на предыдущей выставке индийского искусства — Деви Прасад Рой Чоудхури и Бирешвар Сен. Рой Чоудхури — автор картины «Когда начинаются дожди», столь понравившейся всем нам поэтичностью настроения и красотой живописи, ее зеленовато-прозрачной воздушной цветовой гаммой. Ко всеобщему удовольствию посетителей, эта картина вновь демонстрировалась на нынешней выставке. Бирешвар Сен был известен у нас превосходной акварелью «Волшебный пруд» — застывшая в предвечерний час гладь воды и высокое небо, чарующе озаренное желтым пламенем заката. Этот тонкий художник, подлинный поэт красок, показал еще одну прекрасную работу — «Благословение святого», где словно тают, уходя вдаль, в синеватую дымку, величавые хребты Гималаев.

В этом номере воспроизводятся картины четырех индийских мастеров, непохожих друг на друга по художественной манере и в то же время близких друг другу своей привязанностью к родной тематике.

Амрита Шер-Гил, рано умершая художница,— мастер своеобразного таланта; искусство ее очень ценится в индийских художественных кругах, у нее много последователей. При всем увлечении внешней, декоративной стороной живописи она вкладывает в свои произведения какое-то особое, песенное, напевное звучание — привольное и словно бы медлительное, подобное, должно быть, тем мелодиям, которые звучат в крестьянских селениях Индии.

Ей противоположен Нилратан Чаттерджи — автор картины «Девушка из племени санталов», добивающийся психологической выразительности образа, реалистической полноты использования художественных средств.

«Продавец кокосовых орехов в Махабалипураме» — картина художника Б. Саньяла, возглавляющего департамент искусств при индийском правительстве, руководителя делегации индийских художников, гостивших в нашей стране в дни открытия выставки. Очень привлекательно здесь лицо молодого юноши, продающего на улице кокосовые орехи — самой природой приготовленный сосуд с освежающим прохладительным напитком. Картина как будто условна по манере исполнения, а между тем сколько в ней непосредственного чувства жизни!

Национальное своеобразие отчетливо проступает в картине Арупа Даса «Деревенская ярмарка». Яркие краски, четкость и изящество линейного ритма, повествовательность рассказа, столь излюбленные этим художником, вызывают в памяти образцы старинной раджпутской миниатюры.

Разные художники предстали перед нами на выставке, разными направлениями идут они в своих творческих поисках.

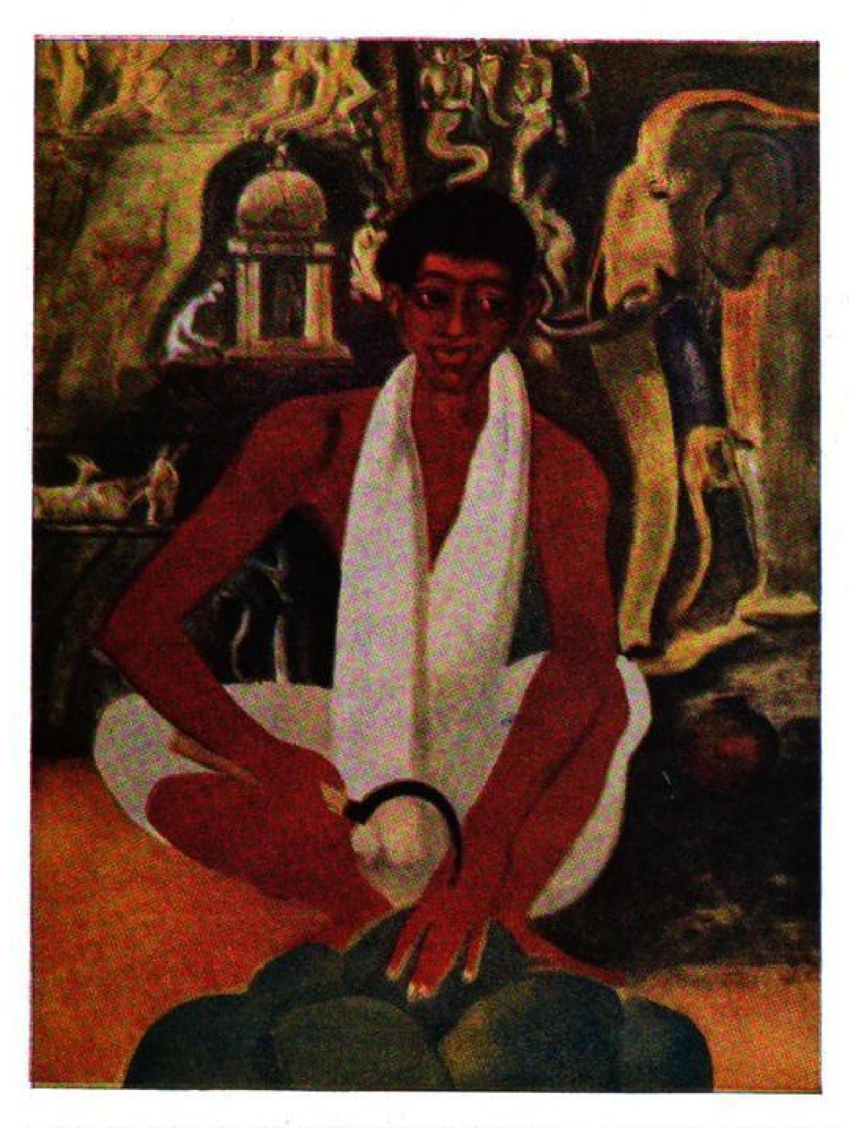
Иные из них, на наш взгляд, заблуждаются в своих исканиях нового, следуя подчас пустому оригинальничанью «модных» художественных течений Запада. Но те мастера, кому дороги великие традиции национального искусства, дорого все, что связывает их с родиной, с народом,— эти мастера действительно служат своим творчеством молодой, обновленной Индии. Их произведения более всего близки и нам, советским людям.

В. ИВАНОВ

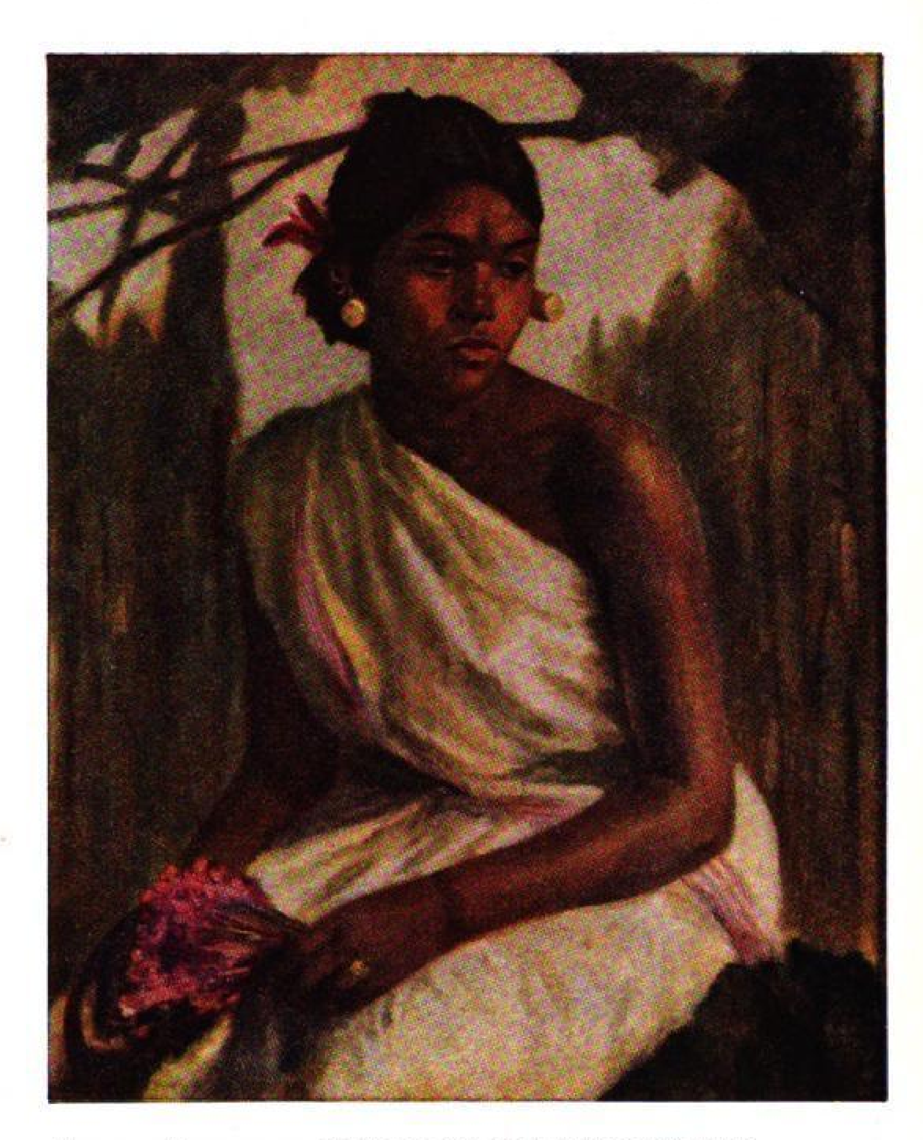

Амрита Шер-Гил. КАЧЕЛИ.

Выставка «Изобразительное искусство Индии».

Б. Саньял. ПРОДАВЕЦ КОКОСОВЫХ ОРЕХОВ В МАХАБАЛИПУРАМЕ.

Нилратан Чаттерджи. ДЕВУШКА ИЗ ПЛЕМЕНИ САНТАЛОВ.

Аруп Дас. ДЕРЕВЕНСКАЯ ЯРМАРКА.

ПРОДОЛЖЕНИЕ ПОДВИГА

Мих. ЗЛАТОГОРОВ

Около девяти лет назад командировка редакции журнала «Огонек» привела меня на землю Бреста, к стенам древней цитадели, разрушенной огнем недавних сражений.

Сейчас величавые руины Брестской крепости, подвиг ее защитников запечатлены в сердцах миллионов людей. О легендарной брестской обороне, продолжавшейся больше месяца с первого дня войны, рассказано в книгах и пьесах, в волнующем фильме «Бессмертный гарнизон», наконец, в живых свидетельствах нескольких избежавших гибели участников обороны. Но тогда, зимой 1947/48 года, героическая эпопея еще таилась под кирпичными грудами обвалившихся крепостных стен, в путанице неразобранных документов, в смеси подлинных фактов и домыслов, которые передавались из уст в уста. Помню, как с офицером-пограничником переправлялись мы на пароме через Западный Буг — густая шуга шла по реке,— чтобы обследовать развалины заставы на острове, заставы, принявшей первый удар в воскресное июньское утро 1941 года. Помню, как в крестьянской хате деревни Речица, вблизи Бреста, записывал рассказы женщин, инвалидов, подростков: они своими глазами видели вывешенные на крепостной стене, написанные кровью на куске полотна слова: «Все умрем за Родину, но не сдадимся!»

Вот тогда попала в блокнот запись о Раисе Абакумовой. Кто назвал это имя — вчерашний ли солдат, партизан или белорусская девчина с заплаканными глазами, потерявшая за войну всех близких? Запись сохранила лишь факт: среди защитников крепости находилась отважная девушка-военфельдшер Раиса Абакумова; она под обстрелом перевязывала раненых, перетаскивала их с открытых мест в подвалы и укрытия, чтобы сберечь бойцам жизнь, а свою сберечь не смогла, сразила ее вражеская пуля. Так я и написал в очерке: «...ее сразила пуля».

24 июля нынешнего года мне довелось увидеться с Раисой Ивановной Абакумовой.

Высокая, худощавая женщина с суровыми глазами, чуть опустив голову, недвижно стояла плечом к плечу с однополчанами военных лет. Только стрекот кинокамеры вплетался в тишину переполненного Краснознаменного зала Центрального Дома Советской Армии. Была минута молчания — памяти героев Бреста, последних защитников крепости, павших пятнадцать лет назад.

Назавтра я встретился с Абакумовой и попросил прощения за свою давнюю невольную ошибку.

— Хорошо, что написали тогда о наших товарищах,— негромко сказала Абакумова.— Я того лейтенанта помню, что расстрелял в гитлеровцев все патроны. Ходили вместе танцевать в гарнизонный клуб...— Она помолчала.— И как без воды мучились... И как под обстрелом перевязывали... Это все правда. Про себя, когда прочитала, сказала: «Ну и вечная память».

— Но почему вы не дали о себе знать?

— Постеснялась как-то. Ничего такого в крепости я не совершила. Как загрохотало утречком,— думала, учения... Схватила санитарную сумку, бросилась к госпиталю. А мост под перекрестным огнем. Огонь, дым, товарищи падают. Нуте... Стала оказывать помощь. Бинты скоро кончились. Нательные рубахи на раненых рвали. Мама со мной жила, я ее отвела в подвал. Мама все плакала: «Не ходи, убьют, с кем я останусь?» Больше ползали, чем ходили. Одного перевяжешь, ползешь на стон. Нуте... Меня уж все бойцы знали, звали «доктор», а я только медтехникум кончила,— заметила Абакумова стеснительно.

Потом она рассказала, что произошло после одной из страшных бомбежек цитадели. Бомба разнесла подковообразное земляное укрепление в восточной части крепости, там было много женщин и раненых, там находилась и она с матерью. Ворвались во внутрь укрепления гитлеровцы, захватили в плен.

До мая сорок пятого года она мытарилась в неволе. После освобождения вернулась в родной Орел: там и медтехникум девочкой кончала, оттуда и попала в армию в 1939 году.

— Как жила эти годы?.. Сразу попросилась на работу, в областную больницу. Квартира наша сгорела, снимали угол. На руках мама, она столько перенесла. И я захворала — бронхиальная астма. Многие сочувствовали. Местком дал путевку в санаторий. Но были и такие, что попрекали: «На оккупированной территории находилась...»

Теперь я в Кромах работаю, в больнице,— продолжала она, опуская, видимо, какие-то невеселые подробности своей послевоенной жизни и не желая жаловаться.— Палатной сестрой в хирургическом. Бывает, за дежурство пятьдесят — шестьдесят человек обслужишь. Больному ласка нужна, внимание. Наша больница стоит на автомагистрали Москва — Симферополь. Нуте... Привозят раз ночью человека. Ехал в отпуск на курорт, вдруг резкая боль в желудке. Прободная язва. Оперировать нужно немедленно, а у нас электрический свет только до двенадцати. Вот скоро Куйбышев даст энергию, тогда вздохнем. Хирург говорит: «Ничего, при лампах сделаем, только успокойте больного». А он: «Нет, везите в Москву». Уговорила, отлично ему все заштопали, он потом благодарил. Могло ведь печально кончиться. Нуте... Другой случай расскажу. Мальчик шести лет, Колечка, кипящим молоком обварился, перевернул примус: мать недосмотрела. Сколько ночей около него недоспала! Ничего, выходился... Из колхоза привезли прицепщика тракторной бригады. Оступился в поле, под гусеницу попал. Перелом бедра и голени. В шоковом состоянии доставили. Такой хороший парень, Саша Солодухин. Мы за него боролись. Кровь переливали, вводили сердечное, физраствор. Тоже выходился...— Серые суровые глаза блеснули мягким огнем; былая красота как бы снова озарила поблекшее лицо.— Зачем вы все это пишете? Ведь это наша обычная работа медицинского персонала, наш долг...

* * *

Среди имен павших защитников крепости, которых в свое время назвал наш журнал, было также имя комсомольца-лейтенанта Алексея Наганова.

Останки Наганова нашли под обломками Тереспольской башни, которую геройски защищал его

Главные ворота Брестской крепости, поврежденные артиллерийским обстрелом.

Фото из «Огонька» № 8 за 1948 год.

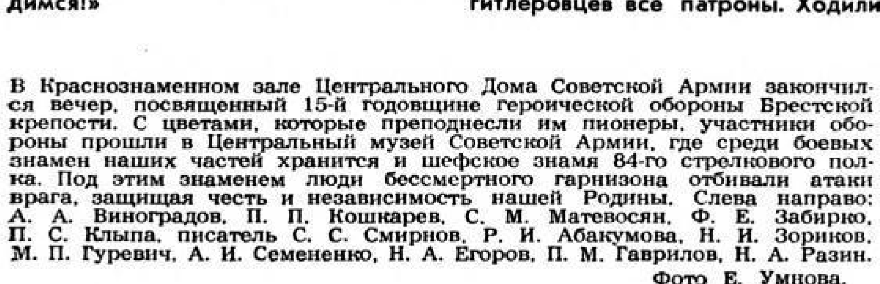

В Краснознаменном зале Центрального Дома Советской Армии закончился вечер, посвященный 15-й годовщине героической обороны Брестской крепости. С цветами, которые преподнесли им пионеры, участники обороны прошли в Центральный музей Советской Армии, где среди боевых знамен наших частей хранится и шефское знамя 84-го стрелкового полка. Под этим знаменем люди бессмертного гарнизона отбивали атаки врага, защищая честь и независимость нашей Родины. Слева направо: А. А. Виноградов, П. П. Кошкарев, С. М. Матевосян, Ф. Е. Забирко, П. С. Клыпа, писатель С. С. Смирнов, Р. И. Абакумова, Н. И. Зориков, М. П. Гуревич, А. И. Семененко, Н. А. Егоров, П. М. Гаврилов, Н. А. Разин.

Фото Е. Умнова.

взвод. Мы видели оружие лейтенанта: обгоревший пистолет «ТТ» — три патрона в обойме, четвертый в канале ствола, курок на взводе.

Вскоре после публикации заметки о Наганове в редакцию «Огонька» на имя тогдашнего редактора журнала А. А. Суркова пришло письмо из Еревана. Писал горный инженер Самвел Минасович Матевосян. Дело в том, что он, Матевосян, служил в июне сорок первого в 84-м стрелковом полку, который дислоцировался в Брестской крепости, и был избран секретарем полкового бюро комсомола. Да, он помнит, был у них такой комсомолец Наганов, прибыл из пехотного училища. Матевосяна взволновала заметка, и он просил написать, не известны ли судьбы и других героев. «Писать о Брестской крепости, надо иметь способности писателя, а у меня их нет,— говорилось дальше в письме.— Я никогда не забуду, как на ранах живых людей ползали черви, как для утоления жажды приходилось брать в рот сырой песок, как только ночью могли убирать разлагающиеся трупы, чтобы дышать полной грудью, как по нескольку дней приходилось воевать без пищи, идти в штыковые атаки...»

По поручению редакции я подробно ответил Матевосяну, а потом его судьбой заинтересовался писатель Сергей Сергеевич Смирнов, собиравший тогда материал для пьесы «Крепость над Бугом». Тут хочется сказать несколько слов и о Смирнове. К большой, сложной теме он подошел не только как вдумчивый художник, но и как чуткий, душевный человек. Смирнов написал сотни писем, разыскивая участников брестской эпопеи, ездил к ним в разные концы страны, помог некоторым из них, павшим было духом от жизненных передряг, найти достойное место в сегодняшней стройке.

Но вернемся к Матевосяну. Он представлялся мне почему-то человеком усталым, болезненным, отошедшим от боевых дел. Жизнь перечеркнула схематичное представление.

...В номере гостиницы ЦДСА ко мне выбежали навстречу две маленькие черноволосые девочки. Оказалось, что это дочери Самвела Минасовича — Каринэ и Тируи, у которой есть еще и русское имя — Анночка. Он после войны женился, теперь у него дружная семья.

Я увидел уже немолодого, но полного жизненной энергии приземистого смуглого крепыша. Седые виски подчеркивали густую черноту его шевелюры.

— Меня многие спрашивают, как я здоровье сберег. Ни при каких обстоятельствах не считал себя побежденным, еще спортом всегда занимался — вот и все.

Война оставила пять жестоких отметин на теле Матевосяна. Первый раз зацепило 22 июня. Потом второе, уже тяжелое ранение вырвало его из боевых рядов защитников крепости, обессиленного отдало в лапы врага. Но из плена он бежал к партизанам. В лесах Белоруссии в стычке с оккупантами в третий раз пролилась горячая кровь комсомольца. С весны 1944 года он снова в армии. Я читал документ о четвертом и пятом ранениях Матевосяна — под городом Дружкополь на Львовском направлении («был ранен в начале дня, а с поля боя ушел в конце дня») и в апрельские дни 1945-го на Шпрее, где в рядах гвардейской роты он штурмовал последние опорные пункты гитлеровцев.

— Отремонтировали в госпиталях,— сказал Матевосян.— Силы еще есть. Работаем в горах. Три тысячи метров высоты. Геологоразведочная экспедиция... Зимою закрываются все дороги, снежные бури свирепствуют. Там как раз и нужны такие головорезы, как я,— пошутил горный инженер.— Ищем редкие металлы. Впервые стали проводить зимовки в высокогорных районах. Нелегко, конечно. Как-то понадобилось в буран пробиться к поселку. Снег, ветер в лицо. Волков отгоняли выстрелами из ракетницы. Семь километров дороги двигались одиннадцать с половиной часов. Эх,— переходит он вдруг на другое,— комиссара нашего вспомнил, товарища Фомина Ефима Моисеевича, как мы с ним беседовали в крепости!.. Чистейшей души был человек. А вы его сына видели? Юра Фомин. Окончил школу с золотой медалью, окончил институт, работает. Мне повезло, товарищ. Мне хорошие люди в жизни встречались, настоящие...

Он порылся в пачке бумаг на столе и протянул пожелтевший конверт. В конверте лежало письмо к Матевосяну, датированное апрелем 1948 года. Писала старая большевичка, одна из тех, кто прошел через царские тюрьмы, ссылки и до конца дней своих сохранил неистребимую душевную бодрость и веру в победу коммунистической идеи. Матевосян познакомился с ней еще в довоенные, студенческие дни. Старая большевичка проводила беседы в их студенческом общежитии. С фронта он писал ей в Москву и всегда получал ответы. А вот это письмо она прислала ему незадолго до своей смерти.

«Очень рада, что вы на интересной работе — по разведке хромпика,— этому делу принадлежит будущее. И в настоящее время это нам нужно, как хлеб. Наши земные богатства обеспечат нашу Родину продуктами для передовой техники и химии...»

— Будущее...— повторяет Матевосян.— Больше думать о будущем... Разве не к этому обязывает память об ушедших, погибших?

Заглядывают в номер друзья-однополчане.

— Знакомьтесь. Петр Сергеевич Клыпа. Ему четырнадцать лет тогда было, а воевал лучше многих кадровых. Слесарь шестого разряда. Он еще и на токарном станке умеет. Вот только беда: тридцать лет, а образование шесть классов — так у него жизнь сложилась, что было не до учения.

— Я в вечернюю школу подал,— говорит Клыпа.— И в самодеятельность записался. На трубе играю...

Скромная, самоотверженная медицинская сестра; неутомимый разведчик горных богатств; бывший юный защитник крепости, ставший токарем и учеником вечерней школы. И десятки других героев сегодняшних будней, людей, в которых сохраняется фронтовой накал великого времени,— живое олицетворение нашего богатырского советского народа. Не есть ли самая замечательная черта этих людей, что они сами не считают себя героями, а думают лишь о том, как помочь Родине в самых трудных ее делах!

Здесь отдыхают всей семьей

Пляж для маленьких.

Подходил очередной отпуск, и Галине Васильевне Сальниковой предложили путевку на курорт.

— С кем же я ребят оставлю? Дома отдохну...

А каков отдых дома — известно каждой женщине. Те же заботы, домашние дела: надо и обед приготовить, и постирать, и пошить... Оглянуться не успеешь — отпуск кончился, завтра на работу.

— Поезжайте-ка вы с вашим сыном в «Моховые горы»,— сказали Галине Васильевне в завкоме Горьковского нефтемаслозавода, на котором она работает уже двадцать пять лет.— А ваших дочерей мы отправим в пионерский лагерь.

И Галина Васильевна Сальникова поехала с четырехлетним Федей в дом отдыха «Моховые горы», который расположен на левом волжском берегу, близ города Горького. Вот уже пять лет здесь существует отделение матери и ребенка, в котором каждое лето отдыхает более пятисот родителей с детьми.

Вместе с Галиной Васильевной на пристани «Моховые горы» сошли конструктор Виктор Александрович Баклеев с пятилетней Ниной и инженер Валентина Николаевна Шелехова с дочерью Таней.

...В старом сосновом бору, где воздух прозрачен и душист, на высоких холмах стоят дачи с большими верандами и балконами. Возле двух из них — яркие грибки, песочницы, качели, спортивные снаряды. Это — ребячье царство: одна дача для самых маленьких отдыхающих, от трех до семи лет; другая, с красным флагом,— пионерская.

На соседнем холме, над самой Волгой, в домике живут матери. Между холмами — низина, заросшая высокой сочной травой и цветами; в ней малыши любят играть в прятки. Здесь же — вытоптанная тропка, которую шутя называют «материнской тропой». По ней, особенно в первые дни, часто бегают беспокойные родители к ребячьим дачам. Ведь надо же увидеть собственными глазами, не скучает ли Женечка, что там делает Наташа, не дрался ли сегодня Вова...

— Не дрался, даже помог застегнуть Мише лифчик...

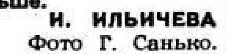
— Совсем не скучает, все время качается на качелях и отлично себя чувствует,— успокаивает воспитательница Тамара Сергеевна Шутова.

Родители могут здесь спокойно отдыхать. Они катаются на лодках, ходят на концерты и в кино, купаются, но, к сожалению, не в Волге, а отправляются за три километра на лесные озера, так как река загрязнена. И с возмущением говорят о том, что горьковские руководители все еще не прислушиваются к ежегодным жалобам отдыхающих: близлежащие заводы продолжают загрязнять Волгу.

Малыши еще не задумываются над такими проблемами. Купаться в Волге им все равно не разрешают, а на детском пляже ребятам все нравится.

А про старших ребят-школьников и говорить нечего! У них походы к красивому голубому озеру, спортивные занятия на стадионе, сбор гербариев, экскурсии на стекольный завод и в Горький, шахматные и шашечные турниры.

Отделения матери и ребенка открыты в двадцати домах отдыха — под Воронежем, Ивановом, возле Челябинска, Курска, Ленинграда, Москвы, в Прибалтике и на юге. Конечно, этого недостаточно, и надо надеяться, что скоро их станет больше.

И. ИЛЬИЧЕВА

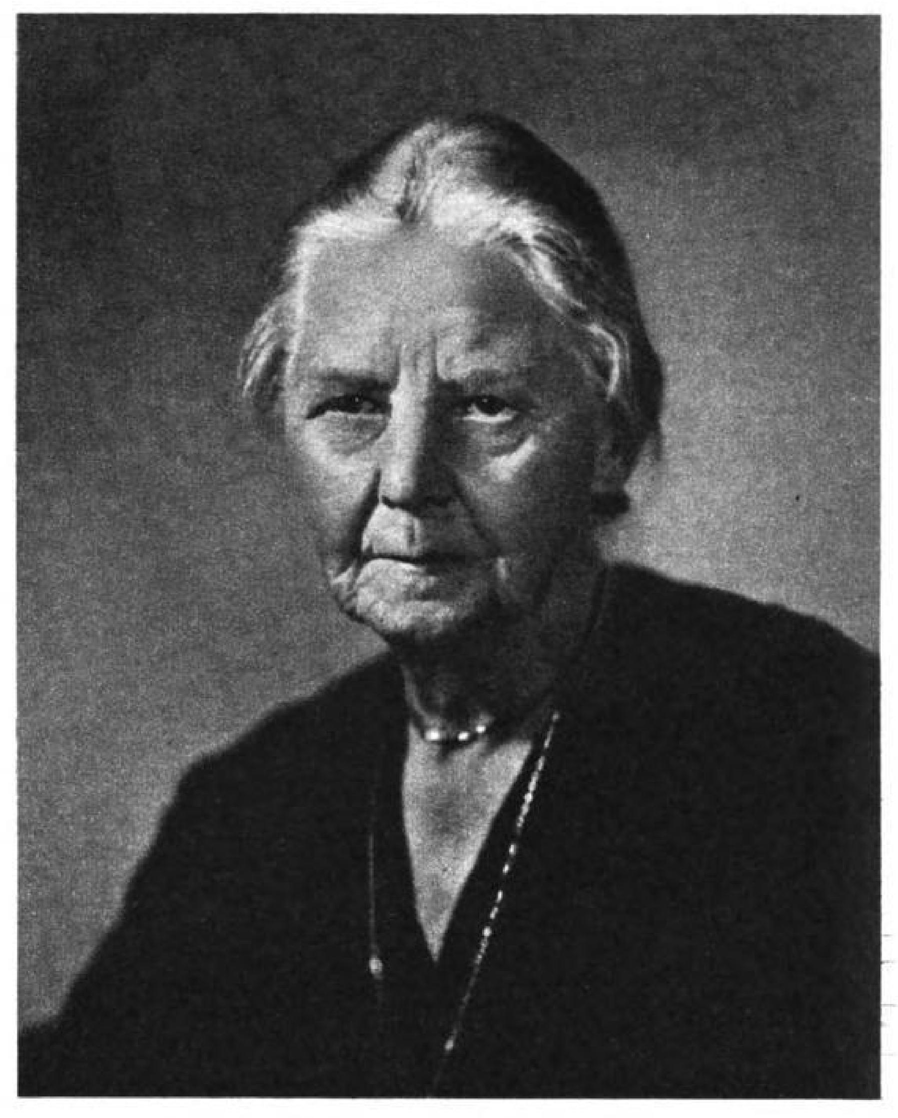
Фото Г. Санько.

В дом отдыха «Моховые горы» приехали конструктор В. Баклеев с пятилетней Ниной и инженер В. Шелехова с дочерью Таней.

Пакет из НЬЮ-ЙОРКА

Э. Л. Войнич рассказывает о себе

Э. Л. Войнич. Нью-Йорк, ноябрь 1944 года.

«Я очень счастлива»

После долгого и нетерпеливого ожидания мы наконец получили письмо от Э. Л. Войнич. Оно было написано 11 мая 1956 года, почтовый штемпель Нью-Йорка датирован 12 мая, а 20 мая письмо было уже в Москве.

Тонкие и плотные листки бумаги. Начало написано по-русски: «Извините, пожалуйста, что я так долго не ответила на ваши письма» — и дальше по-английски:

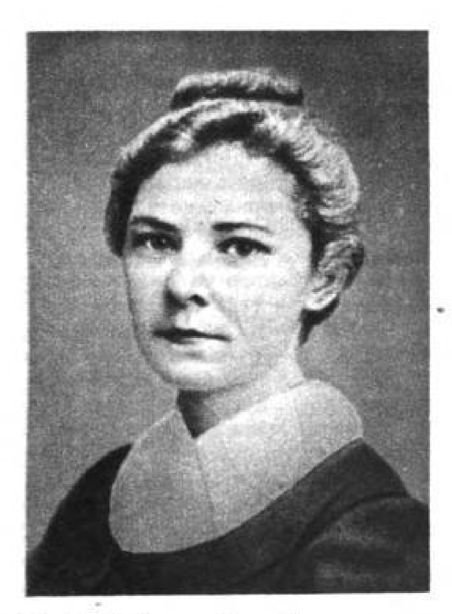
Сегодня день моего рождения, мне исполнилось 92 года. Я очень счастлива, потому что я получила ваше поздравительное письмо и поздравительные телеграммы от коллектива сотрудников «Огонька», а также от комитета комсомола. Итак, вы видите, это был настоящий русский день рождения.

Да, этот год, 92-й, был весьма знаменательным для писательницы: в этом году она узнала о своей популярности в СССР, о миллионных тиражах, которыми издается ее книга, о благодарной любви миллионов читателей.

В день своего рождения она не могла не думать о России. «Это был настоящий русский день рождения»...

В этом же конверте было очень теплое и любезное письмо ее друга. Госпожа Анна Нил извещала, что посылает нам различные материалы.

Об Э. Л. Войнич рассказал нам и сотрудник ООН П. Борисов, приехавший из США в Москву. Э. Л. Войнич, несмотря на свой возраст, работает до сих пор: она крупный специалист по антикварной книге. Ежедневно 3—4 часа она проводит за письменным столом, много читает, занимается музыкой.

Э. Л. Войнич. Петербург, январь 1888 года.

«Посмотреть своими глазами»

Конечно, нас прежде всего интересовали документы об отношении Э. Л. Войнич к России.

Вот перевод страничек, озаглавленных: «Э. Л. Войнич в России (1887—89)».

Убийство Александра II в марте 1881 года, когда мне не исполнилось еще 17 лет, произвело на меня огромное впечатление. Конечно, это событие вызвало большое возбуждение в английской печати.

В следующем, 1882 году я приехала в Берлин, где провела три года (1882—1885); я была студенткой Королевской консерватории по классу фортепиано. После получения диплома я уехала из Берлина на каникулы в Шварцвальд и Люцерн, оттуда проехала в Париж, где провела несколько месяцев (около года?)...

В это время я все более серьезно стала задумываться о поездке в Россию, но окончательно решилась на это только после возвращения в Англию. Я до сих пор помню, как однажды просидела целую ночь без сна, отчаянно борясь с собой, стараясь уйти от необходимости поехать в Россию и в то же время чувствуя необходимость ехать. Нужно сказать, что перед отъездом в Берлин я получила наследство, которого хватило на расходы по моему музыкальному образованию, на каникулы и пребывание в Париже, и от этого наследства еще оставалась достаточная сумма, чтобы оплатить проезд в Россию и обратно. На жизнь в России я предполагала зарабатывать уроками.

В конце концов я решила все-таки ехать в Россию, и прежде всего мне надо было заручиться рекомендациями к кому-либо из русских. Через Хедоновых... (дальние родственники Э. Л. Войнич.— **Е. Т.**), которые содержали женскую школу, я получила письмо, рекомендующее меня как учительницу английского языка и музыки госпоже Веневитиновой (Петербург) — богатой вдове и матери нескольких детей.

Я обратилась к г-же Шарлотте Вильсон, издателю «Свободы», другу и товарищу князя Петра Кропоткина, с просьбой представить меня кому-либо из русских эмигрантов в Лондоне, которые могли бы дать мне рекомендации к русским товарищам.

Я объяснила ей, что я хотела поехать в Россию, чтобы посмотреть своими глазами, действительно ли условия там были так плохи, как представляли эмигранты. Она предложила познакомить меня с Кропоткиным и Степняком.

«Если вы знаете Степняка,— сказала я,— я бы хотела задать ему несколько вопросов о его книге». Кроме того, мне было более удобно иметь рекомендацию к Степняку, потому что он в это время жил недалеко от меня, тогда как Кропоткин жил под Лондоном (я познакомилась с Кропоткиным только после моего возвращения из России).

Со Степняком мы сразу стали друзьями; он и его жена давали мне уроки русского языка. Из его первого письма ко мне (22.XII. 1886) видно, что я, должно быть, встретилась с ним через несколько дней после этой даты.

Старые письма

Вот это письмо: «Дорогая мисс Буль. Я очень буду рад познакомиться с вами и быть вам полезным. Ближайший четверг вполне меня устраивает. Госпожа Вильсон полагает, что во второй половине дня для вас удобнее всего, и я буду ждать вас около 4 часов пополудни.

Искренне ваш

Степняк.

P. S. Ближайшая станция — «Сент-Джон Вуд Род» — 5 минут, от Бекер-Стрит — 12 минут».

Так началась знаменательная дружба молоденькой англичанки с русским революционером.

О настроении Лили Буль (девичья фамилия Э. Л. Войнич) в те дни мы узнаем из ее письма, адресованного ее подруге Ирэне Гейл. Оно было написано 23 февраля 1887 года, за полтора месяца до отъезда Лили Буль в Россию. В 1945 году Ирэна Гейл, перечитывая старые письма, нашла его и принесла Э. Л. Войнич. Таким образом, через 58 лет оно вернулось к своему автору. Э. Л. Войнич пишет, это письмо — единственный документ, свидетельствующий о ее настроениях тех времен.

Лондон, 23 февраля 1887

Дорогая Ирэна.

Если я не ошибаюсь, вы через несколько дней уезжаете из Парижа. Когда вы приедете в Америку, сообщите мне свой адрес,— я хочу написать вам из Петербурга. Я надеюсь, что там, в вашей новой жизни, у вас все пойдет по прямой, если вы прямо возьметесь за дело.

Что касается меня, то моя новая жизнь начнется по-настоящему через несколько недель. На Пасхе, вероятно, я уже покину лондонские туманы, и физические и нравственные, и пущусь в море еще большее, чем Атлантика, и «полное глухих громыханий», как говорит Виктор Гюго. А что если будут бури?

Ну что же, до сих пор история моей сестры развивается таким образом: 13-го у нее родился ребенок, еще один мальчик. Муж сестры принял назначение в Японию и уедет, вероятно, на ближайшей неделе, а осенью Мэри с детьми присоединится к нему.

Похоже на то, что все куда-то отправляются. Конечно, так и должно быть: наш прямой долг — идти нашим отдельным путем и строить свою собственную жизнь (или исправлять ее, как в моем случае), но это очень трудно для Лулу, которая одна осталась с матерью, особенно принимая во внимание нынешнее состояние матери. Я очень хотела, чтобы Лулу поехала со мной в Россию, но, конечно, об этом не может быть и речи.

Я только что начала читать русскую поэму, которая, мне кажется, была бы интересна для вас. Она называется «Демон», и это на ее основе Рубинштейн создал свою оперу «Демон»... Это по-

настоящему поразительная и глубоко русская поэма.

Я не могу передать вам, с какой добротой отнеслись ко мне русские недавно. После трех лет общения с берлинцами это было подобно солнечному лучу после тумана.

Очень я огорчена вашими печальными вестями о ваших семейных делах. Разрыв с родными — это ужасная вещь. И все же иногда это единственный выход.

Надеюсь, вашей матери теперь лучше. Помните ли вы, какой безнадежностью и пессимизмом вы были проникнуты в минувшие дни?

Но теперь мне кажется, что в значительной степени все дело было в болезненном восприятии событий. В последнее время у меня было гораздо больше неприятностей, чем в те дни, но мне они не кажутся такими безнадежными, потому что я чувствую себя крепче и не боюсь.

До свидания, дитя мое, и не забывайте всегда остающуюся

вашим истинным другом

Этель.

Помните ли вы ту книгу Уота Уитмена, которую мистер Гейл подарил мне в Штутгарте? Я часто перечитываю некоторые стихотворения, и мне они все больше и больше нравятся, особенно вот это:

«Что? этот дом заколочен?
хозяин куда-то исчез?
Ничего, приготовьтесь для
встречи, ждите его
неустанно,
Он скоро вернется, вот уже
идут его вестники» [1].

Я в это верю.

Э. Л. Войнич цитирует концовку стихотворения У. Уитмена «Европа», в которой идет речь о грядущей свободе, а ее слова «Я в это верю» перекликаются с другой строкой этого же стихотворения: «Свобода! пусть другие не верят в тебя, но я верю в тебя до конца!».

Вот в каком настроении собиралась она в Россию.

В примечаниях к этому письму Э. Л. Войнич рассказывает, что с Ирэной она познакомилась в 1883 году, а с Филиппом Гейлом, будущим мужем Ирэны,— в 1885 году, когда он учился музыке в Париже; впоследствии он стал известным музыкальным критиком.

Мэри и Лулу (Люси) — сестры Э. Л. Войнич.

Э. Л. Войнич пишет, что, упоминая о доброте русских, которая была для нее подобна солнечному лучу, она имела в виду Степняка.

Э. Л. Войнич в России

Степняк или его жена дали мне рекомендацию к ее сестре Паше (Прасковье) Карауловой в Петербурге; муж ее в это время отбывал одиночное заключение в Шлиссельбургской крепости за издание нелегальной литературы.

10 апреля 1887 года я была уже в Париже по пути в Петербург. Я остановилась на несколько дней в Варшаве (см. заметки о моем муже) и прибыла в Петербург, насколько я помню, во время русской пасхальной недели. Во всяком случае, это было в апреле.

Я не помню, кто встречал меня на вокзале в Петербурге, куда я прибыла, чувствуя себя очень испуганной, заброшенной и тоской по родине. Однако вскоре после этого я устроилась на время каникул в донском имении Веневитиновых в Воронежской губернии, недалеко от Воронежа. В мои обязанности входило давать детям английские уроки и играть на пианино по вечерам, когда бывали гости. О детях Веневитинова я помню главным образом, что крестным отцом одного из них был царь и что мы терпеть не могли друг друга. Я подружилась с одной старушкой, служанкой в доме, с которой я могла беседовать, так как она немного говорила по-немецки, а мое знание разговорного русского языка в то время было еще невелико.

На обратном пути в Петербург, помню, ехала я одна в простой телеге. Я останавливалась в помещичьем доме, расположенном недалеко от Костромы, приблизительно в 50 милях от Волги. Я была приглашена туда смотреть солнечное затмение, которое произошло 19 августа 1887 года. Увы, в этот день шел дождь.

Тогда же я совершила поездку на пароходе по Волге от Твери (кажется) до Нижнего Новгорода. В Нижнем Новгороде кто-то — имени я не помню — нанял для меня комнату в гостинице и проводил меня на знаменитую ярмарку. Интерес, который я всю жизнь питаю к славянским народным песням, начался с этого путешествия по Волге. По дороге в Петербург я остановилась приблизительно на две недели в Москве, но мало видела город, так как почти все это время была больна.

Вернувшись в Петербург, я поселилась вместе с Пашей Карауловой и ее маленьким сыном Сережей в районе Песков. Следующее лето Паша, ребенок и я провели в доме родителей Василия Караулова в Псковской губернии, недалеко от Великих Лук, которые в те дни были сонным захолустным городишком, в ста милях от ближайшей железной дороги. (Семейство Карауловых описано в моем романе «Оливия Латам».)

Таковы были мои путешествия по России, куда я больше не возвращалась [2].

Когда муж Карауловой был сослан в Сибирь (его я вообще никогда не видала: он был в тюрьме все время, что я жила в России), я проводила Караулову с сыном в Сибирь, после того как отправился поезд с арестантским вагоном, немедленно уехала из Петербурга в Англию. Это было в июне или июле 1889 года.

В этом рассказе, из которого мы наконец узнали, как и зачем Э. Л. Войнич ездила в Россию, все понятно. Убийство Александра II, совершенное народовольцами 1 марта 1881 года, действительно всколыхнуло общественное мнение всего мира. Однако рассказы русских эмигрантов о тяжком положении русского народа казались преувеличенными и невероятными. В то время не одна Лили Буль сомневалась в этих рассказах и хотела «посмотреть своими глазами», неужели на самом деле условия жизни в России были так ужасны, как их представляли эмигранты.

Лили Буль не была в Сибири, но того, что она видела в Петербурге и в других русских городах и селах, было достаточно...

В России она сблизилась с сестрой жены Степняка — Прасковьей Личкус (ок. 1859—1902), бывшей замужем за народовольцем В. А. Карауловым (1854—1910), который впоследствии стал ренегатом и активно действовал в рядах кадетской партии. В. И. Ленин заклеймил его предательскую роль в своей статье «Карьера русского террориста». Его самого Лили Буль никогда не видала: он был арестован в 1884 году, приговорен к четырем годам каторги, которую отбывал в Шлиссельбургской крепости, а потом отправлен в Восточную Сибирь. Перед отправкой он некоторое время содержался в доме предварительного заключения на Шпалерной улице, куда Лили Буль и носила ему передачи.

В. А. Караулов был отправлен в Сибирь 17 мая 1889 года. За ним последовала его жена, а Лили Буль с Сашей — младшей сестрой Карауловой — уехала в Англию. В Англию они приехали 4 июня 1889 года.

Что касается богатой вдовы, в имении которой учительствовала летом 1887 года Лили Буль, то, как нам удалось установить с помощью Т. Г. Цявловской, это была Эмилия Ивановна Веневитинова. Ее муж В. А. Веневитинов, племянник поэта Д. В. Веневитинова, был церемониймейстером императорского двора. Умер он в 1885 году, оставив семерых детей—двух сыновей и пятерых дочерей. Очевидно, молодая англичанка, интересующаяся социальными проблемами, и избалованные дети одного из царских сановников не могли найти общего языка. Недаром Э. Л. Войнич так красноречиво и кратко сообщает: «Мы терпеть не могли друг друга».

Щедрин и его похороны

На отдельном листочке Э. Л. Войнич рассказывает об одном из эпизодов ее пребывания в России.

Я присутствовала на похоронах Щедрина, чьим творчеством я всегда восхищалась. Это была единственная политическая демонстрация в России, в которой я принимала участие.

Полиция старалась предотвратить демонстрацию, которую организовали студенты, преклонявшиеся перед Щедриным, и всем, кто был похож на студента или нес цветы, полицейские говорили, что похоронная процессия движется совсем не по тому пути, по которому она шла на самом деле. Я была среди тех, кто пошел к самому дому Щедрина, и поэтому попала на правильную дорогу.

По пути к кладбищу, так как я была далеко от гроба, один из шедших впереди меня взял мои цветы, букетик примул, прошептав: «Дайте их мне». Эти цветы затем переходили из рук в руки со многими другими цветами, пока не достигли гроба, на который их и положили.

Когда мы прибыли на кладбище, один писатель, имени которого я не запомнила, громко прочитал у гроба сказку Щедрина «Пропала совесть». Его тут же арестовали. Я стояла возле самого гроба и видела, как это произошло.

Похороны Щедрина произвели исключительное впечатление благодаря тому, что его участники твердо решили не дать сорвать демонстрацию.

В «Оливии Латам» я использовала рассказ о торжествующей свинье из «За рубежом» Щедрина. Мне всегда хотелось перевести его замечательную «Историю одного города», но у меня как-то никогда не хватало для этого времени.

М. Е. Салтыков-Щедрин умер 10 мая 1889 года. Хоронили его на литературных мостках Волкова кладбища, возле могилы И. С. Тургенева. Э. Л. Войнич верно передает настроения тогдашней молодежи. Пользуясь указаниями С. А. Макашина, можем только уточнить, что задержан на похоронах был не писатель, а студент С. А. Захарьин, прочитавший стихотворение, посвященное памяти Щедрина. А о сказке «Пропала совесть» упомянул другой из выступавших — публицист К. К. Арсеньев.

Добавим, что Э. Л. Войнич перевела на английский язык несколько произведений М. Е. Салтыкова-Щедрина: «Орел-меценат», «Самоотверженный заяц», отрывок из «Помпадуров и помпадурш», а также полюбившуюся ей с тех пор сказку «Пропала совесть». Следы этой сказки обнаруживаются и в «Оливии Латам».

«Вы должны попробовать свои силы»

Вернувшись из России, Лили Буль чувствовала себя совсем разбитой и больной и вместе с сестрами Алисой и Мэгги уехала за город. «В течение всей моей жизни при всех трудностях и горестях я всегда обращалась к природе за помощью и утешением»,— пишет Э. Л. Войнич.

Сестры поселились в простой деревенской гостинице в Кэмберленде, куда их пригласил старый друг семьи Буль, один из владельцев соляных заводов в Чешире, Джон Фальк. Он нередко давал Лили Буль деньги для русских политических эмигрантов, которые испытывали денежные затруднения. Один из его чеков Лили послала Степняку, сильно нуждавшемуся в то время. Она часто писала ему тогда. У нее сохранилось одно письмо Степняка, полученное в те дни. Степняк писал ей уже по-русски, и не «Дорогая мисс Буль», а «Милая Лили».

Когда советские журналисты были у Э. Л. Войнич в гостях, она им показывала это письмо, и они выписали из него несколько строк. Теперь мы получили его фотокопию и можем прочесть его целиком.

13 Grove Gardens N. W.
22 Aug. 1889

Милая Лили.

Получил сегодня Ваш чек, за который благодарен Вам чрезвычайно. Передайте мою благодарность м-ру Фальку тоже. Пришло все как раз во-время.

Ах, Лили, если б Вы знали, как мне Ваши описания природы нравятся. Положительно Вы должны попробовать свои силы на писательстве. Кто может двумя — тремя строчками, иногда — словами схватить и передать характер природы, тот должен уметь, или по крайней мере может уметь, схватывать так же рельефно и вразумительно характер человека и явления жизни — **если только он достаточно долго и внимательно наблюдал их** (что несравненно труднее, конечно, чем наблюдение природы). Об этом мы поговорим, когда приедете. Что же до той местности, которую Вы специально описываете, то у меня явилось желание, когда я буду писать свой третий роман (теперь пишу второй, маленький), съездить туда и пожить неделю, другую. Первая сцена этого романа открывается в Англии, и я думаю взять именно этот уголок — если

Автограф письма С. М. Степняка-Кравчинского к Э. Л. Войнич, 22 августа 1889 года.

[1] Перевод К. И. Чуковского.

[2] После моего замужества я ездила в Лемберг (так в то время назывался Львов.— Е. Т.), Варшаву и Краков навестить мать моего мужа (его отец умер рано) и деревушку Войнич в отрогах Карпатских гор, которая когда-то принадлежала предкам моего мужа; сам он родился в Ковно (примечание Э. Л. Войнич).

Вы позволите воспользоваться Вашим открытием.

Спешу окончить, чтоб поспеть сегодня отправить. Кланяюсь Люси.

Ваш Сергей.

Саша кланяется. Линев был и тоже кланяется паки. Когда приедете, я расскажу Вам, как он про Люси говорил. Вообще мне кажется, что ей для излечения от ее болезненной скромности полезно было бы бывать чаще с русскими — пока хотя бы теми, что в Лондоне. А если это не поможет, так прописать ей поездку в Россию.

До свидания еще раз.

С.

К этому письму Степняка Э. Л. Войнич написала подробные примечания. Прежде всего ей кажется, что похвалы ее описаниям природы сильно преувеличены и вызваны просто тем, что Степняк хотел подбодрить Лили Буль в период тяжелого нервного потрясения, которое она испытывала, вернувшись из России.

Затем она рассказывает о Джоне Фальке, о том, как он помог Прасковье Карауловой, когда та с ребенком очутилась в Сибири, последовав за мужем в ссылку. Она была врачом и, чтоб прокормить себя и ребенка и помочь мужу, хотела работать, но у нее не было никаких медицинских и хирургических инструментов и не было средств приобрести их. Джон Фальк послал ей полный набор необходимых инструментов.

Саша — это сестра жены Степняка и Прасковьи Карауловой. Она в то время жила в Англии у Степняка.

Особенно интересен рассказ Э. Л. Войнич о Линеве. Она пишет:

Линев. Русский эмигрант, тогда холостяк, с которым я очень подружилась после моего возвращения из России. В Англии он женился на русской певице, исполнительнице народных песен. После женитьбы они вернулись в Россию, где она приобрела большую известность своими концертами и изданиями народных песен. Однажды я пела в хоре, с которым она выступала в Лондоне. Хотя я всегда любила народные песни, особенно я заинтересовалась ими во время поездки по Волге и после знакомства с женой Линева.

И письмо Степняка и примечания Э. Л. Войнич к нему необычайно интересны. Конечно, его похвалы не были пустыми комплиментами. Мы знаем, что он не ошибся: Э. Л. Войнич, действительно, умеет схватить и передать характер человека двумя — тремя словами.

В этом письме мы имеем одно из немногих известных нам высказываний Степняка о своем творчестве и о писательском мастерстве. Слова о необходимости внимательных и долгих наблюдений как непременном условии верного изображения событий и характеров подчеркнуты им самим. Второй, «маленький», роман, о котором он упоминает,— это «Домик на Волге» (первый — «Андрей Кожухов»). Что касается третьего романа, действие которого начинается в Англии, он нам неизвестен, очевидно, Степняк не успел его написать.

Из примечаний Э. Л. Войнич особенно интересен ее рассказ о Линевых. Во-первых, мы узнаем, что она сама выступала в хоре, о чем раньше у нас не было никаких сведений.

Во-вторых, мы узнаем, с какими интересными людьми она дружила. Друг Степняка, Александр Логинович Линев, русский революционер, народник, был лично знаком с Марксом. Он был крупным инженером, изобретателем. Вернувшись на родину после вынужденной эмиграции, А. Л. Линев был одним из строителей первого трамвая в Москве.

Евгения Эдуардовна Паприц (1853—1919), ставшая его женой, была незаурядным человеком. Одаренная певица, она с успехом выступала в Вене, Париже, Будапеште. Но, помимо этого, она принимала деятельное участие в нелегальном московском «Обществе переводчиков и издателей» (1882—1884), выпустившем переводы на русский язык нескольких произведений Маркса и Энгельса. Сохранилась ее переписка с Энгельсом. Во время эмиграции мужа (1890—1896) она была с ним за границей и использовала это время для пропаганды русской музыки. Она организовала хор и давала концерты в Англии и Америке, которые пользовались огромным успехом. Вернувшись в Россию, Е. Э. Линева посвятила себя собиранию и пропаганде русской народной песни. В. В. Стасов высоко ценил ее работу. Воспоминания современников рисуют нам чрезвычайно привлекательный образ Е. Э. Линевой — представительницы передовой русской интеллигенции. (Читатели могут найти о ней много интересного в книге Е. Канн-Новиковой «Евгения Линева», вышедшей в 1952 году.)

Встреча с Михаилом Войничем

Мы уже сообщали[1], что муж писательницы Михаил Вильфрид Войнич (1865—1930) был активным деятелем польской революционной партии «Пролетариат». Арестованный в 1885 году, он после полутора лет заключения в Александровской цитадели в Варшаве «по высочайшему повелению от 30 апреля 1887 года», то есть без суда, был выслан в Восточную Сибирь. Там он познакомился с Прасковьей Карауловой, и она дала ему адрес Степняка в Лондоне, так как он хотел бежать, а за границей у него знакомых не было. Летом 1890 года он бежал из Иркутска.

Вот что рассказывает Э. Л. Войнич о своей встрече с ним:

Бежав из Сибири в 1890 году, он наконец достиг Гамбурга, не имея никаких средств. В это время между Германией и царским правительством был договор о выдаче преступников. Поэтому Войнич скрывался в доках, прячась в штабелях досок. Питался он лишь скудными крохами, которые ему удавалось достать, ожидая, пока одно небольшое судно, груженное фруктами, будет готово отплыть в Лондон. Продав все, что у него еще оставалось, включая жилет и очки, он едва набрал денег, чтобы оплатить билет третьего класса, купить селедку и немного хлеба.

После долгого и бурного плавания, во время которого судно было отнесено к скандинавскому берегу и потеряло свой груз, он наконец прибыл к лондонским докам без копейки денег, кишащий паразитами, полуодетый, голодный.

Это было вечером 5 октября 1890 года.

Не зная английского языка, он шел по Торговой улице, протягивая прохожим клочок бумаги с единственным лондонским адресом, который у него был,— адресом Степняка. Наконец к нему подошел студент-еврей, который подрабатывал на табачной фабрике в трущобе, где ютились иностранцы, неподалеку от доков, и спросил по-русски: «Вы имеете вид политического. Вы из Сибири?»

Этот студент и проводил его к дому Степняка.

Как раз в этот вечер Степняк ожидал другого эмигранта, и его жена, сестра жены, я и (кажется) Феликс Волховский — все были там, когда прибыл незнакомец из доков.

— Вот еще один! — сказал Степняк, объясняя нам, что это не тот эмигрант, которого мы ждали.

Позднее, вечером, когда Войнич помылся и переоделся в чистое, чужое и нескладно сидевшее на нем платье, он обернулся ко мне и спросил по-русски:

— Не мог ли я видеть вас раньше? Вы не были в Варшаве на Пасху в 1887 году?

— Да,— ответила я.— Я направлялась в Петербург.

— Вы стояли в сквере и глядели на цитадель?

Когда я снова ответила «да», он сказал мне, что он был узником этой самой цитадели. В тот день он смотрел в окно и видел меня. Вскоре после этого его отправили в сибирскую ссылку.

К этому драматическому рассказу можно добавить, что Войнич очень подружился с Лили Буль, и в 1892 году они поженились.

В Лондоне Михаил Вильфрид Войнич стал ближайшим сотрудником Степняка, вместе с ним был одним из организаторов фонда Вольной Русской Прессы. О дальнейшем его жизненном пути нам известно очень мало; мы знаем только, что он занимался розысками и торговлей старинными книгами.

«...И композитор»

В английском справочнике «Кто есть кто» об Э. Л. Войнич указывается, что она «романист и композитор» и что она сочинила много песен. До сих пор мы ничего не знали о ее музыкальном творчестве.

По инициативе Анны Нил писательница прислала нам несколько своих музыкальных произведений.

Прежде всего обращает внимание кантата на слова русского поэта М. А. Дмитриева «Подводный город» (Э. Л. Войнич ошибочно приписала это стихотворение поэту А. С. Хомякову). В начале стихотворения описывается стонущее море. На вопрос мальчика, почему море так стонет, старый рыбак отвечает, что здесь когда-то был богатый город, но воды затопили его.

Все за то, что прочих братий
Брат богатый позабыл.
Ни молитв их, ни проклятий
Он не слушал — ел да пил.

Перевод на английский язык этого стихотворения сделан с соблюдением размера оригинала, так что кантату можно исполнять и на английском и на русском языках.

Э. Л. Войнич сообщает, что впервые она прочитала это стихотворение очень давно, перевела и положила его на музыку много лет спустя. П. Борисов рассказывает, что Э. Л. Войнич помнит это стихотворение до сих пор наизусть и не раз читала его вслух по-русски.

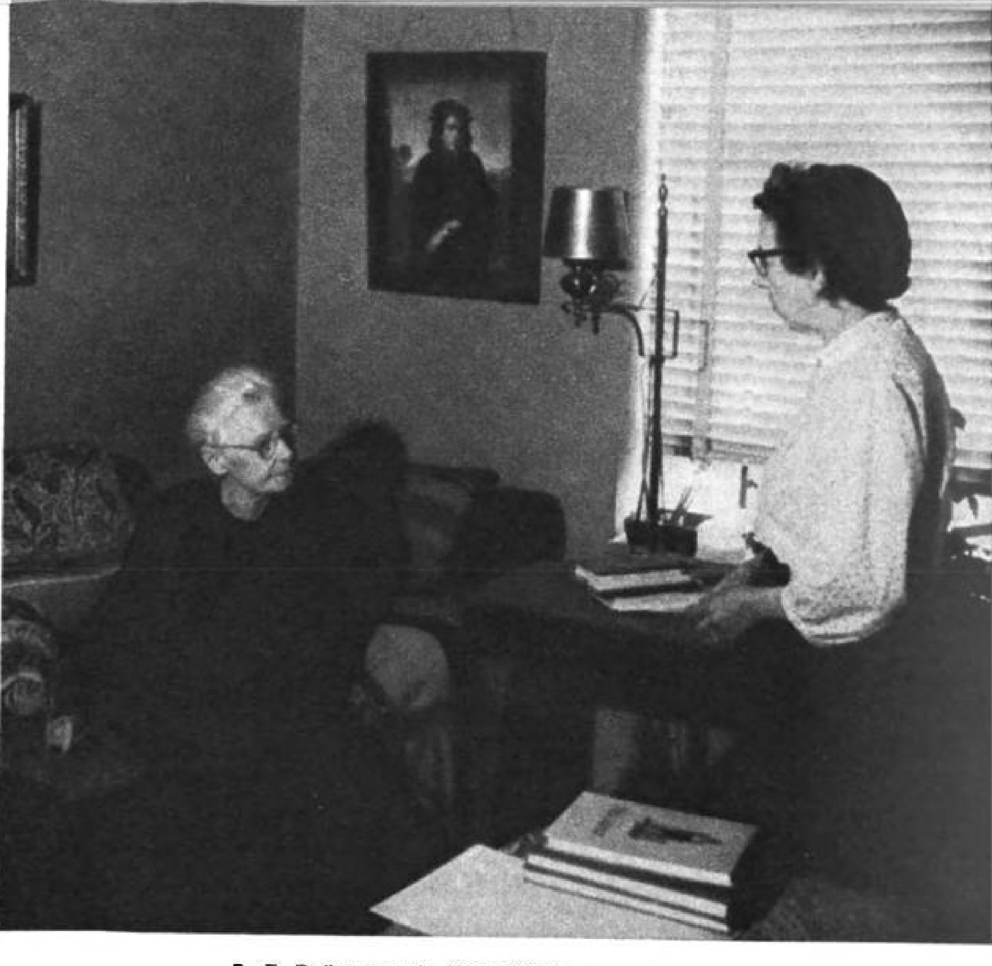
Наибольшей по объему является оратория «Вавилон», написанная для смешанного хора и оркестра. Эту ораторию Э. Л. Войнич посвятила свержению самодержавия в России.

Третье из присланных музыкальных произведений Э. Л. Войнич — кантата на слова средневекового французского поэта Франсуа Вийона «Эпитафия в форме баллады». Эта «Эпитафия» была написана поэтом в ожидании казни, к которой были приговорены он и его пятеро товарищей. В последнюю минуту поэт был помилован. «Эпитафия» переведена на русский язык И. Г. Эренбургом.

Одна пометка на титульном листе партитуры привлекла наше внимание: «Памяти Роджера Дэвида Кезмента, Бриксtонская тюрьма, Лондон. 3 августа 1916».

Р. Д. Кезмент — один из руководителей национально-освободительной борьбы ирландского народа.

Какая целеустремленность, какое единство всего творчества! В литературных произведениях — изображение освободительной борьбы в Италии, России, Польше. В музыкальных — воспевание освободительной борьбы в Ирландии и России.

Э. Л. Войнич и А. Нил. 1956 год.

Живой образ

Но ни с чем не сравнится наше впечатление, когда мы увидели живую Этель Лилиан Войнич. Она ходила по комнате, перелистывала ноты своих музыкальных сочинений, читала «Огонек» и смотрела на нас умным пристальным взглядом. В полутьме, на экране возникали перед ней кадры советского фильма «Овод», вился огонь факела...

Мы просмотрели короткий фильм, снятый у нее дома.

Воспроизводим здесь фотографию Э. Л. Войнич, которую она подарила П. Борисову. Снимок сделан в Петербурге, в январе 1888 года...

И если ее друг Степняк шестьдесят с лишним лет тому назад написал молоденькой девушке, просившей его автограф для своего альбома: «Оставайся верной самой себе, и ты никогда не будешь знать угрызений совести, которые составляют единственное несчастье в жизни»,— то теперь Э. Л. Войнич в приветствии советской молодежи пишет о том же самом: «Будьте верны мечтам своей юности».

Именно потому, что она создала образ героя, верного своим убеждениям, именно потому, что всем своим творчеством она говорит о самом важном и дорогом, для нас дороги и важны все детали ее жизни, о которой мы знали раньше так мало и теперь узнали так много благодаря пакету из Нью-Йорка.

Е. ТАРАТУТА

[1] См. «Огонек», № 14, 1955.

Старейшие полярные летчики (слева направо): М. В. Водопьянов, Ян Нагурский, Б. Г. Чухновский.

Фото А. Шевича.

Ян Нагурский в Москве

К зданию Внуковского аэровокзала подрулил двухмоторный самолет польской авиалинии. На трап выходит высокий, стройный человек в светлом пальто — Ян Нагурский. Сняв шляпу, он на мгновение останавливается. На его живом, выразительном лице волнение, радость, вся сложная гамма чувств, таких понятных для человека, который после почти сорокалетнего перерыва вступает на русскую землю — землю своего первого подвига (см. «Огонек» № 26, 1956).

И вот его уже окружают друзья, впервые встреченные им, но давно знакомые, прославленные мужеством и отвагой покорители Арктики. Известные советские полярные летчики Б. Г. Чухновский, М. В. Водопьянов, М. А. Титлов, А. Н. Старов, начальник полярной авиации М. И. Шевелев крепко жмут руки, поздравляют Яна Нагурского и его супругу с прибытием в Москву.

...Застать Яна Иосифовича в гостинице «Москва» очень трудно. Он необычайно подвижен, энергичен и полон желания увидеть как можно больше. В эти дни постоянным спутником Нагурского стал первый советский полярный летчик, Борис Григорьевич Чухновский.

Оказалось, что Чухновский не раз видел Нагурского еще в дореволюционные годы. Учась в реальном училище в Гатчине, Борис Чухновский все свободное время проводил на аэродроме школы военных летчиков. Там он в качестве пассажира совершил свои первые полеты и видел полеты Нагурского. Весной 1917 года мичман Чухновский, курсант школы морских летчиков на Гутуевском острове в Петрограде, снова встретился с Нагурским, тогда уже известным летчиком, посетившим их школу. В 1924 году, спустя десять лет после Нагурского, он первым из советских летчиков летал над Новой Землей. Сидя вдвоем в номере гостиницы, они вспоминают общих знакомых, места, где совершали рискованные полеты.

— А Нестерова помните? — спрашивает Чухновский.

— Еще бы! Ведь мы учились с ним в Гатчине в одной группе, у инструктора Горшкова.

Услышав это, мне захотелось узнать новые подробности о замечательном русском летчике Нестерове, родоначальнике высшего пилотажа.

— Я даже в некоторой степени причастен к его обучению,— рассказывает Ян Иосифович.— Большинство курсантов пришло из школы воздухоплавания, и самолетов они совсем не знали. Я поступил в школу, закончив аэроклуб, чтобы здесь совершенствоваться. Горшков сделал меня своим помощником. Нередко он поручал мне летать с курсантами, в том числе и с Нестеровым. Нестеров был на редкость талантливым летчиком и одним из первых получил право на самостоятельный полет. Весной 1913 года мы с ним окончили школу. В честь выпуска в Гатчине был организован праздник, сборы от которого предназначались в пользу вдов и сирот погибших летчиков. К выступлению в «летном отделении» допустили двух выпускников — Нестерова и меня. Поднявшись в воздух, мы разошлись в разные стороны аэродрома и демонстрировали перед публикой немногочисленные в то время эволюции самолета: виражи, пикирование, спирали.

Разговор снова возвращается к полетам Нагурского на Новой Земле. Оказывается, он сделал их гораздо больше, чем это было известно,— около двадцати. Стремясь освоить сложные условия Арктики, Нагурский летал при всякой возможности, катал моряков с «Печоры» и даже охотился с воздуха на медведей...

Ян Иосифович рассказывает о своем проекте достижения Северного полюса и перелета в Америку, выдвинутом тогда же, в 1914 году. Он предложил на пути от острова Рудольфа к полюсу создать три базы, завезти на каждую по два самолета, горючее, продовольствие. Если бы лететь до Америки, то таких баз должно было быть шесть.

— Как случилось, что вас долгое время считали погибшим?

— В октябре 1916 года я был ранен и сбит в воздушном бою над Рижским заливом. Нас с механиком после двухчасового пребывания в воде подобрала русская подводная лодка. Затем госпиталь, а из части уже ушло донесение о моей гибели. Оно попало и к родителям. Мать вскоре умерла, а бумага, лежавшая в личном деле, видимо, ввела в заблуждение тех, кого интересовала моя судьба.

Вернувшись в Польшу, Нагурский, не желая идти в армию Пилсудского, скрыл, что он офицер, известный русский летчик, и работал инженером на сахарном заводе, зарегистрировавшись в полиции как «нижний чин».

— Сейчас, после статьи обо мне в «Огоньке»,— говорит Нагурский,— я получаю массу писем со всех концов Советского Союза и из стран народной демократии.

...К Нагурскому в гости пришел М. В. Водопьянов, и разговор вернулся к Арктике, полетам, снова начался обмен впечатлениями.

— Я совсем не могу узнать Москвы,— улыбается Нагурский.— Она стала новой и красивейшей в мире столицей. Меня волнует предстоящая встреча с Ленинградом, Одессой, где прошли лучшие годы юности. Среди вас мне так хорошо, я совсем не чувствую себя стариком!

— Нет, нет,— подхватывает Водопьянов,— мы только старейшие, но это же не значит, что мы старики!..

— Мы свидетели невероятного роста авиации, особенно здесь, в Советском Союзе,— говорит Нагурский и продолжает мечтательно: — Поверьте, наступит время, когда люди будут передвигаться на дешевых атомных авиэтках.

Юрий ГАЛЬПЕРИН

Индийские артисты приветствуют зрителей после спектакля.

30 июля в филиале Большого театра СССР состоялся концерт талантливых индийских артистов, прибывших в СССР в составе делегации деятелей культуры и искусства. На концерте присутствовали товарищи Н. А. Булганин, Г. М. Маленков, В. М. Молотов, М. Г. Первухин, Н. С. Хрущев, Л. И. Брежнев, Д. Т. Шепилов, А. Б. Аристов. Среди гостей находился Чрезвычайный и Полномочный Посол Республики Индии в СССР К. П. Ш. Менон с супругой.

Зрители внимательно следили за исполнением музыкальных и танцевальных номеров и горячо приветствовали артистов.

→

Раман Кутти и Кришна Кутти исполняют танец «Кришна Дориодхан» классического стиля «Катхакали» из эпоса «Махабхарат».

Фото Е. Умнова.

Пушки с корабля Беринга

Советские военные корабли — крейсер «Орджоникидзе» и эскадренные миноносцы «Стремительный» и «Сокрушительный» — отправились с визитом дружбы в Данию. Моряки одного из кораблей подолгу разглядывают две старинные пушки на борту. Что это за пушки и почему их везут в Данию?

В моем архиве сохранилась публикуемая здесь фотография, сделанная 20 лет назад, летом 1936 года, в бухте Командор. Вероятно, у читателей вызовет недоумение, что это за продолговатые предметы лежат на земле и почему я орудую около них лопатой. Вот как все происходило...

В качестве фотокорреспондента я была на Командорских островах. В селе Никольском, на острове Беринга, старик-алеут рассказал мне, что недавно на берегу бухты Командор обнаружены пушки с судов, на которых Витус Беринг около 200 лет назад совершил свою вторую экспедицию. Корабль Беринга пристал к неизвестным островам, ныне именуемым Командорскими, и во время стоянки был сильно поврежден. На одном из островов (теперь это остров Беринга) мореплаватель и экипаж его корабля устроились на зимовку. Она оказалась очень тяжелой. 8 декабря 1741 года Беринг умер здесь от цынги.

Я не могла, конечно, оставаться равнодушной к сообщению старика-алеута и наутро решила побывать в бухте. С группой алеутов и одним пограничником я отправилась в путешествие на кавасаки — моторной барже. Когда мы подошли к бухте Командор, начался отлив, и кавасаки не мог пристать к берегу. Пришлось сооружать плот из трюмных крышек, на котором мы по одному и преодолели расстояние до берега.

И вот я на земле. На возвышенности белеет большой крест: им отмечена могила Беринга. Но пушек нигде не видно.

Лопатами и руками мы разрывали песок, пока не наткнулись на твердые предметы. Постепенно мы расчистили довольно большую площадку, и перед нашим взором обнажились тринадцать старинных пушек. Песок и вода за два столетия порядком деформировали их, они оказались как бы соединенными между собой.

Об этом эпизоде в то время сообщали многие газеты. В дальнейшем две пушки были перевезены в село Никольское, где они положены у подножия памятника Беринга, а одна пушка — в Петропавловск-на-Камчатке. Остальные десять пушек остались на месте, напоминая о героическом подвиге великого мореплавателя Беринга и группы русских моряков.

Офицер русского флота Витус Беринг был по национальности датчанин. На родине, как и у нас, имя его окружено почетом. И вот теперь на советском корабле две из оставшихся в бухте Командор пушки будут доставлены в Данию в качестве подарка датскому народу.

Галина САНЬКО

МАДАМ БАТЕРФЛЯЙ

Борис ЛАСКИН

Рисунки Е. ГОРОХОВА.

Тамара стояла на самом краю вышки, высоко подняв руки. Внизу блестело зеркало воды, заключенное в темную раму мостков. За несколько мгновений до прыжка можно было еще успеть полюбоваться девушкой. Загорелая, в красной резиновой шапочке, а купальнике цвета морской волны, она была похожа на... (да простится это сравнение автору: видит бог, он старательно подыскивал другое!) на бронзовую статуэтку.

К слову говоря, ответственность за это привычное сравнение разделили с автором еще двое — пловец-перворазрядник Сергей Максимов и неизвестный человек в соломенной шляпе, сидевший на открытой террасе водной станции и с нескрываемым восторгом взиравший на девушку.

Между тем Тамара плавно опустила руки и прыгнула. Это был легкий, грациозный, поистине мастерский прыжок.

Поднявшись по лесенке из воды, она увидела Сергея.

— Очень неплохо, Томочка. Технично, чисто, не придерешься!..

— Почти хорошо, — раздался чей-то голос, и молодые спортсмены оглянулись.

На мостки спускался незнакомец.

— Разрешите представиться, — он поклонился Тамаре и небрежно кивнул Сергею,— заслуженный мастер спорта Василий Васильевич Пяткин.

Тамара с любопытством и одновременно с уважением посмотрела на Пяткина. Заслуженных мастеров спорта в их городе пока не значилось, и вдруг такая неожиданность!

— Очень приятно, — улыбнулась Тамара, — а вы, простите, по какому виду спорта?

— Плавание, прыжки в воду, — скромно ответил Пяткин, — ваш, так сказать, коллега.

— Ох, я тогда считаю, нам повезло, верно, Сережа?

— Да... Конечно... — рассеянно подтвердил Сергей. «Пяткин?.. Что-то я не помню такого заслуженного мастера», — подумал он, невольно пожав плечами.

— Я-то лично уже отпрыгался, — с легкой грустью сказал Пяткин и тяжко вздохнул.

— А что с вами случилось? — озабоченно спросила Тамара.

Они присели на скамейку.

— Я старше вас лет на десять, мои молодые друзья, — сообщил Пяткин, адресуясь к обоим, но глядя почему-то только на Тамару.

«Положим, не на десять, а на все двадцать», — мысленно отметил Сергей.

— Неудачный прыжок, удар об это... об грунт — и вот, пожалуйста, травма. Сам ни прыгать, ни плавать не имею возможности. Могу только учить, — скорбно покачав головой, усмехнулся Пяткин, — воспитывать молодые таланты.

— Вы знаете, мы сейчас, к сожалению, торопимся, — сказала Тамара, — вы, наверно, недавно в нашем городе? Да?

— Всего три дня. Приехал, и сразу как-то потянуло к воде, — покосившись на загорелые плечи Тамары, сказал Пяткин.

— А вы завтра к нам сюда не заглянете? — спросила Тамара. — Это было бы очень полезно, верно, Сережа? Вы бы нам парочку советов дали в отношении техники и вообще...

— А когда вы здесь завтра будете? — с несколько повышенным интересом осведомился Пяткин.

«Вот тип, — мрачно подумал Сергей, — ко мне вообще не обращается. Как будто меня здесь нет!»

— Завтра суббота? Тренировка. Значит, мы будем здесь после четырех. Придете?..

— Обязательно! — с готовностью ответил Пяткин и так посмотрел на Тамару, что Сергей, не сдержавшись, схватился за голову.

— Что с вами, молодой человек?

— Ничего. У меня, так сказать, вообще говоря, голова болит. Всего хорошего. — И Сергей так поспешно ушел, что Тамара даже растерялась.

— Сережа! — крикнула она и, устремившись вслед за Сергеем, с улыбкой обернулась к Пяткину. — Значит, до завтра?..

— До завтра! — подтвердил Пяткин и со значением улыбнулся. Улыбки этой Тамара уже не видела, как, впрочем, не видела и того, как Пяткин спустя полчаса зашел в ресторан, часом позже несколько неуверенной походкой вышел оттуда и проследовал в городскую читальню, где проявил повышенный интерес к спортивной литературе.

Назавтра он явился с небольшим опозданием. Отыскав в группе спортсменов Тамару, он преподнес ей букетик цветов, от чего она явно смутилась. А Пяткин со снисходительностью заслуженного мастера потрепал ее по плечу и негромко сказал:

— Победительнице от побежденного.

— Что вы, какая я победительница? — смущенно улыбнулась Тамара, имея в виду водный спорт.

— Вы победительница, — настойчиво повторил Пяткин, не имея в виду водного спорта.

— Начнем с теории, — сказал Пяткин, усаживаясь на скамейку рядом с Тамарой и с неудовольствием замечая, что предполагаемый камерный характер его беседы с девушкой после первой же его фразы нарушился внезапно разросшейся аудиторией. «Наверно, она уже обо мне всем раззвонила», — вздохнув, подумал Пяткин и бодро продолжал:

— Ни одно физическое упражнение так не развивает дыхание, как плавание. Тот, кто умеет дышать в воде, умеет и плавать.

Девушки и юноши, спортсмены, с любопытством слушали Пяткина, который смело развивал свою мысль, время от времени заглядывая в тезисы.

— Вспомните закон Архимеда, — обращаясь к девушкам, вещал Пяткин, — всякое тело, погруженное в жидкость, теряет... авторитет, если оно, так сказать, не умеет плавать.

Не прошло и десяти минут, как многие слушатели убедились, что заслуженный мастер популярно, но не совсем точно излагает содержание известного пособия «Плавание и прыжки в воду».

— Разрешите, — поднял руку юноша-спортсмен, — вы не можете нам объяснить технику прыжка в положении прогнувшись?..

Пяткин недовольно нахмурился.

Тамара в ожидании ответа оглянулась и увидела Сергея. Повидимому, у него было прекрасное настроение: он улыбался и с веселым вызовом смотрел на Пяткина.

— Прежде чем ответить на ваш вопрос, — сказал Пяткин, — я хочу, так сказать, поделиться с вами опытом, как я прыгал из передней стойки.

Тезисы Пяткина лежали на скамейке над самой водой. Поглядывая в них, Пяткин бодро говорил:

— Лично я отталкивался вверх и слегка вперед, подтягивал согнутые ноги к груди и направлял область, извините, таза кверху...

— Какие вам известны виды плавания? — неожиданно перебив мастера, спросил Сергей.

— Какие виды? — с легкой тревогой переспросил Пяткин, и в то же мгновение ветерок смахнул со скамейки его листки.

— Вы без шпаргалки, своими словами! — сказал Сергей, и Тамара даже удивилась: чего это он вдруг так осмелел?..

— Виды плавания разные бывают,— сказал Пяткин,— кроль (он мучительно напрягал память), кросс, то есть бросс... И эта, как ее?.. Ну, еще опера есть такая... Мадам Батерфляй!.. Вообще видов много имеется. Наука их еще даже не все открыла. Вот так, товарищи. Таким путем. Я пока пойду, а мы в следующий раз...

Пяткин встал и протянул руку Тамаре.

— А с вами я бы лично хотел, так сказать, поговорить.

Покачав головой, Тамара отвернулась. Ступая босыми ногами по нагретым за день мосткам, она услышала за спиной шепот Пяткина:

— Может быть, вечером посидим за бутылкой винца и, так сказать, обсудим...

Что именно собирался обсудить Пяткин, Тамара так и не узнала. Раздался шумный всплеск, и «заслуженный мастер спорта», поскользнувшись на мокрой доске, рухнул в воду.

От мостков до берега было не больше пяти шагов.

Появившись на поверхности, Пяткин с искаженным от страха лицом выпустил изо рта мощный фонтан и, крича что-то неразборчивое, держа в зубах соломенную шляпу, по-собачьи поплыл к берегу.

— Смелей, — доносились голоса с мостков, — дышите носом!

— Переходите с кросса на бросс!..

— Выше таз!..

Сергей подошел к Тамаре. Она, смеясь, смотрела на Пяткина, который уже благополучно выбрался на берег.

Отряхнувшись, надев шляпу, Пяткин неизвестно кому погрозил кулаком и, оставляя за собой мокрые следы, рысцой побежал по берегу.

Когда он скрылся за поворотом, Сергей, вдоволь насмеявшись, церемонно поклонился Тамаре:

— Пошли прыгать, мадам Батерфляй.

Спортивные картинки

Кто же первый?..

Упражнение на кольцах.

Рисунки Ю. ЧЕРЕПАНОВА.

Пропустил...

Победителю.

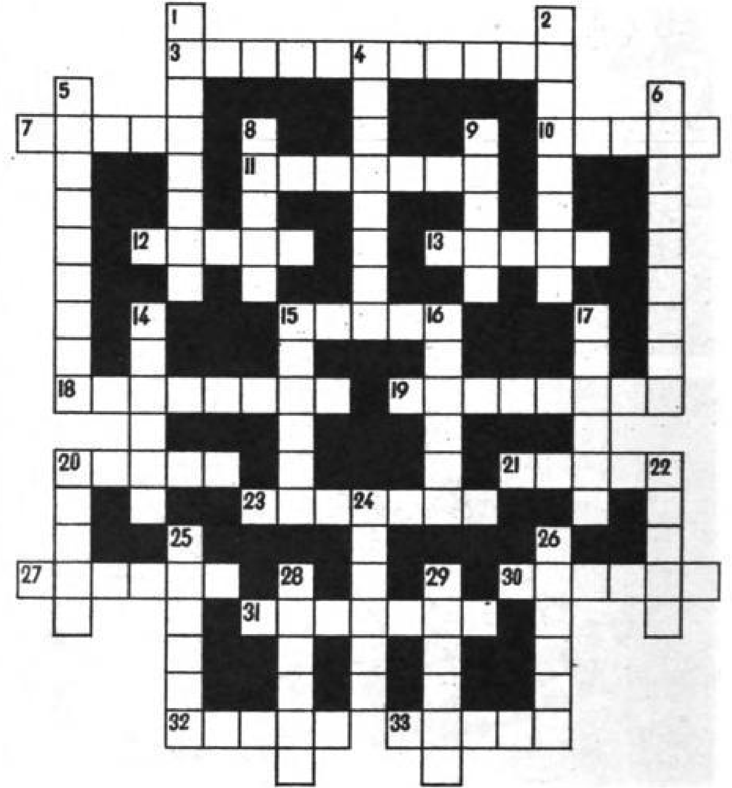

Любезный кавалер.

На стадионе.

КРОССВОРД

По горизонтали:

3. Физкультурный праздник. 7. Предохранительное снаряжение фехтовальщика. 10. Снаряд для метания. 11. Измерительная лента. 12. Манера работы. 13. Настольная игра. 15. Стиль плавания. 18. Один из видов прыжка в воду. 19. Легкая лодка. 20. Начало состязания. 21. Часть одного из видов легкоатлетического соревнования. 23. Футболист. 27. Оружие фехтовальщика. 30. Гимнастическое упражнение. 31. Место нового стадиона в Москве. 32. Приз. 33. Принадлежность некоторых игр.

По вертикали:

1. Командное соревнование на скорость. 2. Упражнения перед состязанием. 4. Спортивные упражнения. 5. Игра. 6. Лодка. 8. Способ плавания. 9. Торжественный смотр. 14. Один из видов верховой езды. 15. Спортсмен. 16. Бегун. 17. Вид спорта. 20. Атлет. 22. Состязание в скорости. 24. Игра. 25. Род соревнования в легкой атлетике. 26. Снаряд для гиревого спорта. 28. Игра. 29. Судно.

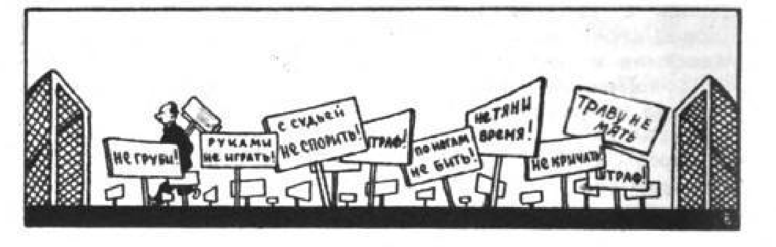
Ответы на кроссворд, напечатанный в № 31

По горизонтали:

1. Туше. 3. Эпос. 9. Торфоразработки. 12. Пахота. 13. Кривая. 14. Частота. 16. Плиоцен. 17. Амарант. 18. Эксперт. 19. Экоссез. 23. Когорта. 25. Копытка. 26. Автобус. 27. Афгани. 29. Скопле. 30. Систематичность. 31. «Дети». 32. Сила.

По вертикали:

1. Тафта. 2. Шеридан. 4. Правота. 5. «Стоик». 6. Фотоцинкография. 7. Избыток. 8. Эквивалентность. 10. Пампа. 11. Масть. 14. Челеста. 15. Аммофос. 20. «Скифы». 21. Хлопоты. 22. Рабле. 24. Автомат. 25. Кусачки. 28. Истод. 29. Стопа.

РЕТИВЫЙ АДМИНИСТРАТОР.

Рис. М. Вайсборда.

На вкладках этого номера две страницы репродукций картин А. М. Васнецова, две страницы картин художников Индии и четыре страницы цветных фотографий.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: В. Ф. БАРЫКИН, А. С. ВАРШАВСКИЙ, И. П. ГОРЕЛОВ, В. С. КЛИМАШИН (зам. главного редактора), Л. А. КУДРЕВАТЫХ (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, Т. З. СЕМУШКИН, Н. С. ЩЕРБИНОВСКИЙ.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Рукописи не возвращаются. Оформление И. Уразова.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61; Публицистики и очерка — Д 3-39-27; Информации — Д 3-39-07; Международного — Д 3-38-63; Искусств — Д 3-38-67; Литературы — Д 3-31-83; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-65; Юмора и сатиры — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-38-08; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 08472. Подписано к печати 1/VIII 1956 г. Формат бум. 70 × 108⅛. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 1 000 000. Изд. № 661. Заказ № 2020.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Барьерный бег.

Фото О. Неёлова.

Цена номера 3 руб.